

КОНАН

КОНАН
И КАМЕНЬ
ЖЕЛАНИЙ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КАЙМО ЗМЕИ 51	КОНАН И ХОСВЕН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54	КОНАН И СТИШЕЕ ВАО 55	КОНАН И ОБЕЗАН ШАДИЗАР 56
КОНАН И СКАЛЕ ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СЯТИМЦЕ ПЯКТОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИИ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАИВОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И САБА ИСПОЛИНА 63	КОНАН И САУТА ТУМАНА 64
КОНАН И ЛЮК ЗВЕРИ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРТОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИНГАРА 74	КОНАН И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77	КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУВОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАННИКИ МОРЕЙ 80
КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81	КОНАН И ВААДЖА ЛЕСА 82	КОНАН И НАТРАДА НАЕМНИКА 83	КОНАН И ЛЕГИОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕЗДИЯ 85	КОНАН И ТРОН ВЕДЬМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА 88
КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИИ 89							

КНИЖКА

КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАННЫЙ

АСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2003

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
К64

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 08.05.03.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.
Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 21,00.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1287.

Конан и камень желаний: Сб. — М.: ООО «Издательство К64 АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. — 390, [10] с. — (Конан).

ISBN 5-17-019068-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-105-2 («Северо-Запад Пресс»)

В новом томе «Саги о Конане» читателей ждет повествование об увлекательных похождениях киммерийца в городе воров Шадизаре, в Бритунии, — в отряде охотников на чудовищ; а также в жарких степях Турана, где бесстрашному варвару придется не только столкнуться с коварством восточных владык, но и выдержать испытание Божественным огнем.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2003

Глава первая

Магия и жулики

г. Шадизар, Замора.

Лето 1264 года по основанию Аквилонии.

Дюноши, неужели так сложно понять, что играть с подобными вещами совершенно не следует? Если вы не думаете о других людях, то подумайте хотя бы о собственном благополучии! Развлечения развлечениями, но... В один прекрасный день вы попросту сожжете наш прекрасный городок или вызовете из Черной Бездны столь невероятное страшилище, что бороться с ним можно будет только одним способом — немедленным и героическим самоубийством!

— Герат, зачем говорить столько лишних слов, когда можно сказать просто: эта штукавица может быть опасной! Тогда ответь, кому из

живущих в Шадизаре магов ее можно выгодно продать? Или проще съездить в Арэнджун? Или в Коф? Я слышал, будто в Хоршемише существует целый квартал лавок, где торгуют магическими принадлежностями и каждый желающий может выгодно продать любую волшебную вещь... Конан, что скажешь?

— Откуда я знаю, Ши? Волшебство, конечно, бывает полезно, но только не для нас с тобой. Сплошные неприятности от этого поганого колдовства. Не люблю магию.

— Со временем полюбишь. Герат?..

— Что — «Герат»?

— Ты все-таки колдун. Покунай!

— Не колдун, а волшебник, это во-первых. Во-вторых: Белая магия с подозрением относится к не-человеческому колдовству, а ваш медальон явно создан альбами или, возможно, существами которые именовали себя «Кро мара». Они давным-давно вымерли. Нет, не возьму. Даже если будете предлагать настырно и совершенно бесплатно.

— А ты, как я погляжу, человек принципов.

— Как и ты, достойный Ши Шелам, как и ты...

* * *

Сия беседа происходила в одной из комнат богатого и очень вместительного дома, стояв-

шего на улице Мраморных львов, что рассекает напополам шадизарский квартал Бейдаль.

Надобно непременно сказать, что Бейдаль является одним из самых благопристойных и тихих кварталов города — тут располагаются дорогие таверны и постоялые дворы для обеспеченных путешественников, в Бейдале любой желающий может посетить самые блистательные бордели, ненавязчиво именуемые владельцами «Домами отдохновения» или приятно провести время в салонах, кои содержат выходцы из столь цивилизованных и культурных стран, как Аквилония, Немедия или Зингара.

Здесь вас не ограбят средь бела дня и не ударят ножом просто ради развлечения, а если и случилась такая неприятность, то вы можете запросто пожаловаться либо начальнику стражи квартала, либо его «хозяину» — старшине сообщества «ночных цирюльников», каковой имеет власти даже поболее, чем назначенный наместником Шадизара прецептор квартала Бейдаль. По крайней мере «хозяин» мгновенно найдет вашего обидчика и примерно его накажет безо всяких проволочек и составления необходимых бумаг (обязательное наличие коих во время судебного дознания строжайше предписано господином наместником).

Итак, дом (а, вернее, поместье), находился возле самых городских стен. Эти кварталы города отличались большими и тщательно обере-

гаемыми садами, кипарисовой рощей, виллами богатых торговцев и огромным количеством искусственных ручейков — в Шадизаре воды мало, центральная часть города пропылена и выжжена безжалостным полуденным солнцем, а тут выкопаны глубочайшие артезианские колодцы. Грустные ослики под присмотром рабов крутят деревянные ворота, дабы при помощи хитроумных механизмов влага из водоносных пластов поднималась на поверхность и попадала в специальные желобки, по которым она растекается в сады богачей... Певчие птички, павлины, по веткам деревьев прыгают прирученные обезьянки, у ворот усадеб можно заметить вооруженных людей — личная охрана хозяев... Словом, идиллия.

Но в таком случае встает вопрос: почему в доме, принадлежащем известному волшебнику Герату Айбенилю находятся двое подозрительных гостей, каковых по неписаным законам Бейдаля следовало бы выставить с улиц квартала со скандалом и руганью? Выставить туда, где им самое место: в отвратительные трущобы Нарикано, где означенная парочка и проживает!

Впрочем, достопочтенный месьор Герат имеет полное право принимать у себя в поместье кого пожелает. Если волшебнику нравится общаться с отбросами — пожалуйста! Шадизар — свободный город и никакие законы не говорят о том, что волшебник не может переговорить с

двумя проходимцами по интересующему его вопросу.

Самому Герату, восседавшему во главе роскошного овального стола эбенового дерева, едва исполнилось тридцать лет. Скажем прямо: для волшебника возраст малопочтенный. Худощавый, очень загорелый, со щеточкой черных усов над верхней губой. Одет в пышную атласную хламиду цвета снега с непременной золотой вышивкой на груди в виде солнечного диска — символ Белого Конклава магии Света.

Перед Гератом на столе громоздятся серебряные кувшины с лучшими винами и блюда с изысканными яствами, на стенах зала для приема гостей красуются пушистые ковры, в свою очередь украшаемые коллекциями редкого оружия и магических артефактов...

А вот по правую руку от молодого волшебника восседают два оборвыша. Первый, невысокий, смуглый и худенький ведет разговор. Второй — парень лет двадцати по виду (на самом деле ему едва исполнилось шестнадцать) — предпочитает помакивать и слушать. Он вымахал аж до четырех локтей и двух с половиной ладоней от пяток до макушки, носит чуть испачканную сажей сероватую рубаху с обрезанными рукавами (в Шадизаре, если кто не помнит, летом очень жарко) и холщовые штаны, заправленные в мягкие бежевые сапоги; буйные черные волосы схватывает на лбу кожа-

ным ремешком, а широкий пояс украсил скромным кинжалом.

В квартале Нарикано имена этих двух молодых месьоров хорошо известны — Ши Шелам из Шадизара и Конан Канах из Киммерии. Живут они в таверне «Уютная Нора» и подвизаются в шайке некоего Аластора Кайлиени, знаменитого шадизарского ворюги, имя коего прославлено в легендах — никому, кроме Аластора, доселе не удавалось забираться в сокровищницы гномьей общины Шадизара и выйти оттуда живым!

Конан Канах поселился в городе несколько лун тому и успел немного привыкнуть к беспокойному Универсуму Шадизара — согласимся, что сей человеческий улей является эдакой маленькой вселенной, крохотным мирком, маленьким чешущимся прыщиком на седалище Большого Творения. Свои законы, свои традиции, свой говор и собственное наречие, понятное, однако, большинству воров Закатного материка.

Шадизар уникален, точно так же, как уникален Конан — единственный выходец из далекой и почти сказочной Киммерии, обитающий в недрах столицы Заморийского протектората.

А вот Ши Шелам — коренной замориец, чьи деды и прадеды вкупе с бабушками и прабабушками жили под жгучим шадизарским солнцем — есть плоть от плоти города. Пропечен

солнцем и пропитан местными нравами, знает все и про всех, встретить его на улице — Ши покажется такой же обязательной частичкой города, как виселица на главной площади, серовато-желтые камни зданий или откормленные шадизарские крысы, являющиеся главным проклятием городских рынков.

Итак, что же понадобилось двум медким жуликам из Нарикано в доме почтенного волшебника Белого конклава?

Ши и Конан объявились утром, вскоре после рассвета. Остановились у ворот поместья, через привратника попросили встречи с месьором Гератом и, сопровождаемые донельзя подозрительными взглядами телохранителей волшебника, проследовали в гостиную, более смахивавшую на один из самых роскошных залов дворца туранского императора.

Пока ждали волшебника, совершавшего непрерывную утреннюю медитацию, за оборванцами в оба глаза приглядывал смотритель-дворецкий — как бы чего не сперли! После каждого визита Ши слуги недосчитывались то золотой статуэтки, то завалившейся на полках драгоценной безделушки из коллекции господина, однако уличить мальчишку ни разу не удавалось. Куда он прятал схищенные предметы оставалось лишь догадываться.

— А-а, мои драгоценный друзья! — Герат, шелестя полами белоснежного балахона стре-

нительно вошел в залу и сразу направился к гостям. — Не ждал, не ждал... Присаживайтесь! Вина?

— Вина, — согласился Ши. — «Либнумскую лозу». Если, конечно, мы вправе выбирать.

Герат даже бровью не повел, хотя «Либнум» спокон веку считался на Закате самым дорогим вином. Слуга молча принес серебряный кувшин с запотевшими боками — прямиком с ледника! Неслыханная роскошь! Впрочем, Герат Айбениль считался очень богатым человеком и мог позволить себе любые чудачества.

— Заметьте, я никогда не спрашиваю, откуда вы достаете вещицы, которые приносите на продажу, — усмехнулся Герат, пригубив вина. — Надо полагать, находите на улице?

Конан промолчал, а Ши расплылся в лучезарнейшей улыбке:

— Твой проникательность, о могучий, достойна... э... — парнишка запнулся, не зная, как продолжить задуманную вежливую фразу. Взглянул на Конана, но ожидать помощи от дремучего варвара было бессмысленно: киммериец вообще не разбирался в напыщенной куртуазии. — Герат, ну скажи, какая тебе разница, где мы отыскиваем предметы, которыми ты интересуешься?

— Никакой, — пожал плечами волшебник, усмехнувшись в бороду. — Чем ты порадуешь меня на этот раз?

Ши полез за пазуху, извлек нечто тяжелое, округлое и завернутое в омерзительно грязную тряпку, после чего выложил добычу на стол.

— В эту, с позволения сказать, ткань, стадо буйволов сморкалось? — Герат брезгливо коснулся свертка кончиками холеных пальцев и сразу отдернул руку. — Покажи, что там?

Ши преобразился. Мурлыча и сочась елеем смуглый воришка завел сладкие речи о том, с какими трудностями удалось раздобыть эту редчайшую, красивейшую и, без сомнения, наиволшебнейшую вещь. Теперь же он, Ши Шелам, зная о приязни, каковую испытывает мудрый Герат Айбениль к своим старым друзьям, жаждет данный раритет продать.

Ши не сомневается, что в качестве материального воплощения сией приязни меcьор Герат возжаждет приобрести означенную вещь для своей коллекции, скажем за... Всего только за пятьдесят золотых немедийских ауреев. Смешная сумма!

А если учитывать богатство, щедрость и великодушие хозяина этого замечательного дома, то какие-то жалкие пятьдесят ауреев покажутся благородному Герату лишь невзрачной пылинкой, рядом с сокровищем, каковое ему предлагается за сущий бесценнок...

Конан понимающе покивал. В благородном искусстве торговли Ши Шеламу равных не было — он умел заговорить зубы любому покупа-

телю. Но и Герат, как шадизарец по рождению, был не лыком шит.

Сделка не состоялась по двум причинам. Во-первых, Герат собирал коллекцию магических артефактов относящихся лишь к светлому волшебству и старался выполнять требования конклава — нельзя использовать «чужую» магию, поскольку она порождена не-человеком, а, следовательно, может нести в себе Тьму. Во-вторых, месьор Айбениль так и не сумел уяснить, каково же истинное предназначение медальона, предъявленного Ши Шеламом и его хмурым приятелем-варваром.

Артефакт являл собой платиновый овал с рунической надписью по кругу, причем руны явно принадлежали древнему алфавиту альбов. В центре вытянутого диска — не слишком дорогой мутный темно-зеленый изумруд скверной огранки. К медальону прикреплена простенькая серебряная цепочка — металл потускнел от времени.

На первый взгляд, ничего необычного. Но если взглянуть на изумруд, станут заметны пробегающие внутри камня зеленые искорки, а если коснуться камня, то человеческий палец окутает малахитовое сияние и проскочат безболезненные тонкие молнии. Именно благодаря данным свойствам медальона Ши Шелам принял решение немедленно продать его одному из знакомых магов — простому человеку с кол-

довством связываться не следует. Ибо, как было выяснено на собственном горьком опыте последних лет, сие чревато мелкими и крупными неприятностями...

— Не возьму, — решительно сказал Герат, отодвигая прочь медальон. — Добудете что-нибудь более... гм... понятное — милости прошу в гости. Не желаю покупать кота в мешке! С магией древних шутки плохи! Откуда мы знаем, вдруг завтра из этой штуковины вылезет нечто клыкасто-когтистое и выразит желание мной позавтракать? Или превратит Шадизар в огромную кучу навоза?

— Зачем лишний раз трудиться? — уныло спросил Ши. — И к чему превращать навоз в навоз? Ты можешь хоть приблизительно определить, какими свойствами обладает медальон? Чтобы мне было проще говорить с другими покупателями? Например, он может обращать медь в золото или даровать глубоким старцам великую мужскую силу?

— Ни то, и ни другое, — покачал головой волшебник. — Предполагаю, что этот артефакт был создан альбами для управления... Управления чем-то, о чем мы не знаем. Видишь, на металле выгравированы руны повеления?

— Не разбираюсь, — отрекся Ши.

— Альбы умели приказывать существам сверхъестественным. Демонам, драконам, духам... Это давно забытое искусство.

— Может, мы тогда пойдем? — густым баском сказал Конан, вставая с кресла. — Прости, уважаемый, за беспокойство.

Ши с сожалением посмотрел на кувшин «Либнума» опустошенный только наполовину. Киммериец поднял приятеля за ворот.

— Рекомендую обратиться в лавку Аль-Руди из Турана, на улице Красного Тигра — с улыбкой посоветовал Герат. — Пятьдесят ауреев он не даст, но на два десятка можете рассчитывать смело.

— Два десятка? — возмутился Ши. — Камушек вынем, платину переплавим, продадим ювелирам. Выручим не меньше тридцати пяти золотых... Спасибо, Герат!

Конан завернул драгоценность в тряпку и сунул под рубаху.

— Эй! — окликнул волшебник гостей, направившихся к выходу в сад. — А плата за консультацию?

— Жадина, — буркнул Ши, полез в пояс, извлек монетку и бросил ее на стол. — Этого хватит?

— Благодарю, друзья! — расхохотался Герат, узрев перед собой самую мелкую медяшку с гербом Заморийского протектората. — Обязательно приходите еще!

— Куда ж мы денемся... — не оборачиваясь бросил Ши и вместе со своим высокорослым дружкой исчез за резной дверью.

Волшебник покрутил в пальцах жалкую, тусклую монетку. Жестом подозвал дворецкого.

— Отнеси в сокровищницу, — сказал Герат, отдавая монету слуге. — Эти полоумные не знают, чем разбрасываются. Чеканка времен короля Аргилло Второго, этому кругляшку целых шестьсот пятьдесят лет! У любого собирателя редкостей за него можно выручить сорок золотых! Эх, молодежь, молодежь...

— Мой господин, а куда пропал золотой амулет Митры, который висел на эфесе аквилонского меча из твоей коллекции?..

Герат поглядел на редкий клинок, на дверь, снова на клинок, что висел на ковре рядом с многочисленными братьями, и едва не задохнулся от хохота. К невероятному удивлению рассерженного и чересчур наблюдательного дворецкого, Герат только махнул рукой и выдавил, сквозь слезы:

— Куда пропал? Да какая разница? Куплю другой!

Глава вторая

Пришествие обжоры

Атику — нынешнюю великую любовь Ши Шелама — Конан открыто не одобрял.

Атика носила облик тощей взбалмошной девицы в голове которой бушевал не просто ветер, а самый настоящий ураган. О понятии «благочиние» Атика имела самое отдаленное представление и, как следствие, благочиния не придерживалась. Впрочем, в Шадизаре такое отношение к жизни было в порядке вещей и Конан начал к этому привыкать.

Но к Атике молодой киммериец привыкнуть никак не мог — это не женщина (какая, к демонам, женщина?! Девчонка сопливая!), а самое настоящее стихийное бедствие, почище любого смерча! Ши Шеламу, однако, Атика безумно нравилась — он полагал, что это нелепое су-

щество является если уж не олицетворением женщины его мечты, то стоит весьма близко к лучезарному идеалу.

Идеал, в отличие от абсолютного большинства легкомысленных приятельниц Ши, был обременен ремеслом. Как утверждала сама Атика, ремесло это было стократ серьезнее и важнее любых других приличествующих женщинам занятий, начиная от банального рукоделья и заканчивая трудами на ниве ублажения сильной части человечества в многочисленных увеселительных заведениях Шадизара.

Атика несла радость людям. По крайней мере она сама так утверждала. Радость она несла (как выражался Конан — «наносила») через участие в представлениях «Трупы месьора Каланьяса», а если попросту — фиглярского балагана, обосновавшегося неподалеку от Каменного рынка, главного средоточия торговой жизни замечательного заморийского городка...

Владелец балагана, уважаемый господин Каланьяс из Зингары, по вполне справедливому мнению Конана, коего Ши по меньшей мере раз в седмицу едва не силком затаскивал на представления, был полоумным злобным монстром. Огромный, толстый, бородатый, пышущий здоровьем телесным и явно обделенный здравием душевным, месьор Каланьяс изумлял своими сценическими паскудствами даже неискушенного в высоких искусствах киммерийца.

Пьесы для балагана Каланьяс измышлял самостоятельно, причем полагал себя выдающимся сочинителем наподобие знаменитого Стефана Короля Историй. Впрочем, сценки частенько получали вполне доходчивые и понятные каждому названия: «Неверная жена», «Король и мельничиха» или «Богиня красоты».

Более серьезные произведения поименовывались куда сложнее. Например всего десять дней тому, Каланьяс явил почтеннейшей публике «Историю о деяниях славного герцога Лорито, утопившейся девице и потерянном царственном младенце». Ши Шелам, в обязательном порядке явившийся на представление, был в восторге — во-первых, «утопившуюся девицу» играла Атика, во-вторых Ши обнаружил в пьеске ведомые лишь ему одному глубины и посчитал, что месьор Каланьяс знаком с трактатами лучших аквилонских и офирских философов, хотя сам не прочел ни единого, поскольку считать Ши Шелам умел гораздо лучше, чем читать, а считал он преимущественно медь, серебро и (гораздо реже) золото.

Конан, покинув сколоченный из грубых досок и задрапированный кричаще-яркими тряпками небольшой амфитеатр, долго плевался, бурчал о вопиющем неблагочии и сказал, что впредь к этому вертепу он теперь не подойдет и на лучный перестрел. Ши немедленно обиделся, обозвал приятеля дикарем и вар-

варом, не понимающим и не видящим прекрасного. Киммериец, как обычно, не обратил на оскорбленные вопли друга никакого внимания, поскольку Ши разбрасывался глупыми словами ежедневно и по много раз.

...После неудачного визита к Герату Айбенилю неразлучная парочка вернулась домой — в таверну «Уютная Нора», принадлежавшую Лорне Бритунийке, бывшей наемнице и искательнице приключений на больших и малых дорогах, а ныне добропорядочной шадизарской горожанке и гильдейской трактирщице. Злые языки, однако, утверждали, что в действительности «Нора» находится не столько во владении Лорны, сколько Райгарха-асира, здешнего вышибалы, с которым Лорна открыто состояла в игривых отношениях.

— Продали? — осведомился здоровенный, как нордхеймский мамонт, Райгарх, бдевший возле входной двери. — Лорна сказала, что если не продадите — вышвырнет обоих на улицу. Никакой магии в доме, ясно? Надоело!

И хозяйке, и самому Райгарху, по большому счету, на магию было плевать, однако недавние события, связанные с волшебным жезлом превратившим трактирный нужник в странное полуживое существо имеющее неприглядный образ деревянной будки с восемью паучьих ног, привели Лорну в бешенство. Столь необходимая в хозяйстве пристройка теперь бродила по

заднему двору, пугала куриц и посетителей таверны, а ночами вела долгие и занудные философические беседы неизвестно с кем.

Превратить нужник обратно не удалось даже Герату, которого позвали посоветоваться — как теперь быть? Волшебник осмотрел ожившую будку, повздыхал, покачал головой, сказал, что надо подождать — вдруг все само собой образуется? — и с тем в недоумении отбыл. Райгарху же пришлось рыть вторую выгребную яму и сколачивать новое отхожее место взамен сбежавшего.

С тех пор Лорна поставила для своих шептунных постояльцев непеременимое условие: если по их вине начнутся новые колдовские безобразия, то Ши, Конан, Аластор и вся прочая развеселая компания может смело убираться вон и подыскивать себе другое место для жилья. Избавьте меня от любого колдовства, от которого одни неприятности!

— Так продали или нет? — повторил Райгарх, ухватывая Ши за ворот.

— Пусти, медведь! — сдавленно пискнул Ши. — Задавишь! Ничего не вышло! Герат отказался. И... И медальон вообще никакой не магический!

— Врешь ведь, как и всегда, — ответил Райгарх, разжимая могучую длань. — Ну гляди, подлец, случится чего — отделаю так, что твои внутренности станут наружностями! Кстати, там

тебя эта драная кошка Атика дожидается... С самого утра.

Райгарх махнул рукой в сторону проконченного обеденного зала.

Ши исподлобья посмотрел на вышибалу, прикидывая, как бы впоследствии пострашнее отомстить асиру за возмутительное хамство — это надо же, назвать очаровательную и талантливейшую Атику «драной кошкой»! Пока ничего разумного в голову Ши Шелама не приходило, поскольку связываться с нордхеймским дикарем было весьма чревато.

Конан, наоборот, был целиком и полностью с Райгархом солидарен. Атика и впрямь неуловимо походила на помойную кошку — тощая, как мальчишка, с торчащими ребрами и жиденькой гривкой медно-рыжих волос с желтоватыми подпалинами, одевается в живописные обноски, которые богатые горожане иногда отдают трупне господина Каланьяса — не пропадать же добру? Пускай послужит фиглярам...

— Ты представляешь, Ши, это будет успех достойный Тарантии или Бельверуса, поверь, честное-честное слово! — с ходу завела Атика, едва узрев своего ненаглядного дружка. Голос Атики вызывал у Конана немыслимое раздражение — тонкий, скрипучий, визгливый и вздорный. Запусти Атику на полдня в одну из пирамид стигийского Птейона — всех мумий на ноги поднимет, будь они хоть пятьдесят раз мерт-

вы! — Плотник Сагал уже делает новые декорации, такие большие штуковины, чтобы было похоже на пыточную, их еще в черный цвет потом покрасят... И цепи, конечно, кандалы, всякие закорюки, чтобы страшно было. Потом графа втащат туда два палача, таких здоровых, их месьор Каланьяс нанял из бывших базарных борцов, очень высокие и толстые, настоящие изверги...

— Постой, постой! — Ши уселся за стол рядом с Атикой, тщетно пытаясь выловить из ее сумбурных речений хотя бы одно рациональное зерно. — Во-первых здравствуй, моя.. гм... кошечка (звук поцелуя). Во вторых... Эй, есть там кто? Мне красного вина, Медвежонку — кружку пива! В горле пересохло!

Конан давно понял, что в Шадизаре ни единый человек без клички обойтись не может, а потому когда с легкой руки Ши Шелама большинство друзей и знакомых начали именовать его «Медвежонком» или, того чище, «Малышом» (большинство прозвищ, как известно, даются от противоположного), киммериец решил не обижаться. Если здесь так принято — придется смириться. Тем более, что по законам горцев Полуночи открывать всем и каждому имя, данное при рождении, вовсе не следовало — еще порчу наведут! Пусть уж лучше кличут Малышом.

Рилна, трактирная служанка, молча прита-

щила вино и пиво для Конана — в соответствии с киммерийскими традициями он отвергал сок виноградной лозы в пользу ячменного напитка и приохотиться к вину доселе не сумел. «Уютная нора» жила своей обычной жизнью — несколько посетителей поглощали заказанные блюда, было слышно, как Лорна шумно помыкала прислугой на кухне, по доскам столов ползали одуревшие от жары мухи.

Атика, разрушая полусонное благолепие, безостановочно тархтела:

— ...Потом графа выводят на площадь, там у нас обязательно будут трубы, длинные, как у кезанкийских горцев, чтобы ревели и делали все торжественно, волосы у графа в крови, спина иссечена рубцами, палач готовится — месьор Каланьяс нарочно попросит у мясника топор побольше! А потом...

— Начнем сначала! — взмолился Ши. — Ты о чем рассказываешь, солнце мое? Какой еще граф?

— То есть как — о чем? — Атика остановилась на полуслове, будто о булыжник споткнулась. — Я уже целый квадранс талдычу: новое представление в амфитеатре! Месьор Каланьяс сочинил новую пьесу! Только вчера, понимаешь? Называется — «Трагическая повесть о мнимом преступлении графа Альдосо, клеветниках, несправедном суде и его ужасной смерти». Я буду играть возлюбленную графа, она

потом бросится с утеса и разобьется о скалы! Здорово, правда?

Конан скептически хмыкнул и призадумался. Во-первых, киммерийца смущало название, в котором было упомянуто «...о несправедном суде и его ужасной смерти». Вот интересно, кто умертвил суд? Граф Альдосо, совершивший мнимое преступление, надо полагать? Во-вторых, в абсолютном большинстве представлений трупны Каланьяса Атика изображала девиц, которые в финале топились, травли себя ядом, закалывались кинжалом, вешались, прыгали со скал и крепостных башен, умирали от жажды в пустыне или там же пожирались тиграми, львами и медведями, хотя Конан точно знал, что в пустынях медведи не водятся. Но столь вопиющее однообразие Атике ничуть не приедалось и всякий раз она расписывала свою новую роль с вдохновением, достойным куда лучшего применения.

Атика тем временем продолжала изливаться на влюбленно-восхищенного Ши подробности грядущего представления:

— И вот тогда, благородный граф Альдосо взглянул на своих мучителей и гордо скрестил на груди связанные за спиной руки...

— Ч-чего? — тут уже и невозмутимого Конана проняло. — Как? Связанные за спиной?

Ши откровенно фыркнул, но Атика не обратила на это безобразное зубоскальство никакого внимания, воскликнув:

— Так написано у месьора Каланьяса! Вы дальше слушайте, не перебивайте!

Конану стало скучно. Пока Атика продолжала восторженно верещать, описывая феерические по своей пошлости сцены, киммериец влил в себя содержимое кружки, и потребовал у Рилны еще одну. Стало легче. Окружающие перестали восприниматься как злонамеренные идиоты. Ши Шелам тем временем охал, ахал, воздевал очи горе, хлопал в ладоши — словом, вел себя преувеличенно, как и полагается тонкому ценителю.

От нечего делать киммериец вытащил сверток с изумрудным медальоном, отбросил ткань, положил артефакт на стол и принялся рассматривать.

История появления древней вещицы у Конана и Ши была, в целом, вполне тривиальной. Третьего дня Ши Шелам ненавязчиво стащил медальон в антикварной лавке купца Аль-Муртаба — достойный торговец отвлекся всего на один миг, и этого было достаточно для того, чтобы красивый платиновый овал перекочевал в секретный кармашек на поясе Ши.

Маленький негодяй потом оправдывался перед неодобрительно ворчавшим Конаном (киммериец с детской наивностью доселе полагал, что воровать можно только у бесчестных людей), что он просто не может пройти мимо красивой и никому не нужной вещи — медальон

валялся в лавке Аль-Муртаба без всякого толка целую вечность, а теперь с его помощью можно порадовать какую-нибудь очаровательную девушку.

Было ясно, что под таковой очаровашкой подразумевалась Атика.

Подозрительные свойства, присущие артефакту, были замечены тем же вечером. Изумруд светился и сыпал крохотными искорками, притягивал к себе небольшие металлические предметы, а после того, как Ши попытался вынуть камень из оправы, чтобы как следует его рассмотреть, изверг тонкую зеленую молнию, которая подожгла стол. Начинаящийся пожар был потушен совместными усилиями обитателей «Норы» — в ход пошло пиво и вино из кружек.

Лорна, в присутствии которой и произошел данный инцидент, потребовала немедленно — слышали, недоумки, немедленно! — удалить опасную вещь из дома. На ночь медальон можно спрятать во дворе, а утром сразу продать! Кому? Это уж пускай Ши придумает самостоятельно, не маленький!

За вчерашний день подходящего покупателя отыскать не удалось, а сегодня отказал даже Герат, давно и прочно знакомый с обустроившейся в «Норе» шайкой. Вообще-то волшебник считался приятелем Аластора, предводителя компании, но старался поддерживать хорошие от-

ношения со всеми — Ши и его дружки исправно пополняли коллекцию белого мага и не просили за редкий товар чересчур много золота.

Конан, как природный варвар, только начавший знакомиться с «цивилизованной жизнью» (так именовал Шадизарское бытие Ши) магии сторонился, почитая оную делом нечистым, но считал, что такая маленькая штучка, как изумрудный медальон, чересчур вредоносной не может быть по определению — это ведь не демон, не чудовище из Черной Бездны и не могучий артефакт наподобие знаменитых Короны Сета или Мечей Скелоса, о мощи которых ходят легенды. Кроме того, медальон пока не сделал ничего плохого кроме приснопамятного поджога стола — оказался заключенное в нем волшебство действительно опасным, то означенная опасность проявилась бы давным-давно, обрушив на «Уютную Нору» и ее постояльцев неисчислимые бедствия. Следовательно, и страшиться нечего.

Известно, что предания о стародавних временах и сохранившиеся осколки знаний древности лучше всего сохраняются не в библиотеках огромных городов и не в головах убежденных сединой ученых мужей. Загляните в любую захолустную деревню в Бритунии, Немедии или Аквилонии, порасспросите стариков и жрецов, и вы узнаете о Кхарийской империи или Пифоне куда больше, нежели почерпнете из книг. В

глухомани люди доверяются не тленным пергаментам, а собственной памяти, которая усердно оберегает прошлое.

Киммерия отнюдь не была исключением из данного правила. Едва ли один из тысячи обычных киммерийцев мог разобрать хотя бы две литеры аквилонского алфавита, зато практически каждый понимал значение рун или мог рассказать вполне достоверную сагу о предках-атлантах или о войне хайборийцев против Ахерона. Конан с детства был обучен руническим символам — отец-кузнец украшал защитными знаками оружие, бабушка гадала на рунических палочках, руны были высечены на священных камнях в святилище Крома... И на изумрудном медальоне Конан различил вполне знакомые символы — прежде руны принадлежали не-человеческим народам, наподобие альбов или подгорных гномов, но впоследствии древние алфавиты унаследовали люди и помнят их значение доселе...

Вот, пожалуйста. Сверху, сразу над камнем, оправу украшает руна «Терва», сиречь Мировое Древо, ствол жизни, символ пробуждения и расцвета. Дальше, по кругу, «Беркано», «Лауд», «Тарн»... Чего ж тут непонятного? Такой мудрый человек, как волшебник Герат должен был распознать эти символы и смысл, который они скрывают!

Конан дотронулся пальцем до верхней руны

и отшатнулся. Изумруд взблеснул яркой зеленой вспышкой.

Ши, целиком погруженный в беседу о несчастной судьбе графа Альдосо и его возлюбленной, ничего не заметил. Атика тем более.

Камень на медальоне снова стал неживым и холодным. Будто ничего и не произошло.

* * *

— Т-там!.. Оно! Райгарх,пусти меня!

Дверь таверны распахнулась и в проем камнем влетел один из постоянных посетителей — месьюр Сариф, низкорослый и толстенький владелец шорной мастерской, расположенной в доме напротив. Внимательный Райгарх отметил про себя, что Сариф имеет вид взъерошенный и перепуганный, что никак не вязалось с привычным обликом уважающего себя мастерового.

— Пожар, грабеж средь бела дня? — асир слегка встряхнул бледного шорника, наткнувшегося прямоком на вышибалу.

— Оно! Демон! — Сариф хватался за сердце, вытирал пот рукавом и вообще очень мельтешил. — Обжора!

Райгарх нахмурился. Неужели старый знакомец опять соизволил объявиться? Если так, то новый визит данного «знакомца» может грозить серьезными неприятностями.

Отпустив Сарифа, тотчас убежавшего к стой-

ке — целить душевную рану кислым вином — Райгарх осторожно выглянул наружу.

Ну точно! И как теперь прикажете изгонять неожиданного гостюшку?

Гостюшка висел в воздухе перед входом в «Уютную Нору» на высоте четырех локтей и чуть раскачивался на волнах горячего ветерка. Еще он скалил зубы, тихонько поворачивался вправо-влево, издавал звук, похожий на стрекотание кузнечика, но агрессивных намерений пока не являл.

— Что же ты такое? — задумчиво проворчал Райгарх, наблюдая за гостем. — И как бы тебя отправить обратно, во тьму, из которой явился?

...Несколько седмиц назад на тишайший и благополучный городок Шадизар свалилась невиданная прежде напасть. Через посредство волшебного жезла (каковой затем и превратил трактирный нужник в многоногое болтливое страшилище) разудалые постояльцы «Норы» сумели на краткий миг открыть нечто наподобие двери-портала ведущего в... Наверное, в некую пустоту меж мирами. Пустота, как выяснилось, была обитаема. Прежде чем портал захлопнулся, из сияющей холодными звездами бездны в трактир проскользнуло существо имевшее вид большого летающего пузыря неопределенно-коричневого цвета.

Опытным путем сразу же было выяснено,

что «пузырь» почтивший своим визитом «Уютную нору» владел широченной пастью, оснащенной великим множеством треугольных зубов, имел дурной характер и был вечно голоден. Немедля после появления в «Норе» тварь сожрала черенок метлы, перекусила веревку, на которой висела здоровенная люстра-колесо и поглотила несколько предметов, коими Лорна, Конан, Ши Шелам и все прочие обитатели «Норы» начали в нее швыряться, пытаясь если не убить, то хотя бы выгнать чуду на улицу.

Положение, как и всегда, спасла решительная и тяжелая на руку хозяйка — Лорна изо всех сил звезданула тварюгу дубинкой, каковая была спрятана под стойкой с напитками.

Пузырь, будто выпущенный из пращи камень, со свистом пересек обеденный зал таверны, выбил слюдяное окно и с тем исчез в ночной тьме.

Впрочем, дальнейшая судьба твари вовсе не осталась покрытой мраком зловещей тайны. Зубастый демон (или что оно такое?) решил поселиться в Шадизаре, поскольку найти в городе пропитание было проще простого.

Дивное создание жрало все подряд. Смысл его бессмысленной жизни состоял в непрерывных и настойчивых поисках еды. Металл, дерево, камень — острейшим зубам летучего чуда был подвластен любой материал, а все съеденное неким волшебным образом навсегда исчеза-

ло в не столь уж и огромной по виду утробе. В один прекрасный день тварюга, уподобясь вурдалаку, объела висельников, украшавших собой перекладину на Воловьей площади. Спустя еще несколько дней Пузырь по одному ему ведомым соображениям откусил голову статуе Митры перед храмом Солнечного диска и был таков. Сильно поврежденной челюстями монстра оказалась и черепица на здании городской стражи.

Довольно скоро Пузырь (еще горожане называли его «Обжорой» и «Летуном») превратился в малопривлекательную и одновременно забавную достопримечательность Шадизара. Любой приезжий и житель города могли увидеть существо то задумчиво обгладывающим гранитную кладку фонтана в квартале Бейдаль, то бездеятельно висящим над рыночной площадью, то пролетающим над крепостными стенами, которым, кстати, тоже досталось от его зубов — барбикен Туранской башни изголодавшееся чудовище прогрызло насквозь, образовав в каменной кладке неровную дыру.

К счастью, на людей и животных Пузырь не нападал, и только однажды от его клычищ серьезно пострадали несколько стражников и гвардейцев протектора. Дело в том, что после наглейшего нападения на дворец наместника (съеденными оказались две мраморные колонны, флагшток со знаменем и фигурное извая-

ние какого-то из немедийских королей) шадизарский протектор, управлявший Заморой от имени Трона Дракона, решил что бесчинствам Пузыря следует положить конец: это надо же — бесстыдно поглотить символ монархии и скульптуру его величества Хенрика Первого!

Сей очевидно антигосударственный акт попал под закон, красочно повествующий об «оскорблении величества действием» и посему градоправитель приказал устроить на летающее чудовище облаву, изловить оно сетью, а по изловлении сжечь на костре.

Облава, разумеется, с треском провалилась. Во-первых, человеческое оружие Обжору не брало — стрелы отскакивали, арбалетные болты он запросто ловил ртом и съедал, а древки копий дробил зубами в мелкую щепу.

Во-вторых, призванные на помощь маги, категорически отказались от участия в охоте, буквально в один голос заявив, что никакая хайборийская магия Пузырю ущерба не нанесет, поскольку названный Пузырь человеческому миру не принадлежит и законы сего мира на него не действуют. Последнее было чистой правдой — подчиняться заклинаниям тварь категорически не желала.

В третьих, Пузырь так возмутился наглым покушением на свою драгоценную особу, что разорвал в мелкие клочья приготовленную металлическую сеть, отхватил наиболее ретивому

стражнику кисть руки и покусал еще пятерых вооруженных блюстителей, сдуру решивших поучаствовать в завлекательной охоте на демона. Затем мстительное чудовище, проявив несвойственную ему сообразительность и уяснив, откуда ветер дует, едва не превратил резиденцию наместника в руины, менее чем за день объев фасад здания и раскрошив в щебенку колонны, поддерживавшие портик.

Было принято мудрое решение оставить Пузыря в покое — в конце концов, в обычное время ущерб он наносит незначительный, в преднамеренном и не спровоцированном членовредительстве доселе замечен не был, а в будущем, если на то случится воля богов, Шадизар Обжоре надоест и он отправится искать пропитание в другое место.

Пузырь остался в городе, жрал все, что попадалось на пути, от мусорных куч до глиняных кувшинов, оставленных невнимательным торговцем без присмотра, немного подрастал (теперь он достиг уже трех локтей в диаметре, в противоположность изначальным полутора), и постепенно становился привычной частью городского пейзажа. Кроме того, Обжору оказалось довольно легко отпугнуть — рыночные торговцы, коим пузатое чудо досаждало своими набегами, выяснили, что он очень не любит звук, издаваемый тыквенной свистулькой и терпеть не может, когда люди швыряются в не-

го камнями. В этих случаях Пузырь предпочитал с двуногими не связываться и улетал прочь, издавая обиженный стрекот.

Поскольку Райгарх, уверенный, что Пузырь навсегда забыл дорогу к Третьему Обманному переулку и «Уютной норе» свистулькой не запасся, оставалось единственное средство — запустить в чудище булыжником потяжелее. Что и было проделано.

...Обжора не стал уворачиваться. Жуткая зубастая пасть распахнулась, обломок каменной плиты, коими мостили улицы, навеки сгинул в бездонном чреве, а сам Пузырь начал медленно и угрожающе надвигаться на слегка опешившего Райгарха. Тяжелые кожистые складки, заменявшие чудищу губы поднялись, обнажая в недоброй ухмылке солидный арсенал — некоторые зубы были побольше размером, другие поменьше, но все были треугольными и белоснежными.

Райгарх, как бывший наемник и человек много повоевавший, отлично знал некоторые важнейшие постулаты военной науки. Один из них гласил: вынужденное отступление является не бесчестьем, а тактическим ходом, способным уберечь свои силы от разгрома превосходящим по числу противником. Означенный тактический ход был проведен асиром со всем блеском, достойным любого выдающегося полководца, наподобие Сигиберта Великого — Райгарх, не

дожидаясь возможной атаки разгневанного Пузыря, нырнул в дверной проем, захлопнул тяжелый притвор и одним движением набросил на петли окованный железом засов.

«Засов, наверное, не слишком поможет, — сразу подумал асир, поскольку дверь содрогнулась от удара снаружи: Пузырь ударил по доскам всей тяжестью своего шарообразного тела. — И что ему, засранцу, здесь понадобилось? Может, он домой хочет и думает, что мы поможем? Бред...»

Дверь вновь сотряслась — Пузырь целеустремленно ломился в таверну.

— И что тут происходит? — на шум явилась хозяйка, причем Лорна напустила на лицо хмурость и как бы невзначай поглаживала рукоять кинжала. — Райгарх, за каким демоном ты заперся? Кажется, я тебе плачу за то, чтобы в моем доме соблюдалось спокойствие... Или в этом городе наконец-то нашелся человек, которому ты не сумел пообломать рога? Может, стоит нанять его вышибалой вместо какого-то пугливо-го асира? Я тебя спрашиваю?

— Человек? — ощерился Райгарх. — Идиотка! Можешь открыть дверь и поглядеть, что там за человек!

Очередной удар вызвал к жизни вихорьки древесной пыли, осыпавшейся с дверного косяка. Лорна зло прищурилась.

— Сейчас кому-то очень не поздоровится, —

процедила хозяйка. — Райгарх, возьми арбале... О-о, свинячий потрох! Назад!..

Вопль Лорны переполошил всю таверну — завсегдатаи «Норы» отлично знали, что суровая бритунишка повышает голос крайне редко.

Обычно Лорна умудрялась умирить любого пьяного буйна двумя-тремя тихими фразами. Каждый знал, что связываться с хозяйкой «Норы» себе дороже, поскольку хозяйка была щедра на тумачи и без помощи Райгарха могла вышвырнуть наглеца на улицу — хорошо, если тот отделается лишь сломанными ребрами.

Но этот, с позволения сказать, посетитель, никакого пиетета к Лорне из Бритунии не испытывал. Пузырю надоело без толку колотиться в запертую дверь и он предпринял более решительные шаги, попросту откусив верхнюю часть косяка и половину дверных досок. За несколько мгновений тварь объела весь проем, освободив себе дорогу, и величественно вплыла в обеденный зал «Норы», попутно своротив один из деревянных столбов, поддерживавших потолок.

Реакция немногочисленных посетителей таверны на визит Пузыря оказалась более чем предсказуемой — почтенные гости, голоса и причитая, табуном бросились к боковому выходу. За ними последовала истошно взывавшая Рилна-служанка.

Ши, мгновенно углядев опасность и сдавлен-

но выругавшись, нырнул под стол и потянул за собой не перестававшую тараторить Атику — последняя, увлекшись повествованием о бедствиях разнесчастного графа Альдосо, не замечала ничего и никого.

Конан вскочил, одновременно хватая за ножку один из тяжелых табуретов. Райгарх с Лорной потихоньку отступали к двери в кухню.

— Митра Милосердный, — выдохнула Лорна. — Похоже, моей разлюбленной «Норе» пришел вполне закономерный карачун... Он же разнесет дом в мелкое крошево! Видели, что он сотворил с дворцом прецента?.. Чего ему нужно?

Пузырь остановился. Из коричневой шкуры неожиданно выросли три белесых бугорка, расположившись прямым над серповидным разрезом пасти. Бугорки изрядно походили на затянутые бельмами глаза.

— Давайте выйдем на улицу, — тихо сказал Райгарх. — Если тварюга увидит, что в доме никого нет — уберется сама.

— Уберется? Твоими бы устами... — шикнула Лорна. — Люди ему неинтересны.

Летучий монстр повернулся на звук и устался на хозяйку всеми тремя глазками-шариками, заставив Лорну отпрянуть и упереться спиной в стену. Впрочем, Пузырь доказал правоту владелицы «Норы» — тщательно оглядев фигуры людей зубастый проглот отвернулся и

осторожно поплыл к середине залы. Его целью был стол, облюбованный Ши и Конаном.

Оказавшись перед лицом явной опасности, которую, возможно, предстояло отражать оружием, киммериец и двигался, и держался совершенно иначе, чем в обыденной жизни. Ступал бесшумно, как кошка. Неуловимым движением Конан обогнул стол, и потянулся левой рукой за кинжалом, отлично при этом понимая, что как табурет, так и нож не причинят столь необычному супостату никакого вреда.

Пузырь надвигался с неумолимостью миниатюрного грозового облака.

Под столом завопили — были слышны яростные взрывки Ши и скрипучий щебет девичьего голоса:

— Да отпусти же меня, я хочу посмотреть! Руку, руку не дави!

— Сиди спокойно, дура!

— Это кто здесь дура? Кто дура, я тебя, мерзавца, спрашиваю!? Раньше была «кошечка» да «солнышко», а теперь — дура? Пусты, сказано! Знать тебя, урода, больше не желаю!

Что-то гроыхнуло, послышался скрип отодвигаемой в сторону скамьи и прямым перед Обжорой образовалось встрепанное, облаченное в вызывающе яркие одеяния рыжевато-красное существо с горящими любопытством глазами. От неожиданности Пузырь резко подался назад, наткнувшись на один из столбов. Дерево угро-

жающе затрещало, а Лорна отпустила такое словечко, что даже умудренный в искусстве изиящной словесности Райгарх хмыкнул и слегка покраснел.

Опомнившись, Пузырь возобновил плавное движение к столу и, явно решив напугать чересчур нахальную девицу, разъял пасть, показывая набор зубов и бездонную черноту желудка, в котором уже исчезла определенная часть славного города Шадизара.

Дальнейшее произошло буквально за несколькими мгновениями. Ни Конан, ни все остальные даже рот раскрыть не успели. Все, кроме прелестной Атики.

Возлюбленная Ши Шелама опознав в зависшем над ней странном предмете монстра, о котором судачил весь Шадизар, и истолковав его леденящую душу улыбку явно не в свою пользу, завизжала. Да так, что у Конана, стоявшего в трех шагах позади, заложило уши.

Это был великолепный визг! Могучий шквал, ураган звука, истинное чудо, порожденное человеческим голосом!

Услышь Атику любой вурдалак, воющий по ночам на заброшенном жалынике, страдая своими руладами мирных обывателей, он разрыдался бы от зависти, а потом удавился на первом попавшемся суку.

Пузырь издал панически-напуганный звук, совершенно утонувший в визге Атики, с быст-

ротой арбалетной стрелы сорвался с места, смазанной полосой промелькнул перед глазами людей и с невообразимым грохотом впечатался в дальнюю стену зала, проломив ее насквозь.

Брызнули щепки, взвился столб едкой пыли. Лорна схватилась за голову, подумав, что крыша «Норы» сейчас обязательно рухнет, превращая таверну в общую могилу.

Когда осела пыль, стало видно, что в округлую дыру падают солнечные лучи.

— Вот и новое окно, — едва Атика замолчала, растерянно осматривая причиненные Пузырем разрушения, Ши вылез на свет и тоже уставился на пролом. — Лорна, кто жаловался, будто в таверне темно? Подпилить края, поставить решетку, ставни, затянуть слюдой — нет худа, без добра!

— Помолчи, — хрипло сказала Лорна и утерла рукавом пот со лба. — Значит, эта тварь действительно побаивается громких звуков... Спасибо Атика. Не думала, что ты можешь принести этому миру хоть какую-то пользу.

Атика сразу обиделась и гордо прошествовала к выходу. Ши рванулся было вслед, но его остановил грубый окрик Лорны.

— Демон прилетел не просто так, — подал голос Конан, аккуратно поставив табуретку на место. — Ему было что-то нужно. Пузырь словно пришел на зов.

Взгляд киммерийца упал на валявшийся пе-

ред ним изумрудный медальон. На всякий случай Конан убрал вещь в карман штанов, от греха подальше.

— Не говори ерунды, — поморщилась Лорна. — Зверь живет сам по себе и никто не слышал, чтобы он подчинялся человеку. Наверное, залетел сюда случайно... Конан, Райгарх, берите инструменты и приводите дом в порядок! Дыру заделать, поставить новые столбы, восстановить двери! Демоны зубастые, всех посетителей распугали! От вас, олухов, сплошные убытки!..

Глава третья

О практическом использовании демонов

Никогда Замора не была полностью независимым государством. Эти земли являлись коридором, по которому на протяжении столетий туда-сюда ходили все армии закатных держав — то Немедийцы решат повоевать с Тураном за богатые копи в Кезанкии, то подданные трона Аграпура отправятся выяснять отношения с чем-то насолившими Империи кофийцами, то владыки маленького, но задиристого Хаурана сцепятся с теми же немедийцами...

Почти триста лет назад Замора видела штандарты несокрушимых легионов Сигиберта Завоевателя, подчинившего Аквилонии половину материка, а полтора столетия тому здесь установил свои бунчуки гирканский каган Чурингийн, который впоследствии был разбит Немедией.

Вполне естественно, что малонаселенная территория Заморы попеременно управлялась наместниками очередной державы-победительницы и за последние столетия знамена на башнях городских управ Шадизара и Арэнджуна менялись с завидным постоянством. Страной правили шемиты, кофийцы, офирцы, визири туранского владыки, легаты Хауранского престола...

Эта невероятная чехарда закончилась лишь семь десятилетий тому: могучий Трон Дракона окончательно и бесповоротно подмял владения Заморы и Коринфии, превратив их в протектораты — немедийцы с суровой последовательностью строили великую империю и железной рукой наводили порядок на завоеванных землях.

Уникальность Шадизара состояла как раз в том, что сей изумительный город с невероятной легкостью впитал культуру и традиции всех сопредельных государств, переварил их в своем котле и породил на свет причудливое сплетение десятков наречий, верований, законов и обычаев. Рядом мирно сосуществовали пышность и утонченность Восхода, благородство Заката, непринужденность Полудня и суровость Полуночи.

Кроме того, Шадизар стоял прямоком на пересечении важнейших караванных путей — присутствие в городе людей с любым цветом кожи и разрезом глаз никого не удивляло, многообразие лиц и костюмов являлось более чем есте-

ственным, равно как и наличие на рыночных прилавках товаров со всего света.

Ши Шелам как-то не поленился посчитать, что в одной только лавке менялы Бар-Эйноха можно одновременно увидеть до полутысячи монет самой разной чеканки, от Аквилонии и Зингары до почти сказочного Пагана. Не менее въедливый Аластор тут же сообщил, что в городе благополучно уживаются культы почти девяноста богов — от общеизвестных, наподобие митрианства, до совершенно экзотических, насчитывающих всего по десятку адептов. Шадизар — это истинное воплощение полной, никем не ограничиваемой свободы во всех областях человеческого бытия.

Конан очень быстро научился пользоваться этой свободой в полной мере, снова доказывая общеизвестный постулат о том, что варвары могут с невероятной быстротой приспособиться к новым условиям.

Он перестал опасаться большого города, в котором оказался впервые в жизни, не видел теперь в каждом встречном врага и обманщика, узнал цену денег (и их отсутствия...) и в целом уже не выделялся из пестрой шадизарской толпы, став ее органичной частью. Хотя, конечно, киммериец доселе слабо разбирался в тонкостях городских привычек и обычаев. Но у него были хорошие учителя.

Поскольку вся компания — Хисс, Джай, Кэр-

ли и Аластор — с раннего утра разбрелись по своим загадочным делам, Конану и Ши вкупе с Райгархом пришлось отдуваться за бесчинства Пузыря втроем. Восстановление порядка в таверне отняло почти два полных колокола. Ши, к упорядоченному и созидательному труду не приспособленный, только мешался под ногами да развлекался перебранкой с зеваками, явившимися поглазеть на причиненный Обжорой ущерб. По кварталу, кстати, уже поползли слухи, что заведение Лорны Бритунийки было съедено Пузырем едва ли не до фундамента, вкупе с хозяевами, постояльцами, домашней скотиной и разговорчивым нужником.

Навесили новую дверь, укрепили столбы, поддерживающие потолочные балки, дыру в стене, как и предложил Ши, превратили в новое окно, а Лорна послала служанку к соседу-кузнецу с заказом на крепкую металлическую решетку. Когда было торжественно провозглашено, что таверна снова может принять гостей, обеденный зал моментом наполнился посетителями — зеваки жаждали промочить горло и всласть перемять косточки пакостному демону, который — вот ужас! — начал вламываться в дома добропорядочных горожан! Что же дальше будет, а, почтенные?..

— Пошли отсюда, — сказал Ши киммерийцу. — Сегодня в «Норе» грядет беспокойный вечер: глянь, сколько сплетников набежало! Ведь у

Лорны хватит ума заставить нас прислуживать этим пьянчугам и таскать кружки с пивом в качестве возмещения за то, что мы привадили Обжору!

— Привадили? — повторил Конан. — Очень может быть. Знаешь...

— Ничего не знаю и знать не хочу, — отрезал Ши, направляясь к выходу. — Давай сходим к Каменному рынку.

— Зачем? — насторожился Конан.

— Навестим балаганчик месьора Каланьяса. Надо же поблагодарить Атику за чудесное избавление от Пузыря? У меня найдется для нее подарочек...

Ши покрутил на пальце амулет, позаимствованный у Герата. Вещь маленькая, но красивая, а кроме того, золото всегда остается золотом. Атика обожает подобные безделушки.

Конан обреченно потопал вслед. Очередная встреча с Атикой его совершенно не привлекала, а если Ши начнет уговаривать остаться на вечернее представление... Нет уж, лучше помогать Лорне в трактире! Или просто погулять по городу.

Спорить с Ши Шеламом было бесполезно — он почему-то всегда ухитрялся настоять на своем. Когда Конан сказал, что лучше пойдет в свою любимую таверну «Пещера Демона», где подавали настоящий черный эль, сваренный по рецептам Нордхейма, Ши взял киммерийца за

локоть и сообщил, что с его, Конана, стороны будет просто-напросто чернейшей неблагодарностью и вопиющим невежеством не выразить Атике свою признательность.

Лишь только благодаря ее великолепно поставленному голосу «Уютная Нора» была спасена от поругания, осквернения и разрушения злонамеренным демоном, каковой наверняка не оставил бы от дома (ставшего Конану единственным пристанищем!) камня на камне! Словом, Ши просто заговаривал варвару зубы, целенаправленно шествуя к округлому деревянному сооружению с натянутым поверх многоцветным тентом.

«Амфитеатр месьора Каланьяса» предстал перед Конаном и Ши во всей сомнительной красе. Стены выстроены из грубых некрашенных досок, вход затянут потертой бархатной занавесью. На листах дешевого желтого пергамента криво выведены названия представлений — сегодня как раз предполагалось осчастливить публику сагой о графе Альдосо. Тут же торчали шесты с флажками и яркими лентами и воздвигался помост для глашатая, обязанного зазывать гостей.

— Вертеп, — недовольно повторил Конан свое изначальное мнение о балагане. — Если твоя Атика снова будет... того... э-э... ну, как в прошлый раз... Я сразу уйду! Да как можно людям такое показывать!

— То, что ты столь презрительно именуешь непонятным словом «того...», было наилучшей сценой всего представления! — высокопарно парировал Ши. — Самой одухотворенной! Самой трогательной! Неужели ты не понял, что Атика не просто занималась любовью ради собственного удовольствия, а ритуально совокуплялась со жрецом, дабы вызвать Духа Отмщения, обязанного воздать по заслугам виновникам смерти ее жениха!

Конан громко сплюнул.

Вошли. Ши, прижав палец к губам, показал Конану, что в этом храме изящных искусств говорить следует исключительно вполголоса, а лучшее вообще шепотом. Киммериец же разговаривать вовсе не собирался. Не о чем тут говорить...

Амфитеатр состоял из пятнадцати рядов скамей, полукругом обносивших небольшую сцену — Конан не мог вспомнить ни одного случая, чтобы все места были заняты. Дневной свет проникал через отверстия в широченном тенте крапеной парусины, куполом накрывавшей сцену и сидения, а вечером зажигались факелы и лампы на краю подмостков. Декорации, как и всегда, были донельзя убогие и навевали тоску — сегодня сцену задрапировали черными и багровыми дешевыми тканями, на досках валялись ржавые цепи, в деревянный чурбак, изображавший плаху, был воткнут гигантский

топор, для пущего страху вымазанный куриной кровью.

В первом ряду на жалобно поскрипывающем складном стульчике восседал удивительный субъект, сжимавший в пухлых коротких пальцах пергаментный свиток. Господин, обладавший угольной густопсовой бородищей, был устрашающе огромен и толстомяс. Положи его набок, рост не изменился бы — и так четыре локтя, и эдак. Конану месьор Каланьяс до смешного напоминал летучего Пузыря в человеческом обличье. Такой же круглый, напористый и нелепый.

— Что ты кривляешься, будто припадочный?! — вопил хозяин амфитеатра на одного из фигляров, с неприкаянным видом стоявшего на краю мостков. — Ты же злодей! Злодей с обгаренными кровью руками и черными мыслями! В моем сочинении все понятно написано! — тут бородач близоруко уткнулся в пергамент и гнусаво продекламировал: — «Его толстое сытое лицо выражало брезгливое отвращение и самодовольство!» Слышал? Брезгливое отвращение! А ну, изобрази!

Горемычный фигляр, в отличие от месьора Каланьяса, вовсе не обладал толстым и сытым лицом, а потому все попытки следовать указаниям гениального сочинителя бесславно провалились.

— Бестолочи! — сотряс воздух хозяин и в изнеможении откинулся на спинку стульчика, ко-

торый не разваливался под его тяжестью не иначе как с при помощи исключительно мощного волшебства. — Скулди, убирайся прочь! С глаз долой! Атика, ты где? Твоя сцена, детка! Покажи всем этим бездарностям, на что ты способна!

— Присядем, — тихонько сказал Ши на ухо Конану. — Этот Скулди и впрямь не умеет играть... Ты посмотри на него — какой из Скулди злодей?

Носивший странное имя Скулди парнишка лет восемнадцати походил на злодея, как Конан — на туранскую танцовщицу. Высокий, худой как щепка, с вечно несчастной миной на физиономии и тенями под глазами. Киммериец крепко подозревал, что месьор Каланьяс держит своих подопечных впроголодь, хотя балаган давал хозяину не слишком большой, но все таки относительно приличный доход.

Атика оказалась способна на многое. Конан в который раз убедился, что голосить она умеет. Благодаря толстому слою белил приятельницу Ши было не узнать.

Сам Ши Шелам немедленно пояснил, что бледна Атика потому, что ее героиня готовится к лютой смерти.

Заламывая руки, стеная и всем обликом демонстрируя, сколь тяжкая судьбина досталась возлюбленной казненного, Атика визгливо понесла:

И в назначенный срок у развилки миров
Смерть обнимет меня, дочь холодных ветров,
И толкнет в свои дроги.
Но смеющимся ртом я скажу ей о том,
Что дошла бы пешком,

в царство мертвых вполне
Доберусь без подмоги!

— Это она о чем? — Конан нахмурился, пытаясь вникнуть в смысл, хотя был почти уверен, что никакого смысла в этих громких словах нет и не было.

— Гениально, — замороженно прошептал Ши. — Какое перевоплощение!

— Но... — заикнулся киммериец.

— Умолкни, варвар и сын варвара! Ты ничего не понимаешь!

Конан хотел было ответить, что «понимать» он ничего не желает, поскольку все и так ясно — Каланьяс сочинил очередное непотребство, — однако, промолчал. Зачем обижать друга? У всех своя придурь — кому нравится вино, кому лотос, кому дурацкая травка для кальянов, а вот Ши пристрастился к лицедейству...

Очнись же, сорван покров!
В небесах плавают медь —
Это Смерть!

Исторгнув последний возглас, Атика изломанной тенью рухнула под ноги явившейся из-за занавеси фигуре в черном, вооруженной

пламенным мечом — на деревянный клинок были привязаны алые ленточки, изображавшие языки огня. Фигура не без натуги подняла Атику на руки (уронив при этом меч) и уволокла со сцены.

— Аградан! — тоскливо воззвал месьор Каланьяс. — Еще раз потеряешь клинок — выпрыгну на улицу, бездельник! Ты же Смерть, это твое оружие! Привяжи рукоять веревочкой к запястью!

Смерть по имени Аградан оказалась молодым человеком с соломенными волосами, сияющим взором голубых глаз и гордым профилем. Держался Аградан совершенно по-другому, нежели остальные фигляры, с эдакой чуть выскомерной независимостью. Судя по рассказам Ши, постоянно околачивавшегося в балагане и знавшего всё про всех, Аградан был сыночком какого-то немедийского барона или даже графа, изгнанным из дому строгим родителем — какой уважающий себя дворянин дозволит отпрыску заниматься презренным ремеслом лицедея?

— Добрый день, Ши, — застенчиво сказал человек, подошедший к двоим приятелям. Конан тотчас опознал в тощем юноше Скулди, столь громогласно изгнанного месьором Каланьясом со сцены. — Пришли посмотреть новую пьесу?

— Привет, — Ши Шелам вскочил и подтолкнул Конана. — Знакомьтесь. Этот здоровый ма-

лый — Конан Канах из Киммерии, но все друзья называют его просто Малышом. А это — Скулди из Пайрогии.

Барвар, уже знакомый с необходимым набором правил ритуальной вежливости, чуть поклонился. Скулди смотрел застенчиво и немного боязливо — широкоплечий, рослый и казавшийся нелюдимым Конан на кого хочешь произведет впечатление.

— Представление будет вечером, — извиняющимся тоном сказал фигляр. — Мы пока репетируем...

— Я к Атике в гости заглянул, — ответил Ши. — Ты сейчас свободен? Вот и отлично. Конан отведет тебя в таверну, пообедать.

Киммериец покосился на Ши с неодобрением — тот давал недвусмысленный намек, что третий (и тем более четвертый) сейчас будут лишними. А кроме того, Конану придется кормить унылого Скулди на свои деньги, поскольку у фигляра в карманах наверняка пусто, как в выдолбленной тыкве. И взгляд голодный.

— Хорошо, — тем не менее согласился Конан. — Ты останешься здесь?

— Разумеется, — лучезарно улыбнулся Ши, кося глазом в сторону Атики, каковая, заведя милого друга, направлялась напрямик к задним скамьям амфитеатра. — Топайте, наслаждайтесь жизнью!

«За мой счет», — продолжил мысль бережли-

вый Конан, но заведя приближающуюся Атику подтолкнул тихого Скулди и, тщетно пытаясь не торопиться, зашагал к выходу из балагана. В спину Конану и Скулди ударил бессвязный поток, адресованный Ши Шеламу:

— Явился, значит? Сначала хотел скормить меня чудовищу, а теперь пришел? Ты видел мою сцену? Удивительные стихи, правда? Аггдан, подлец такой, все испортил! Надо же, в самый важный момент ронять меч!.. Чудовище больше не прилетало?.. Ты останешься на представление?

Конан мучительно соображал, о чем можно поговорить со долговязым Скулди, однако ничего путного на ум не приходило. В искусстве игры на театре киммериец не разбирался вовсе, занимательных книг не читал, поскольку учить принятые в Заморе немедийские буквы начал совсем недавно и мог прочесть лишь короткие и понятные надписи на монетах и вывесках. Рассказать что ли про общие с Ши Шеламом дела, отнюдь не отличавшиеся уважением к закону? Тоже не выйдет — Ши категорически запретил распространяться об их общих похождениях, да и сам Конан отлично понимал, что честные люди таких поступков не одобряют. А Скулди, несомненно, честный человек, поскольку имеет ремесло, хоть и презренное.

— «Золотая ящерица», — сказал киммериец, разобрав надпись на деревянном щите, укра-

шавшем вход в таверну за углом. Рисунок над дверьми полностью подтверждал правоту Конана: художник изобразил тощую золотистую ящерку свернувшуюся в колечко и державшую во рту трилистник клевера. — Давай посидим здесь. Согласен?

Скулди мелко кивнул и покраснел. Наверное, понимал, что угостить нового знакомого не сможет, а вовсе наоборот — будет есть-пить на серебро хмурого варвара.

«Совестливый, — отметил про себя Конан, заметив пунцовые уши нового знакомого. — Значит, не все фигляры такие, как Атика».

Сейчас, в разгар торгового дня, таверны Шадизара были полупустыми. В «Золотой ящерице» обнаружилось лишь четверо праздных посетителей. Конан хозяйски обустроился за широким столом, усадил рядом Скулди, и мрачновато поглядел на подбежавшего служку.

— Горячую баранину, овощи, пшеничные лепешки, вино, — коротко приказал варвар и бросил на стол монету в половину немедийского аурея. — На двоих.

— Мне бы хватило только лепешек и настойки на травах, — очень-очень тихо проговорил Скулди, опустив глаза. — Зачем так тратить?

— Ты ешь, а не рассуждай, — цыкнул Конан. — Если не ошибаюсь, злодей, которого ты изображаешь в балагане, должен быть сытым и накормленным, так?

— А-а, барон Эпиноса? — оживился Скулди, обнаружив, что киммериец знаком с сочинением господина Каланьяса. — Все правильно. Этот барон оклеветал месьора Альдосо и отправил его на эшафот, чтобы взять в жены прекрасную невесту графа.

— Атику? — хмуро уточнил Конан.

— Угу, — промычал сквозь набитый рот Скулди. — Ужасная история. Месьор Каланьяс очень талантлив, пускай и... Пускай и не очень хорошо относится к своей трупке.

— Много зарабатываешь с одного представления? — поинтересовался киммериец, наблюдая, как Скулди уписывает баранину. У Конана сложилось такое ощущение, что мальчишку не кормили дней эдак десять.

— Один аурей за седмицу, — кашлянув, ответил фигляр, а варвар тихонько присвистнул. Аурей, золотую монету Трона Дракона, можно было обменять на три десятка серебряных «коринфских талеров», мелких монеток, выпущенных немедийцами специально для протекторов Коринфии и Заморы. Прокормиться на тридцать серебряшек было бы невозможно даже воробью, не то, что человеку. И при этом Конан точно знал, что жирный Каланьяс берет за вход на представление по пол-аурея с человека.

— Я не жалеюсь, — вновь покраснел Скулди, увидев, как варвар изменился в лице. —

Нам хватает... Иногда Атика помогает, она хорошая девушка, добрая.

«Ясно. Атике золото дарит Ши, а она делится с остальными, — сделал вывод Конан. — Каланьяс попросту бесстыдно наживает на своих фиглярах... Вот скотина».

— Я бы на вашем месте ушел от хозяина и нанялся в другой балаган, — недовольно проворчал киммериец.

— А куда уходить? — скептически хмыкнул Скулди, уже гораздо смелее наливая в свой кубок вина из кувшина. — Кому мы нужны кроме Каланьяса? Податься в уличные акробаты или выдыхатели огня? Этими талантами ни я, ни остальные не владеем. Надеемся, что будет лучше — хозяин следующей весной хочет поехать в Арэнджун и потом в Немедию, показывать свои пьесы подданным Трона Дракона. В Бельверусе или Нумалии наверняка сборы будут гораздо больше.

— Даже если и так, весь доход прикарманит Каланьяс, — ответил Конан. — Проучить бы его... Нельзя быть таким жадным.

— Он не жадный, он просто умеет считать деньги, — неубедительно заявил Скулди. — Хозяин нас одевает, платит за жилье. Правда комнаты на постоялом дворе «Четыре коровы» не самые хорошие, но все-таки это лучше, чем ничего.

— У нас в Киммерии, — задумчиво сказал Конан, — говорили так: лучше ничем не вла-

деть и быть свободным, чем получать подачки и зависеть от дурного человека.

Скулди лишь тяжело вздохнул.

— Я пойду, хорошо? — он просяще взглянул на киммерийца. — Скоро представление, а мне надо заново прочесть роль... Если чего забуду — Каланьяс меня наизнанку вывернет.

— Значит, наизнанку... — повторил Конан. — Это мы еще посмотрим. Доедай. Отправимся вместе. Хочу взглянуть на эти... гм... страсти графа Альдосо.

— Правда? — обрадовался Скулди. — Вот никогда бы не подумал, что ты любишь театр.

— А я его вовсе и не люблю, — усмехнулся варвар, нащупав в кармане медальон с изумрудом. — Просто хочу проверить одну догадку. Давай захватим с собой кувшинчик с вином? Какое тебе нравится больше — красное, белое, из Шема или Офира?

— Я не знаю...

* * *

Солнце натужно ползло к горизонту, меняя цвет с золотистого на болезненно-багровый и окрашивая славный город Шадизар в красноватые тона. Господствовали алые, пурпурные, карминовые и коралловые краски — даже дворец протектора, беломраморный с искоркой, казался облитым свежей кровью.

Едва сумерки начали сгущаться, над дверями многочисленных таверн, веселых домов, салонов для благородных и прочих бесчисленных увеселительных заведений загорелись факелы и зятянутые цветной слюдой фонарики. Амфитеатр месьора Каланьяса не стал исключением. Нанятые хозяином за несколько медяков мальчишки поднимали на шестах лампы, вешая их на вбитые в стены крюки, на помосте надрывался зазывала — «Леденящая душу кровавая драма! Любовь, смерть и жаркие объятия! Заходите, не пожалеете!»

Постепенно собиралась публика. В основном балаган посещали иноземные купцы, которым некуда было податься в чужом городе, немецкие десятники и сотники, состоящие при городском гарнизоне, несколько благородных, обуянных неприменной дворянской скукой и просто беззаветные ценители изящного слова, наподобие Ши Шелама.

Проныра Ши занял для себя и Конана хорошие места, на задних, самых высоких скамьях, точно напротив сцены. Оттуда лучше всего видно. Справа и слева от подмостков расположились шестеро кезанкийских горцев с чудовищными трубами — киммериец поначалу даже не понял, что установленные на деревянных подставках длиннющие инструменты длиной в два человеческих роста призваны издавать звуки, а не являются каким-то диковинным видом оружия.

Шли последние приготовления. Посетители балагана переговаривались и хрустели орешками, за пыльным занавесом обозначилась мышьяная возня — это фигляры облачались в свои костюмы.

— Ого, ты только посмотри, кто пришел, — Ши пихнул варвара локтем. — Герат! Точно тебе говорю, это же Герат Айбениль! С новой подружкой! А еще говорят, что Белые маги придерживаются обета целомудрия! Как же, ждите!

Конан посмотрел вниз и направо. Рядом со входом тяжеломерно приплясывал месьор Каланьяс, хлебосольным голоском приветствуя благороднейшего гостя и его прекрасную спутницу. Герат, в противовес обычаям магического конклава, сегодня облачился не в привычную белую хламиду, а в мирское платье — дорогой бархатный колет аквилонского покроя, круглая шапочка с пером, на поясе обязательный кинжал. Прибывшая вместе с волшебником полноватая дева была задрапирована в невесомые кхитайские шелка и сверкала дорогими украшениями.

— Иштар Добросердечная, — Ши схватился за сердце. — Видишь колье с сапфирами? А браслеты? Как роскошно люди живут, подумать только!

— Ручонки зачесались? — одернул приятеля Конан. — Даже не пытайся! Герат — волшебник. Коснешься драгоценностей его приятель-

ницы и будешь тотчас превращен в крысу... Или во что похуже.

— Знаю, — расстроился Ши. — Кто мне ответит, почему содержанки богачей таскают на себе такие красивые штуковинки, вводя нас, бедных людей, во искушение и подталкивая к греху зависти? Носила бы дома, а не выставяла напоказ!

— Тебя не спросили, — буркнул киммериец, наблюдая, как владелец балагана, лебезя и воркуя, усаживает Герата на самые дорогие места — перед сценой установили десяток облезлых золоченых кресел для самых обеспеченных гостей. Доселе было занято лишь одно кресло — на представление явился немедийский легат, командовавший когортой щитников Трона Дракона, квартировавшей неподалеку от города.

Наконец, с подобающей торжественностью было возвещено о начале действия — раздались три удара гонга, засим взревели трубы кезанкийцев. Занавес рывками пополз в сторону, открывая подмостки. Разодетый в вульгарную парчу Каланьяс, предваряемый бородой и животом, выплыл к краю сцены и противно гундося завел:

— Поведаем мы миру о несчастье, свершившемся сто лет назад в Офире! В Ианте достойной жили граф Альдосо и мерзостный злодей, себя именовавший Эспиносой...

— Это называется «прологом», — пояснил

Ши необразованному Конану. — Он рассказывает о всех героях представления. Видишь, они по очереди выходят на сцену?.. Смотри, смотри! Атика!

Пользуясь тем, что Ши во все глаза созерцал подмостки, где начало разворачиваться слезливое сверх всякой меры действие, киммериец потихоньку вытащил медальон.

«Если я прав, то сегодня можно будет устроить Каланьясу веселенькую жизнь, — подумал Конан, рассматривая руны. — Поглядим, что из этого получится...»

Указательный палец коснулся знака «Терва». Изумруд, как и утром, полыхнул зеленой искрой. Теперь следовало подождать результатов.

Шло время, бессмысленно и надрывно мололи языками одержимые страстью герои, амфитеатр оглашался то рыданиями Атики, оплакивавшей грядущую гибель любимого, то злоеющим хохотом злодея-Скулди. Графу Альдосо под душераздирающий рев труб и барабанный бой снесли бесталанную головушку.

Конан представлением откровенно тяготился — ему было не интересно, а забавная шутка, заодно призванная сбить спесь с месьора Каланьяса, не получилась... Подозрения варвара не оправдались — медальон не действовал.

«С чего вдруг я решил, будто камень как-то связан с Пузырем? — подумал Конан. — Лорна

была права — Обжора прилетел в «Нору» случайно....»

Но, как известно, не бывает ничего случайного в этом мире. Внимание киммерийца привлек стихий звук, похожий на стрекот сверчка. Исходил звук откуда-то сверху.

— Ух ты... — выдохнул Конан, рассмотрев, что точнехонько над его головой висит Пузырь, незаметно пробравшийся в амфитеатр через зазор между широким куполом тента и деревянной стеной. В полутьме Обжору никто не видел — гости были заняты происходящим на сцене, а фигляры с головой погрузились в трагедию офирского графа и ничего кроме самих себя не замечали.

Конан перевел взгляд на медальон и пересчитал руны, украшавшие платиновый диск с камнем посередине. Знаков, как и полагается, было два раза по двадцать четыре — весь набор символов, дарованных Вотану, одному из богов Полночи, за то, что Вотан принял ритуальное мученичество, пригвоздив себя копьем к ясеню. Киммериец знал, что перевернутые руны, составлявшие второй круг, несут в себе противоположный смысл — если знак «Тюр» обозначает жизнь, то нарисованный вверх ногами, он символизирует смерть.

Играть с жизнью и смертью Конан не хотел, а потому дотронулся до перевернутой руны «Гауд», смысла которой можно было означить

словами «уничтожение», «разрушение». Каковы будут последствия, киммериец представлял плохо, но думал, что ничего очень уж страшного не случится.

Волшебник Герат, будто почувствовав неладное, пошевелился и оглянулся. Изумруд моргнул скрытым в глубинах камня огоньком и...

— Спасайся кто может! — Ши первым сообразил, что происходит. — Помоги-ите!

Благочинное течение представления было грубейше нарушено внезапно осерчавшим Пузырем. Обжору будто с цепи спустили.

Прежде никто и никогда не видывал, чтобы довольно флегматичный Пузырь носился с такой быстротой. Зверь перемещался зигзагами, за долю мгновения преодолевая расстояние в пятьдесят локтей, на миг зависал над выбранной точкой, начинал вертеться волчком, срезая зубами стены, декорации и превращая в пыль предметы обстановки. Разумеется, немедленно началась шумная паника — зрители бросились к выходу, но проем оказался чересчур узким и случилась давка. Пузырь в это время пожирал скамьи и кресла.

Герат попробовал было запустить в чудище огненным шариком, но комок магического пламени рассыпался бессильным искрами. Подружка волшебника, узрев, как Обжора в один укус заглотил кресло, на котором она только что сидела, рухнула без чувств на руки Герату.

С треском рухнули подмости — хорошо, что фигляры успели сбежать за кулисы. Пузырь метнулся вверх, срезал канатики, на которых держался тент и заодно перегрыз высокий шест, поддерживавший его посередине. Тяжелая парусина накрыла поле битвы и самого Обжору, но тварь сразу же проделала в ней дыру и продолжила уничтожать заведение месьора Каланьяса.

Публика, вырвавшаяся наконец на свободу (спасибо Пузырю — он разломал стену) начала разбегаться, оглашая квартал жалобными воплями и привлекая внимание стражи. Сухая парусина тента загорелась, поскольку в рядом со сценой остались непогашенные факелы и масляные лампы, что и довершило картину бедствия — амфитеатр бесславно прекратил свое существование, превратившись в груду головешек и деревянных обломков.

— Бел Милостивец, защиты и убереги, — дрожащим голосом выдавил Ши, обводя взглядом развалины балагана. — Что ж это делается на белом свете?

Конан промолчал. Ему и Ши Шеламу повезло выбраться наружу в числе первых, поскольку у Ши было редкостное чутье на опасность — он сразу потащил киммерийца к боковому выходу, предназначавшемуся для хозяина и фигляров. В эту же дверь выскочили Атика, Скулди, подвывающий от страха Каланьяс и все ос-

тальные участники представления. Вокруг быстро прогоревшего строения собирались праздные и любопытствующие горожане.

Буйство Пузыря, однако, на том не исчерпалось — зверь перенес свое внимание на близлежащий двухэтажный домик, в коем, если судить по вывеске, располагалась лавка серебряных дел мастера Атрания. Толпа начала свистеть и улюлюкать, послышался стук копыт — явилась конная стража в количестве десятка гвардейцев протектора.

Мастер Атраний остался бездомным спустя четверть квадранса, едва успев вместе с семейством покинуть разваливающееся на глазах строение. Разбушевавшийся Обжора превратил свою пасть в устрашающее оружие — вместо верхней и нижней челюстей существа внезапно образовались аж целых три, напоминавшие усеянные зубами лепестки огромного тюльпана. Тварь вонзалась в блоки желтого песчаника будто раскаленный штырь в масло и проедала камень насквозь.

— Назад, назад! — вопил десятник гвардии, пытаясь отеснить зевак, каковые прибегли к испытанному средству борьбы с летучим монстром и начали забрасывать его булыжниками. Пузырь не реагировал.

— Он же так весь город сожрет! — простонал Ши, когда тварюга закончила с домом Атрания и принялась за большой деревянный са-

рай, принадлежавший немецкой купеческой гильдии. — Спасайся кто может! Обжора взбесился!

Конан, пользуясь тем, что с суматохе на него никто не обращает внимания, лихорадочно раздумывал, как можно утихомирить проклятую тварь. Варвару стало окончательно ясно, что старинный амулет позволяет отдавать приказы Пузырю — не даром было столько разговоров о том, что древние альбы умели повелевать демоническими существами! Можно прозакладывать собственную голову — медальон с изумрудом вышел из альбовых мастерских и, возможно, принадлежал одному из самых великих магов ушедшего народа!

Конан воспользовался сразу двумя значками, означавшими, соответственно, «мир, умиротворение» и «дорогу», рассчитывая, что Обжора прекратит бесчинствовать и уберется подобру-поздорову.

Только бы сработало!..

Высокий бревенчатый сарай в этот момент как раз накренился и медленно, будто бы нехотя, обвалился, вызвав новый всплеск эмоций у толпы.

Из клубов поднявшейся столбом пыли выплыл объект всеобщего внимания, поднялся на высоту десяти локтей и тотчас встретил новый залп камней, от которого не сумел увернуться — несколько булыжников чувствительно задела

Обжору. Зверюга взлетела еще выше, обиженно зачирикала и брыснулась прочь, исчезая в мягких жарких сумерках.

— Пойдем-ка домой, — нервным голосом сказал Ши, поднимая взгляд на Конана. — Кажется, сегодня у нас был очень неудачный день...

Глава четвертая

Высокие договаривающиеся стороны

сё пропало, понимаете, всё! — причитала Атика, размазывая по лицу слезы вперемешку с белилами и тенями для глаз. — Он даже костюмы сожрал! Чтоб ему, мерзавцу, несварением десять седмиц маяться!

Месьор Каланьяс слег — ему стало дурно с сердцем, пришлось звать лекаря!

— Однако, при этом хозяин не забыл выгнать вас на улицу, сказав, что ему нечем платить владельцу постоялого двора, — не преминул заметить Конан. — Неужто у него ничего не осталось? И потом, разве можно в трудные времена бросать людей, с которыми ты долго трудился и жил под одной крышей?

Атика и Скулди, явившиеся поздно вечером в «Уютную Нору», промолчали. Каланьяс действительно поступил не слишком красиво — упи-

ваясь своим горем, толстяк прогнал всех фигляров из захудалой таверны «Четыре коровы», не заплатив при этом ни медяка за последние представления. Некоторые смогли устроиться самостоятельно, благо в прошлом отложили немного денег на черный день, но подружка Ши и Скулди относились к той категории людей, которые жили не задумываясь о будущем. Сегодня сыты — и ладно...

У Ши Шелама серебро водилось, а кроме того, Ши редко отказывал друзьям в помощи. Атика поразмыслила, взяла крохотный сундучок со своими пожитками, прихватила с собой Скулди, и направилась в «Нору» — искать сочувствия.

Ши поговорил с Лорной и погорельцам было дозволено ненадолго поселиться в каморке под лестницей с условием, что они в обязательном порядке будут платить за еду — кормить дружков Ши бесплатно хозяйка вовсе не собиралась. Конан пошарил в кошельке и обнаружив там несколько ауреев отдал деньги Лорне с расчетом на несколько дней вперед — варвар чувствовал себя виноватым. Он просто хотел напугать жирного Каланьяса, а вышло...

Ладно бы амфитеатр — в конце концов фигляры могли наняться в другой балаган, которых в Шадизаре хватало! Пузырь за несколько мгновений разорил уважаемого мастерового, сожрав его жилище и лавку, а у месьора Атрания

было шестеро детей! Конана утешало одно — никто не погиб, поскольку зубастый демон, как и раньше, людей не трогал.

Явившийся на место происшествия глава управы дознания, грозный месьор Рекифес только ругался и поносил на чем свет стоит гнусных демонов, не дающих ему, Рекифесу, жить спокойно. Вообще-то, присланный из Немедии чиновник слыл в городе умалишенным, поскольку не брал взятки, не желал договариваться с «хозяевами» кварталов о взаимном нейтралитете и старался делать так, чтобы «все было по закону». И это в Шадизаре!

Пострадавшим Рекифес сказал, что поделаться он ничего не может, ибо демоны шадизарским властям не подчиняются. Следовательно, заключить Пузыря в темницу или потребовать от него возмещения ущерба невозможно. С тем глава управы отбыл домой, предоставив трупные месьора Каланьяса и семейству Атрания самостоятельно позаботиться о своей дальнейшей судьбе.

Серебряных дел мастер во всеуслышание пригрозил обратиться за помощью к самому протектору, поскольку он всю жизнь честно платил налоги и по любым законодательным уложениям стража обязана защищать имущество и достояние подданных Заморийского протектората от любых посягательств.

Собравшиеся возле разрушенного дома люди

понимающе покивали, но каждый знал, что никакого возмещения от протектора Атраний не получит — наместник, как и месьор Рекифес, обязательно сошлется на то, что силы демонические никакой государственной власти не подотчетны.

Безутешную Атику и бледного как полотно Скулди отправили спать — было очень поздно. Лорна закрыла таверну, отпустила прислугу и удалилась в свою комнату под ручку с Райгархом. В скупо освещенном обеденном зале остались только Ши и Конан, выглядевший куда мрачнее обычного.

— Что ж теперь делать? — вопрошал саму себя Ши, водя пальцем по красной винной лужице на столе. — Атике и ее друзьям надо бы помочь, но как? Каланьяс говорил, что построить новый амфитеатр очень дорого... Тьфу, и как Обжору угораздило учинить столько безобразий за один день? Может, его кто обидел, вот Пузырь и разошелся?

— Обидел? — переспросил Конан, покачивая головой. — Слушай, давай выйдем на задний двор. Хочу тебе кое-что показать.

Киммериец решил признаться. Сознание собственной вины в происшедшем Конана тяготило. Если все рассказать Ши, наверняка станет легче.

Два приятеля выбрались из дома через кухонную дверь и Ши Шелам сразу же начал скверно-

словить под нос: по двору, освещенному полной луной, бродило создание, еще более несуразное, чем летучий Пузырь. Единственно, это порождение неведомого волшебства было совершенно безобидно, хоть и занудливо.

— Путь к звездам сквозь мрак покрыт терниями; — застенчиво сообщила людям деревянная будка в вырезанном на дверце сердечком. — Идущий да осилит...

— Катись отсюда, зараза! — Ши схватил валявшуюся под ногами хворостину и огрел ходячий нужник по шершавым доскам. — Только тебя еще не хватало! Иди, иди...

Будка издала вздох, в котором слышалась вселенская тоска и мировая скорбь, и, перебирая длинными паучьими ногами, заковыляла в сторону, разочарованно повествуя о нежелании смертных облагородить свои души через причащение к сокровенным тайнам мироздания.

— И что ты хотел мне показать? — Ши повернулся к Конану. — Зачем надо было идти на улицу?

Киммериец молча достал медальон и вызвал Пузыря.

— Камушек блестит красиво, — согласился Ши, с недоумением наблюдая за варваром. — Увы, но оставить побрякушку себе мы не сможем. Завтра же придется ее продать какому-нибудь собирателю древностей, например месьюру Ариатидису с Шелковой улицы. Деньги

отдадим Атике со Скулди, им нужнее. На первое время золота хватит... О-о, нет! Опять!

Обжора явился быстро. Зубастый шарик спикировал во двор «Норы» и преспокойно завис перед Конаном, ожидая дальнейших распоряжений.

— Да что же ему, паршивцу, от нас нужно? — всплеснув руками, разъярился Ши. — Только бы... Э, Конан, стой-ка! Ты хочешь сказать...

Ши красноречиво покосился на сияющий густой малахитовой зеленью медальон.

— Именно, — буркнул Конан. — Утром я дотронулся до одной из рун и Пузырь явился в таверну. Я тоже сначала подумал, что он прилетел случайно, но потом оказалось, что амулет может каким-то образом управлять Обжорой. Ты только не ругайся... Я хотел проучить Каланьяса...

— Тридцать три зеленых демона и их зубастая матушка! — ахнул Ши, переводя взгляд с медальона на тихонько чирикающую тварь. — Митра Солнцезарный, Эрлик-воитель и его железная задница!

— Не богохульствуй, — нахмурился Конан.

— Это я богохульствую? — взвился Ши, пытаясь сдержать крик, способный перебудить всю округу. — Да ты понимаешь что натворил, о безмозглое порождение полуночных скал? А ну, отдай амулет!

— Зачем? — Конан спрятал вещь за спи-

ну. Так или иначе, Ши не сможет отобрать медальон — слишком очевидна разница в силе.

— Давай сюда! Прикажу Пузырю откусить тебе ту штуку, благодаря которой на свет появляются новые маленькие киммерийцы! Ничего себе, шуточки! Оставил людей без жилья, без денег, и еще хвалится своими подвигами!

— Я не хотел, — проворчал Конан. — Я не думал, что Пузырь устроит такое...

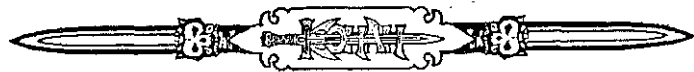
— Не думал? А когда ты вообще последний раз думал? Ты хоть знаешь что такое «думать», дикарь? Убери отсюда демона! Быстро! Еще не хватало, чтобы он устроил в «Норе» очередной разгром! Лорна просто с ума сойдет!

Возмущался Ши Шелам цветисто, разнообразно и забористо. Конан, пропуская мимо ушей чересчур эмоциональные речения друга, отослал Обжору — летучее диво вновь беспрекословно подчинилось и отбыло в неизвестность, попутно слопав сушившиеся на веревке исподние штаны трактирного вышибалы.

— Если Райгарх узнает — убьет на месте, — заключил Ши, наблюдая за мирно удаляющимся Пузырем. — Вернемся в дом, подумаем, как можно использовать имеющееся у нас преимущество...

— Какое преимущество? — не понял Конан.

— Обыкновенное. Ты что, совсем деревянный? — издевательски спросил Ши, запирая дверь. — Обжора — это наш шанс! Завтра от-

правимся за город, в Сонную лощину — люди туда не ходят, за нами никто не подсмотрит. Проверим, насколько Пузырь будет нас слушаться. Говоришь, им управляют рунические знаки?

— Кто меня совсем недавно убеждал, что обычным людям не стоит связываться с демонами и волшебством? — недовольно буркнул киммериец. — Из этой затеи не выйдет ничего хорошего.

— Откуда мы знаем, вдруг Обжора никакой не демон? — Ши легкомысленно пожал плечами. — Вдруг это просто... э... такое животное? Может быть где-то существует целый мир, населенный подобными Пузырями? Пузыри-мамы, пузыри-дети, даже сборщики налогов и публичные девки — пузыри?

— И что мы будем с ним делать?

— Бел-обманщик! Если в Киммерии все и каждый соображают настолько туго, то я опасюсь за будущее вашей страны! Обжора способен проникнуть куда угодно, хоть в кладовые Чамгана, хоть в сокровищницу протектора! Ясно? Он прогрызет дыру, а дальше в действие вступят наши умные головы и ловкие руки! Мы испортили людям жизнь — нам и исправлять! Или ты хочешь, чтобы Атика или месьор Атраний с его детишками остались нищими?

— Думаешь получится?.. — с нотками сомнения сказал Конан, потирая подбородок.

— Должно получиться! — убежденно воскликнул Ши и вдруг обернулся на тихий стук в дверь. — В чем дело? Кого еще принесло в такое время? Кто там? Свободных комнат нет, таверна закрыта на ночь!

— Ши, это ты? — послышался приглушенный голос. — Я знал, что вы еще не спите. Открой, надо поговорить.

Отбросив засов, Ши с изумлением обнаружил стоящего на пороге Герата Айбениля. За спиной волшебника виднелся богатый портпез и фигуры телохранителей.

— Герат, тебе не кажется, что сейчас не время для визитов? — чуть более развязно, чем следовало бы, осведомился Ши Шелам, стараясь не показать смущения.

— Надо поговорить, — упрямо повторил волшебник. Затем Герат повернулся к своим охранникам, бросил — «Ждите снаружи», и решительно вошел в таверну.

Ши, обменявшись непонимающим взглядом с Конаном, впустил позднего гостя, указал на близлежащий стол и притащил кувшин с вином.

— За минувший день произошло много странного, — без лишних предисловий сказал Герат, подозрительно понюхав жидкость, которую Ши налил в оловянный стаканчик и подал волшебнику. — Я мимолетно слышал о нападении Пузыря на вашу таверну, в театре досточтимого

господина Каланьяса присутствовал лично, как и вы, друзья мои.

— И дальше что? — прищурился Ши.

— На представлении я почувствовал всплеск чужеродной нечеловеческой магии. Древней магии, скорее всего альбийской.

— Это бывает, — наилюбезнейше улыбнулся Ши Шелам. — Но мы с Конаном тут при чем? Мы не волшебники, чернокнижием не увлекаемся...

— Потом, когда демон разрушил дом Атра-ния и начал пожирать склад немедийских купцов, я вновь ощутил магический поток, — терпеливо продолжил Герат. — И успел найти его источник. Конан, будут объяснения?

— Оставь в покое Малыша, — повысил голос Ши. — Мы ничего не знаем!

— Возможно и не знаете... — кивнул Герат. — Когда я ехал к вам — то есть прошло всего лишь около одного квадранса! — незнакомая магия вновь вспыхнула неприметной для непосвященных искоркой... Возле этого дома. И почти сразу мои цепные псы углядели летящего над крышами домов Обжору. Странно, не правда ли?

— Очень странно, — продолжая обворожительно лыбиться, согласился Ши. — Удивительное совпадение! Герат, к чему ты клонишь?

— Сегодня поутру я видел некий очень старинный предмет, явно связанный с утерянным

волшебством альбийской расы. Платиновый овал с выгравированными рунами и изумрудом посередине. Магия альбов дает о себе знать несколько раз в течении дня и всегда неподалеку появлялись месьоры Шелам и Канах вкупе с летучим демоном... По моему, выводы очевидны.

— Разве? — Ши растянул рот до ушей, сверкая всеми тридцатью двумя белыми зубами. — Между прочим, некий волшебник, видевший некий предмет, тогда сказал, что не-человеческая магия его не привлекает и отправил продавцов восвояси...

— Я ошибся, не подумал. Продайте мне медальон, — Герат ударил напрямую. — Вы не понимаете, с чем имеете дело. Вернувшись домой после злосчастного представления, я перерыл все книги, в которых упоминается магия древних и нашел описание тварей, похожих на Пузыря как две капли воды. Альбы называли их «Пожирателями сущности».

— Очень меткое название, — с приторной вежливостью отвечивал Ши Шелам. — Пузырь действительно частенько пожирает сущность. Как мы раньше не замечали!

— Демон не принадлежит тварному миру, да и не-тварному тоже, — Герат начал сердиться. — Пожиратели обитают в Пустоте, вне времени и пространства, уничтожая отжившие свое миры. Они — вселенские мусорщики. Только умо-

ляю, не надо плоских шуток о том, что в Шади-заре им самое место! Продайте амулет и тогда я попробую спровадить Пузыря обратно в Пустоту!

— Но сначала немного попользуешься способностями демона в своих целях? — нагло осведомился Ши. — Или я не прав?

— Это уже не входит в сферу твоих интересов, мой дорогой Ши, — парировал волшебник. В переводе с куртуазного языка на обыкновенный, эта фраза означала вполне доходчивое: «Не твое собачье дело».

— Сколько? — вдруг спросил Конан.

Ши поперхнулся и воззрился на варвара. Если бы он умел убивать взглядом, то в Шади-заре на одного киммерийца стало бы меньше. Ши вовсе не собирался расставаться с такой полезной вещицей!

— Триста ауреев, — быстро ответил Герат.

— Тысяча, — нехотя отозвался Ши. — И не сегодня, а через два дня. Цена окончательная, торговаться я не собираюсь. Послезавтра вечером ты получишь медальон в целости и сохранности. Но не раньше.

— Боги милосердные! — воскликнул Герат. — Что вы еще придумали, засранцы? Мало вам сегодняшних разрушений?

— Во-первых, мы тебе не «засранцы», а уважаемые Ши Шелам и Конан Канах. Во-вторых, если будешь настаивать — сделка вообще не со-

стоит, а камень мы продадим гномам, в Чамган. Поверь, достать его оттуда будет невозможно, поскольку гномы быстро поймут выгоду — Пузырь без всяких затруднений сможет прокладывать для подземных карликов новые туннели. В-третьих... — Ши громко, с привизгом, зевнул, — в третьих, мы хотим отдохнуть. Советуем тебе сделать то же самое, поскольку завтра ожидается не менее интересный денек.

— А если я... — Герат хищно подался вперед и сжал кулаки.

— Если ты вдруг собираешься угрожать нам магией или клинками своих мордоворотов, оставшихся на улице, то прилетит Обжора и живо растолкует кое-кому правила приличия, — медоточивым голосом сказал Ши. — Герат, не будем ссориться, мы же друзья! Я обещаю, что через два дня ты получишь эту игрушку и сможешь вытворять с Пузырем все, что заблагорассудится!

Волшебник натянуто улыбнулся, встал и направился к двери. Толкнув притвор, он задержался на пороге и проговорил сухо:

— Будьте поосторожнее с амулетом! Если послезавтра на месте обожаемого нами Шадизара обнаружится выжженная пустыня и груда развалин, превращением в обыкновенных крыс вы оба не отделаетесь, слишком много чести...

Глава пятая

Про сытых тигров

онан, слегка развалясь, восседал на большем плоском валуне и наблюдал за оживленными эволюциями Ши Шелама, который явно вошел во вкус.

Над полянкой, обрамленной пыльными кустиками барбариса и акации порхал Обжора. Удивительное шарообразное создание чирикало и стрекоча носилось вперед-назад, под восторженные вопли Ши поедало камни и небольшие деревца или просто описывало над головами людей широкие круги.

Как и предполагалось изначально, признаками интеллекта пузатый демон обременен не был — Пузырь оказался всего лишь туповатым исполнителем приказов, ничуть не лучше любого королевского сержанта из стражи протектора.

Экспериментировали целое утро. На рассвете Ши с Конаном покинули город через Аренджунские ворота и бодренько зашагали в сторону Полуденного восхода. Там, возле холмов, находилось множество распадков, оврагов и заросших кустарником возвышенностей. Поскольку в этих местах не было ручьев и речушек, жители города не разводили на холмах огородов, а кроме того здесь обитало множество змей. Более уединенного местечка и не найдешь.

Выбрав подходящую поляну, Конан растолковал другу значение самых важных рун, после чего разнесчастному Пузырю пришлось попотеть. Два авантюриста проверяли действие рун в самых разнообразных сочетаниях, иногда добиваясь прямо-таки поразительных результатов. Выяснилось, как можно указать демону, что именно следует грызть, как заставить Обжору лететь в нужном направлении, как приказывать ему отступить и умиротворенно зависнуть в воздухе без единого движения.

Один из опытов едва не закончился плачевно — Ши наудачу выбрал несколько рунических символов, последовательность которых, разумеется не запомнил (оно и к лучшему, честно говоря...), и Пузырь неожиданно вырвал клыками... часть воздуха! Образовалась дыра в ткани реальности — за светящимися краями отверстия замерцали редкие звезды, потянуло холод-

ным ветром, поскольку дыра с шумом втягивала в себя воздух и только когда возле ведущего в Ничто проема внезапно появилось несколько знакомых округлых теней — надо думать, родственники Обжоры тоже возжелали проникнуть в обитаемый мир, где можно было найти столько прекрасной еды! — прореха затянулась. Вероятно, Вселенная сама заботилась о том, чтобы тварный мир и Универсум Пустоты соприкасались как можно реже и на очень краткое время.

Вволюшку погоняв Обжору, Ши уселся рядом с бесстрастным Конаном. Забормотал непонятно:

— Банда сволочей... Последние штаны пропили... У-у, свинские собаки... — и немедленно после паузы: — Кажется, получилось. Как смотришь на то, чтобы нынешним вечером нанести визит в государственную сокровищницу его светлости протектора Заморы?

Конан задумался и осторожно сказал:

— Понимаешь, нападением на сокровищницу мы только вызовем ярость властей и месьора Рекифеса. А Рекифес и без того на нас рассержен...

Киммериец знал о чем говорил. Всего несколько дней назад варвар едва не лишился руки, которую по приговору управы должны были отрубить на Воловье площади. Тогда Конана спасло только вмешательство графини Кле-

лии Кассианы, непонятно по какой причине симпатизировавшей шайке, обосновавшейся в «Уютной Норе». Мстительный Рекифес запомнил этот случай и Конан сотоварищи надолго запечатлелись в памяти его дознавательной милости. Теперь попадаться на глаза Рекифесу во все не следовало — простым заключением в тюрьму Алронг не отделаешься.

— Чепуха! — беззаботно отозвался Ши. — Возьмем мы немного, только чтобы хватило на новый театр для Атики и ее друзей, да на постройку дома этому серебрodelу, забыл как имя... Ну, и себе чуточку, разумеется... Остальное спишется на Обжору — мол, озверевший демон ворвался в сокровищницу и бесстыдно схавал несколько сундуков с налоговыми сборами. Как проверишь? Как докажешь? И потом: кроме Герата никто не знает, что Пузырь может подчиняться людям. Герат не выдаст, у него в этом деле собственный интерес.

— Все равно, покушаться на кладовые протектора безрассудно, — настаивал Конан. — Выбери что-нибудь другое. Пожалуйста.

— Когда ты так жалобно говоришь «пожалуйста, не надо» и смотришь своими проникновенными синими глазками, ты можешь растрогать даже крокодила, — фыркнул Ши. — Но у меня каменное сердце и растрогать его нельзя! Нечего жалеть немедийских кровососов! Свободу Заморе! Подумай сам — разве славная неме-

дийская монархия обеднеет от потери нескольких кошелеев с золотом? Решено! Обрекаем казначейство на поругание!

Пузырь, будто соглашаясь со смуглым жуликом, одобрительно застрекотал.

* * *

Целый день Ши и Конан ходили с невероятно загадочным видом, отчего внимательная Лорна решила, что вскоре грядет некое грандиозное событие. Однако хозяйка и помыслить не могла, что ее развеселые постояльцы задумали покуситься на одну из самых охраняемых сокровищниц Шадизара. Более недоступными являлись лишь кладовые Чамгана — квартала, занятого в городе Кезанкийскими гномами.

Глаза у Ши были загадочные: не видно ни зрачка, ни белка, две темных щели. Перед важным делом он всегда преображался, или, говоря языком Атики, на Ши Шелама снисходило вдохновение.

Ближе к закату заговорщики устроились за «золотым столом», как Лорна с Райгархом именovali самый дальний столик в таверне, укрытый от посторонних взглядов стойкой и тремя огромными бочками. Именно в этом уголке шайка Аластора и Джая планировала самые замысловатые авантюры, о которых по городу ходили тихие и громкие легенды. Здесь же дели-

ли добычу, отчего стол с легкой руки хозяйки и был навечно поименован «золотым».

— Развели, понимаешь, таинственность, — ворчала Лорна, поглядывая на оживленно перешептывающихся неразлучных дружков, заказавших к ее удивлению не пиво или вино, а обыкновенный медовый квас. — Райгарх, не знаешь, что они задумали?

— Хотят продать твою таверну шемитами, — хохотнул асир, но, зная что с чувством юмора у Лорны было туго, сразу добавил: — Представления не имею. Заметил только, что Малыш не выпускает из рук давешний медальон с зелененьким камешком...

— Сожгут они «Нору», голову даю на отсечение, — вздохнула хозяйка. — Сколько раз повторяла: чтоб никакой поганой магии в доме!

Райгарх только отмахнулся. Ши Шеламу можно было приказывать, уговаривать его по хорошему и не очень, награждать подзатыльниками или пинками, но этот прохвост всегда поступал по своему.

В конце концов, за последние дни огнеопасный амулет пакостных свойств не проявлял. А если проявит — быть его владельцам изрядно битыми.

— ...Дворец протектора охраняется немедийской гвардией, — говорил Ши, попутно чиркая свинцовым карандашом по пергаментному листу. Конан слушал почти не перебивая, одно-

временно бросая взгляды на нарисованный план резиденции наместника и прилегающего к ней сада. — На ночь в парк выпускают хищников, которые оберегут подходы к дворцу лучше любых арбалетчиков...

— Хищников? — переспросил киммериец. — В смысле, сторожевых собак?

— В смысле — настоящих диких зверюг, которые днем сидят в клетках, вот здесь — ответил Ши, указав на квадратик, обозначенный криво написанным словом «звириниц». — А именно дарфарскими тиграми. Слушаются они только смотрителя, а личностей посторонних имеют привычку рвать на мелкие и крупные части. Таким образом, со стороны парка к дому не подобрешься. Конечно, мне было бы очень интересно взглянуть на сражение Пузыря с тиграми, но лишний шум нам без надобности...

— Может, заставить Обжору проесть под садом подземный ход? — высказался Конан, однако Ши выразительно pokrutil пальцем у виска и сказал:

— Парк тянется на четверть лиги! Даже такой проглот, как наш Пузырь, за одну ночь не управится. Вот взгляни, справа ко дворцу примыкают конюшни и казарма стражи, слева — хозяйственные пристройки. Сокровищница — я уверен! — находится в подвалах поместья...

— А если — нет?

— Спятил? Я ни разу не слышал, чтобы зо-

лотые кладовые устраивали на чердаке или в дровяном сарае! Наша главная задача — незаметно подобраться к фундаменту дворца. Остальное сделает Обжора. В самом крайнем случае, заставим его как следует пугнуть возможных недоброжелателей...

— И поднимем на уши весь город, — скептически хмыкнул Конан. — О последних художествах Пузыря во дворце наслышаны, начнется паника.

— Которая будет нам на руку, — усмехнулся Ши. — Подвиг состоит не в том, чтобы залезть в сокровищницу протектора, а в том, чтобы затем унести оттуда ноги, и желательно вместе с добычей. В таком деле добротная паника никогда не помешает! Словом, действуем таким образом: через боковые флигеля пробираемся к главному зданию, потом — в подвалы. Не думаю, что охрана сидит непосредственно в кладовых, обычно сторожа находятся снаружи, у дверей... Хотя, в подвалы могут запустить змей, или ядовитых пауков, такие случаи известны. Запомни, тяжелое золото брать не следует, надо отыскать драгоценные камни, желательно гномьей огранки — они дороже всего. И никаких браслетов с диадемами: приметные вещицы могут потом опознать и тогда мы весьма близко познакомимся с месьором Рекифесом, а через него и с пеньковой веревкой. Властям плевать, если грабят обык-

новенных людей, но какой дикий крик поднимается, когда всякое отребье вроде нас с тобой покушается на собственность этой самой власти!

— Очень надеюсь, что все спишется на нападение Пузыря, — покачал головой Конан. — Но так или иначе равно шум поднимется до небес... Завтра на улицах будет не протолкнуться от стражи!

— Здесь ты непогрешимо прав, — согласился Ши. — Если оставим следы, то Рекифес перевершит весь город, но до грабителей доберется. Иначе самому месьору королевскому дознавателю не сносить головы — наместник с треском выгонит его со службы! Вывод: работаем аккуратно.

— По-моему, Пузырь и «аккуратность» просто несовместимы, — заметил Конан. — Это чудело может устроить такой тарарам, что к дворцу сбежится полгорода! Я уж не беру стражу с гвардией...

— Надо сделать так, чтобы очень уж страшного тарарама не случилось. Между прочим, уже темнеет. Захватил все, что может потребоваться?

Конан встряхнул свой мешок, в котором находились потайные лампы и несколько наборов отмычек, на случай, если вожаемые сундуки с несметными богатствами протектора окажутся запертыми. Наличие более топорных инстру-

ментов, вроде ломика, не предусматривалось — взламывать окованные металлом двери, засовы и замки придется Обжоре, чьи зубы стократ крепче и надежнее любых грубых железок.

— Далеко собрались? — ехидно спросила Лорна, мимоходом взглянув на холщовую торбу, брошенную на плечо киммерийца. — Как обычно, романтические прогулки под луной?

— Не запирай на ночь кухонную дверь, — тихо попросил Ши. — Вернемся поздно, не хочется спать на дворе...

— А ну как ворье залезет? — фыркнула хозяйка.

— Какое ворье? — искренне удивился Ши. — Да на наш задний двор и самый великий герой теперь не сунется, а если сунется — наложит полные штаны со страху!

— Это точно, — Лорна поморщилась и едва не пустила струю слюны прямо на пол.

Если обитатели «Норы» успели привыкнуть к внезапно ожившему и окончательно свихнувшемуся на теме противостояния Света и Тьмы отхожему месту, то людей непосвященных бродячая будка пугала буквально до полусмерти. Не далее как позавчера чудо о восьми ногах довело до истерического припадка ничего не подозревавшую молочницу — старуха, принеся поутру кувшины с молоком, встретила с нужником у ворот и тот, загнав несчастную женщину в угол между сараем и

конюшней, целый квадранс проповедовал ей весьма запутанную и нудную философическую теорию, повествовавшую о каком-то взаимопроникновении Двух Великих Сущностей. Молочницу спас Райгарх, турнув зловредную тварь и наградив оную пинками, но слухи по кварталу поползли самые нехорошие — мол, Лорна Бритунийка привадила нечистую силу.

— Ладно, катитесь, — проворчала хозяйка. — И... И поосторожнее там.

— А когда я не был осторожен? — спросил Ши у самого себя. — Конан, чего стоишь столбом? Двинулись! Нам, как младенцам и пьяницам, сопутствует удача, поскольку мы еще не перестали быть первыми, и всю становимся вторыми!

— Трепло... — отозвалась Лорна. — Гляди, однажды прищемят тебе язык. Очень надеюсь, что его прищемит не месьор Рекифес и не сегодня ночью!

— Сплюнь! — замахал руками Ши, и сделал ладонью знак, каким отгоняют злых духов. — Ничего себе, напутствие!

И уже гораздо тише добавил:

— Напророчит ведь, дура старая...

* * *

Обширная резиденция его светлости наместника высокой короны и великого протектора

Заморы герцога Амори из Ибелена расположилась в лучшей части города, как раз между аристократическим кварталом Бейдаль, крепостными стенами и длинной чередой садов, принадлежавших самым богатым купцам. До вхождения Заморы в состав немедийской монархии здесь находилось обычнейшее для всех городов Восхода скопление саманных лачуг и домиков из обычного для Шадизара желтоватого песка. За несколько десятилетий привыкшие к удобствам немедийцы и перенявшие их традиции заморийские богачи превратили несколько пыльных и вонючих городских кварталов в полное подобие роскошных предместий Бельверуса или Нумалии.

Оберегали дворец и прилегающие к нему улицы, разумеется, с немедийской тщательностью и скрупулезностью. Многочисленные кордегардии стражи, конные разъезды, ночные патрули, высокие стены... Это был своего рода город в городе, куда простецам вход не то, что бы возбранялся, но и не приветствовался. На немытых уличных побродяжек вроде Конана и Ши Шелама здесь поглядывали с изряднейшим подозрением.

Но разве какой-нибудь немедиец, а уж тем более гордый гвардеец протектора, может сравниться с урожденным шадизарцем, знакомым со всеми закоулками и туниками этого дивного городка? Да никогда!

Ши знал город не хуже, чем лисица свои охотничьи угодья. Ремесло обязывало — жизнь и благополучие любого «ночного цирюльника» напрямую зависели от твердого знания путей к отступлению.

— Ну и з-запах! — поперхнувшись воздухом, сморщился Конан. — Ты куда меня притащил?

— Это — единственный гнойный прыщ на откормленной и гладкой заднице квартала Бейдаль, — отвечивал Ши, обводя взглядом громадную кучу мусора, сваленного в длинный, тридцати шагов, глубокий ров. — Легендарная помойка богатеньких прихлебателей его светлости. Стража, небось, проклинает все на свете, гоняя отсюда нищих. Представь, что здесь делается, когда из дворцовых кухонь выносят слегка попортившиеся фрукты, чуть зачерствевшие лепешки, а то и поцарапанную или немного битую посуду, оскорбляющую взоры сиятельных господ?! Рассказывают, будто купец Аль-Адиль, теперь является более чем уважаемым торговцем коврами и шелком, начинал свое восхождение именно отсюда — обогатился на продаже найденных на этой свалке вещей... Зато благодаря постоянному смраду гвардия протектора около свалки появляется довольно редко.

Ши, беззаботно насвистывая, повернул налево, в тень жиденьких кипарисов, окаймлявших омерзительный ров и призванных скрывать его

от глаз жителей квартала. Затем оба жулика вышли на кривую узенькую улочку, предназначенную для проезда золотарей, вывозивших содержимое выгребных ям из благородных поместий. Утоптанная глина проулка была щедро умощена навозом.

— Думаешь, окрестности дворца так блистательны, как кажется на первый взгляд? — Ши хитро поглядел на киммерийца. — Не смотри на фасады и мраморные фонтаны, за этой очаровательной ширмой скрывается все то, к чему мы привыкли у себя в Нарикано... Тихо! Кажется, конная стража!

И точно, по соседней улице прогрехотали копыта гвардейского разъезда. Само собой, в грязный тупик доблестные стражи заглядывать не стали — побрезговали.

— Видишь скромненький белый заборчик впереди? — Ши Шелам указал на сооружение, высотой и неприступностью напомнившее Конану крепостную стену. — Ограда парка наместника. Как достоверно выяснено неудачниками, собиравшимися пробраться в сад и поживиться различными ценными вещами из парковых павильонов, стена поверх утыкана тремя рядами стальных шипов и для пущей надежности посыпана битым стеклом... А внизу нежданных гостей ожидают милые полосатые зверюшки, которых на ночь не кормили. Во, слышишь?..

Конан, наклонив голову, прислушался и различил хриплые сердитые взрывкивания, доносившиеся из-за ограды — видимо, тигры что-то не поделили и теперь напряженно выясняли отношения.

— Впечатляет, — согласился киммериец. — Надеюсь, в сад мы не полезем?

— Придерживаемся прежнего плана, — важно сказал Ши. — Рисковать не будем, пускай мы и вооружены таким действенным аргументом, как летучий Пузырь. Значит так: стража обходит вокруг стены через каждый квадранс или даже чаще. Ждем, когда пройдет очередной караул, быстро бежим в сторону дворцовых флигелей, вызываем Обжору и начинаем действовать... У тебя колени не дрожат?

— С чего вдруг? — поинтересовался Конан.

— Все-таки собираемся нарушить почти все мыслимые законы... Если поймут, то обвинят не только во взломе и грабеже с использованием магии и магического существа, но и в оскорблении величества и государства! Ограбить наместника Драконьего Трона — не шуточки! За такое светит не банальная виселица, а посадение на кол, с последующим сожжением трупа и развеиванием пепла по ветру.

— Я ведь говорил, что казну протектора лучше не трогать. Что, в городе мало других богатых людей? Если боишься — пойдем домой.

— Боюсь? Я? — даже задохнулся от правед-

ного гнева Ши. — Смотри, сам в штаны не напусти!..

— Кажется, патруль дворцовой стражи, — Конан дернул Ши за рукав и оттолкнул в густую тень, отбрасываемую соседним зданием.

Четверо усарых вояк с палашами наголо медленно прошествовали мимо ограды поместья. На мостовую падали желтые блики масляной зеркальной лампы. Обленившаяся стража оказалась до крайности невнимательной — успели за долгие годы привыкнуть к мысли, что никакой сумасшедший не станет покушаться на резиденцию герцога Амори, а если кому и придет в голову столь экстравагантная идея, то наглеца достойно встретят голодные хищники или ликторы протектора, неусыпно бдящие во дворце.

С первого раза попасть к нужному участку стены не удалось — Пузырь задержался дольше, чем ожидалось. Наверное, Обжоре пришлось лететь издалека. Как и обычно, тварь повисла над Конаном, ожидая дальнейших действий своих неожиданных хозяев. Ши очень боялся, что Пузырь невовремя начнет издавать привычные чирикающие звуки и тем самым привлечет внимание проходивших мимо гвардейцев, но зубастый демон проникся серьезностью положения и молчал, как невиданная летучая рыба.

— Что-то он все-таки соображает... — задум-

чиво сказал Ши, поглядывая на круглую черную тень. — Много бы я отдал, чтобы взглянуть на мир, породивший эдакую нелепицу... Конан, приготовились!

За оградой виднелись острые черепичные крыши с флюгерами — все здания резиденции светлейшего герцога были выстроены в полном соответствии с принятым в Немедии строгим архитектурным стилем. Жители Шадизара, куда более привычные к пышности и плавным, округлым линиям, принятым на Золотом Восходе, в Туране и Хорайе, немедленно обозвали дворец «рыбьей костью» — слишком уж отличался дом наместника от всех прочих городских строений. Выглядела резиденция чужеродно, будто коршун поселившийся в курятнике.

— Здесь, — скомандовал Ши киммерийцу. — Сразу за оградой — какие-то сараи или склады... Понадеемся на удачу! Сначала отправляем Пузыря, потом идешь ты, следом я — как только прикрою дыру в стене. Надеюсь, белую тряпку ты захватил?

Конан выхватил из торбы чистую льняную простыню, незамысловато стибренную из кладовки Лорны. Это было совершенно необходимо — стража сразу заметит отверстие, которое проделает Обжора, и начнется облава...

К простыне прилагался клей из рыбьего жира, добытый сегодня на базаре за большие деньги.

Как только Пузырь с легким потрескиванием прогрыз круглую дырку в стене, Ши мигом обмазал ее края жидким и ужасающе вонючим клеем, прилепил ткань, полностью слившуюся с белой известковой штукатуркой и нырнул в оставленный у самой земли зазор.

Ползти по коридору, с легкостью проделанному Обжорой в толстой стене было вовсе не затруднительно — Пузырь знал свое дело. Казалось, что сквозь тяжелые и прочнейшие кирпичи двойного обжига из красной глины прошло огромное сверло.

Стенки узкого, в два локтя, тоннеля были идеально гладкими. Широкоплечему Конану приходилось потруднее, однако и он вполне справлялся.

Безмолвный демон ждал Конана и Ши по ту сторону ограды, а вернее в темном помещении склада конюшего ведомства его светлости, примыкавшего прямиком к стене. Киммериец, втихомолку поругиваясь, отыскал в поясе кремень и затеплил фитилек потайного фонарика, который давал единственный узкий луч.

— Тут воровать нечего, — сказал Ши, осмотрев пропахшее дубленой кожей помещение. — Зачем нам упряжь, седла или хомуты? Хотя за такую прекрасную уздечку с золотыми бляшками можно выручить ауреев десять... Пойдем дальше.

Конан отдал приказ Обжоре и в противопо-

ложной стенке тотчас появилась дыра. Ши осторожно выглянул наружу.

— Неописуемое свинство, — расстроился во-ришка. — Я перепутал! Этот проклятуший сарай все-таки стоит на задворках парка, до дворца придется идти под открытым небом шагов сто... А там тигры... Эх, невезуха!

— Тигра, как и любое неразумное животное, можно обмануть или напугать, — шепотом сказал Конан. — В крайнем случае, прикажем Пузырю убить зверюгу. Если пройдем до дворца тихо, хищники нас могут и не заметить...

— Была не была, — выдохнул Ши. — Стражи в парке нет, начальник охраны полагается на тигров и не хочет рисковать своими людьми, которые могут попасть на зубок полосатым кошечкам. Рванули?

— Рванули!

* * *

Прежде Конан видел настоящих дарфарских тигров только в зверинце, располагавшемся рядом с Блошиным рынком. Но содержащиеся там тощие облезлые животные, которых показывали всем желающим за плату, не имели ничего общего с изумительно красивыми тварями, находившимися на службе заморийского протектора.

Вероятно, тигр просто отдыхал, развалившись на

травке под окнами дворца. Но вот лучик потайного фонаря скользнул по ярко-рыжей шкуре и усатой довольной морде. Тигр открыл глаза и круглые зрачки, обрамленные изумрудной радужкой, мгновенно сузились превращаясь в две бездонно-черные щели.

Попросту говоря, два авантюриста и округлое летающее существо, которое никак нельзя было заподозрить в принадлежности к человеческому роду, с заячьей быстротой пересекшие пальмовую аллею и колючие заросли цветущего шиповника, наткнулись прямиком на лежавшего у стен дворца могучего зверя. Конан едва не споткнулся о тигриную лапу.

— Фонарь убери... — Ши издал едва слышимый стон. — Амулет! Где медальон, туница?

Зверь величественно возлежал прямо под ногами людей и лениво позевывал. Свет его не раздражал, а если и раздражал, то не слишком.

Конан потянулся было к карману, но вмешательство Пузыря, который наверняка повиновался бы рунному знаку означавшему «Смерть, убийство», не потребовалось.

Тигр очень медленно поднялся на все четыре толстых когтистых лапы, заставив людей отступить, снова зевнул и безразлично ушел в темноту. Появление Ши, Конана и их примечательного спутника зверюгу впечатлило не больше, чем падение на нос дождевой капли.

— В Киммерии я ходил с отцом на медвежью охоту, — несколько отрешенно сказал Конан, провожая тигра взглядом. — Настоящий зверь никогда не будет так себя вести. Твой тигр закормлен до отвала. И не видит врага в человеке.

— Мой тигр? Он не мой, а свой собственный... Ничего себе открытие, — оторопело пробормотал Ши. — Ну конечно, эти животные родились в зверинце, видели людей, скажем так, с младенчества... За ними ухаживают, кормят лучшим мясом, наверняка и шерстку расчесывают. А ночами запросто выпускают погулять, накопившийся жирок порастрасти... Боги незримые, а какие невероятные байки ходят по городу о злобных кровожадных и клыкастых чудовищах, оберегающих дом герцога Амори! Вот тебе и конец легенды... Я уж постараюсь, чтобы слухи о приключении некоей удачливой парочки разошлись по всему Шадизару!

— Хватит болтать, — прервал мечты приятеля Конан. — Мы что, пришли сюда пустыми разговорами заниматься?

— Конечно, нет, — Ши тотчас оживился. — Запомни, о славнейший из варваров Шадизара, сегодня самый замечательный день твоей жизни! И моей, возможно, тоже.

— Это почему?

— Потому, что мы вознамерились сокру-

шить одну из твердынь немедийского величия. Чего не удавалось никому доселе. Где Пузырь?

— Посмотри наверх.

— А что он там делает? Пускай занимается тем, для чего изначально предназначен — то есть жрёт!

Глава шестая

Цена чести

вердыня немедийского величия, о которой с такой высокопарностью повествовал Ши, капитулировала менее чем за одну пятую квадранса. Обжора доказал, что ему не страшны никакие преграды — огромные блоки серого гранита из которых был сложен фундамент дворца оказались не прочнее гнилого пергамента. Наклонный лаз оказался довольно длинным, локтей в пятнадцать. Сразу за Пузырем в дыру нырнул Конан, взяв в зубы маленькую лампу, освещавшую дорогу. Ши, извиваясь как ящерица, пополз следом.

— Назад! Быстро назад! — Ши услышал голос киммерийца вкупе с неожиданно появившимся странным журчанием. Тут же погас фонарик и Ши чувствительно получил по лбу пяткой Конана. — Течет что-то!

— Это вино! — Ши моментально распознал запах. — Обжора наткнулся на приставленную к стене подвала винную бочку. Не дергайся, сейчас вино выльется и можно будет двигаться дальше!

Когда двое незадачливых грабителей наконец проникли в подземелье и снова зажгли огонь, выяснилось, что Пузырь действительно повредил гигантскую, в два человеческих роста, винную бочку — вдоль стен было расставлено не менее двух десятков ее собратьев. Теперь в мрачном подвале стоял густой виноградный дух и было почти по колено темно-красной густой жидкости.

— Мечта любого пьянчуги, — сказал Ши, грустно осматривая вымокшую в вине одежду. — Теперь и мечтать нельзя о том, чтобы не оставить следов. Давай выбираться отсюда — если винные пары ударят в голову, мы останемся тут навсегда...

— Лестница и дверь впереди, — Конан указал на каменный вход, возле которого покачивался в воздухе Обжора. Если я правильно понимаю, мы находимся под закатным крылом дворца. То знаешь, где сокровищница?

— Откуда? Будем проверять все помещения подряд. Очень надеюсь, что стража ночами вниз не спускается, хотя кто их разберет...

— Ликторы могут делать обходы, — справедливо заметил Конан. — Тогда нам не поздоровится.

— Не каркай. Без тебя тошно. Давай наверх, у меня уже голова начинает кружиться.

За взломанной Пузырем дверью обнаружился прямой коридор с округлыми сводами. На стенах чадили редкие факелы.

— Ага, факел обмазан смолой, перемешанной с желтой серой, — понимающе сказал Ши. — Такой горит очень долго, почти всю ночь. Значит, факела с вечера не меняют. Это дает определенную надежду...

Коридор был обследован быстро и тихо — Обжора уничтожал двери, а киммериец и Ши Шелам осматривали скрывавшиеся за ними помещения. Никаких следов золотой кладовой найдено не было — подвальные комнаты пустовали или были забиты разнообразным хламом, наподобие старой мебели. В самом дальнем каземате обнаружился истлевший труп, прикованный к стене ржавой цепью — жертва немедийского правосудия, которую по каким-то неизвестным причинам живьем похоронили в подземелье.

— Очень интересно, — Ши не преминул изучить едва заметную надпись выпцарапанную на стенах камеры. — Видишь имя? Гра... Да, верно, граф Гидфор. А ведь когда-то весь Шадизар гадал, куда исчез знаменитый авантюрист, выдававший себя за личного посланника немедийского короля и попутно обчищавший шкатулки самых именитых и обеспеченных красавиц го-

рода. За самозванство графа объявили злодеем короны, но он будто сквозь землю провалился. Судя по тому, как надежно его упрятали, Ридфор знал слишком много неприглядных тайн... Что это?

— Шаги, — одними губами ответил Конан. — Кто-то идет. Один.

— Хотелось бы узнать, во дворце водятся призраки? — столь же тихо ответил Ши. — С одним врагом управимся, если, конечно, он человек...

Киммериец опустил задвижку на прорези фонарика и в каземате стало темно. Шаги приближались, да только звук приходил сверху, со стороны лестницы, ведущей на первый этаж замка протектора.

— Оглушаем и вяжем, — сказал Ши, выглядывая в коридор. — Если он увидит сломанные двери — поднимет крик. Быстрее, олух!

Неизвестный визитер, если судить по силуэту и шаркающей походке, был невысок и стар. В руке держал подстavec с толстой сальной свечой. Как только человек миновал последнюю ступеньку, притаившийся за углом Конан ухватил незнакомца за шею, правой ладонью прикрыв ему рот, сдавил горло и подождал, пока тот не обмякнет, теряя сознание от недостатка воздуха. Ши тем временем сворачивал кляп из обрывка материи.

— И путь нас не обвиняют в жестокости, —

приговаривал Ши, запихивая кляп в рот пленнику. — Мы никого и никогда не убиваем. Утром нашего друга отыщут целым и невредимым — кто-нибудь обязательно пойдет в винный погреб... Митра Всеблагой!..

— Что? — насторожился Конан, связывавший человеку руки. — С тобой все в порядке?

— Оторви от рубахи полоску такни и завяжи ему глаза, — скороговоркой произнес Ши. — Он не должен нас видеть... Эх, знал бы где падать — подушку положил бы! Не называй меня по имени! Кажется, мы доигрались в ночных цирюльников...

— Да в чем дело-то? — озадачился киммериец.

— Ни в чем. Совершенно ни в чем. Если, конечно не считать того, что перед тобой герцог Амори Ибелен, наместник Драконьего Трона.

* * *

— Ваша светлость, поверьте, мы не тронем вас и пальцем, клянусь могилой моей преждевременно усопшей матушки... Только умоляю, не кричите и не зовите на помощь! Согласны? Кивните, и мы немедленно вынем кляп.

Увы, но невысокий полноватый старик и впрямь являлся светлейшим протектором Заморы, Шадизара и Арэнджуна. Наблюдательный Ши был большим любителем коронных

празднеств, поскольку торжественные шествия гвардии и фейерверки на день рождения короля или День Эпимитриуса были красивым зрелищем, а в толпе горожан всегда можно было встретить невнимательных личностей с толстыми кошельками. В такие дни протектор всегда появлялся на людях — принимал парад, оглашал важные указы или миловал приговоренных к смерти. Кроме того, внешность у герцога Амори была приметная — правую щеку рассекал фиолетовый шрам, формой напоминавший зигзаг молнии.

Только ответьте, что понадобилось его светлости в подземелье дворца, да еще в такое время? После полуночи в Шадизаре не спят только посетители веселых домов и всякие прохвосты, имеющие скверную привычку тайно или открыто покушаться на чужую собственность.

Мало того, герцог был почти при параде — бархатный камзол, на шее золотая цепь с украшенным крупными желтыми алмазами орденом Венца Повелителя Нумы, на поясе дворянский эсток. Что за чудеса?

— Мерзавцы... — хрипло выдохнул герцог, едва кляп был вынут. — Не ожидал от вашего хозяина такой низости... Откуда вы узнали про подземный ход?

Конан и Ши переглянулись и не сговариваясь пожали плечами. Амори явно принимал их за кого-то другого.

— Не понимаю, как Ронкальдо решился на похищение?! Это несовместимо с дворянской честью! — продолжал возмущаться великий протектор. — О нашей встрече знают несколько человек из моей свиты, границы Заморы сразу перекроют, его и меня будут искать везде... Послушайте, сколько он вам заплатил? Предлагаю втрое больше!

— Ну... Мы... — начал было Конан, однако Ши замахал руками, приказывая молчать. Похоже, в мыслях у этого отпетого афериста начал зреть какой-то совсем уж головокружительный план, по сравнению с которым ограбление с использованием летающего демона покажется наивной детской шуткой.

— Значит, месьор Ронкальдо? — стараясь говорить густым баском сказал Ши Шелам. — Если называть титул совсем точно, то барон Ронкальдо из Хоршемиша, кофийский посланник в Заморе, кутила, бабник и игрок, имя которого известно даже на самом... кхе-кхе... дне Шадизара? Любопытно, отчего это протектор, назначенный самим королем Нимедом, тайно, среди ночи, встречается с представителем государства, никогда не проявлявшего дружеские чувства в нашей великой монархии? Не проще ли было назначить аудиенцию со всем этикетом...

— Так вы не его люди? — ахнул герцог. — Что это значит?! Отпустите меня!

— Тот, кто попался в лапы тайной службы

короля, никогда не уйдет просто так! — зловеще воскликнул Ши, одновременно подмигивая Конану. — Придется отправить вашу светлость в Бельверус, на задушевную беседу...

— Какой Бельверус? — простонал Амори. — Я действовал по приказу самого герцога Лаварона, главы пятого департамента!.. Если вы из Вертрауэна, то не можете этого не знать!

Ши недовольно поджал губы. Задуманный им ход провалился, да и использовать имя грозного секретного ведомства немедийцев было весьма и весьма чревато — немедийцы обходились с самозванцами круто и насущный пример тому лежал в соседнем каземате, сверкая белыми косточками.

— Ладно, — согласился Ши и начал бесстыдно врать, отлично зная, что наиболее невероятная ложь всегда выглядит правдоподобной. — Вот вашей светлости истинная правда: мы представляем Черный Круг Стигии, обеспокоенный вашими сношениями с кофийцами... У вас, о герцог, есть два выхода — умереть страшной смертью или откупиться и навсегда позабыть о Кофе и бароне Ронкальдо, с которым, разумеется, вы сегодня не сумеете встретиться.

— Что за чушь вы несете?..

— Чушь? Хотите удостовериться? Эй, Ко.. в смысле, покажи его светлости нашего верного слугу!

Конан понял, что надо делать. Одной рукой киммериец поднял Амори на ноги и, встав по-

зади, сорвал с его глаз повязку, другой вынул изумрудный медальон.

Пузырь немедля предстал очам светлейшего протектора во всей красе — ощеренная пасть и скопище клыков, по которым пробегали хорошо заметные в полутьме редкие розовые искорки.

— Демон очень опасен, — вкрадчиво сообщил Ши. — И очень голоден! Видите, что вытворяет?

Конан заставил Пузыря отхватить часть каменной стены, что тот с готовностью и проделал. Гранитную кладку будто ножом срезали.

— Не согласитесь на наши условия — демон с удовольствием закусит неким излишне несговорчивым немедийским дворянином, — Ши был очень любезен, но в его голосе сочился змеиный яд. — И скармливать этого дворянина мы будем по кусочкам.

— Вот оно что... — пробормотал Амори. — Я предполагал, что летучий монстр принадлежит какому-то магу, только не мог выяснить, кому именно. Значит, Черный Круг? Но каким образом мы наступили вам на мозоль? Почему стигийскому конклаву интересен наш тайный договор с Кофом о надзоре за караванными путями? А, кажется понимаю — боитесь, что мы прищемим хвост торговцам лотосом из Кхитая и Вендии? Вы же используете зелье для приготовления магических снадобий!

— Встречный вопрос, — ухмыльнулся Ши,

спрятанный от взгляда протектора в темной нише. — Почему договор тайный? Проще было объявить о нем всему свету...

— Вы что, ничего не понимаете в политике? Любое соглашение с Кофом заставит беспокоиться аквилонцев и Туран, который издавна враждует с Хоршемишем.

— Вот что, давайте не будем углубляться в такие высокие сферы, — нетерпеливо ответил Ши. — Повторяю: или зубы демона, или выкуп с обещанием забыть о кофийцах.

— Герцог Лаварон не оставит эту идею. Со мной или без меня он добьется договора. Но если вы согласны меня отпустить...

Ши ненадолго задумался и спросил:

— Где дворцовая сокровищница?

— Она-то вам зачем? Ах, да, конечно... На втором этаже замка, рядом с моими покоями.

Конан исподлобья поглядел на Ши Шелама, который издал разочарованный вздох.

— Сможете нас туда провести?

— Это исключено. Гвардейцы в каждом коридоре, на лестницах, менять стражу может только разводящий десятник, я не вправе отдавать приказы военным... Это же закон — они выполняют распоряжения только начальника караула!

— Как тогда быть с выкупом?

— Я могу сам сходить в кладовые и принести золото сюда. Сам, понимаете? Тревогу до утра поднимать не буду, слово дворянина!

— Никакого золота, — отрезал Ши. — Камушки в сокровищнице есть?

— Несколько шкатулок и алмазами, изумруды, сапфиры... Неужели Черный Круг настолько беден, что даже не может заплатить вам за труды?

— Не ваше дело, — буркнул Ши и, наконец, принял решение. — Мы верим слову дворянина. Учтите ваша светлость, если вскоре сюда нагрянет стража, то демон превратит ваш дворец в гору щебенки, а вы сами...

— Я же обещал! — возмущенно сказал герцог. — Через два квадранса шкатулка с камнями будет у вас в руках.

— Развяжи его, — сказал Ши киммерийцу. — Ваша светлость, не уроните честь немедийского дворянства. Мы на вас надеемся!

С тем герцог Амори неожиданно резво для своего возраста и комплекции покинул подземелье. Наверху громыхнула тяжелая дверь.

* * *

Как ни печально это прозвучит, но пресловутая дворянская честь стоила не дороже выеденного яйца. После эдакой подлости Ши поклялся, что впредь не сядет играть с благородными даже в четыре шарика, поскольку все они — жулики и надувалы!

Не оказись рядом Пузыря, Конану и Ши

пришлось бы туго. Протектор, не то со страху, не то по особой злости, поднял на ноги дворцовых ликторов и гвардию, хотя отлично знал, что в подземелье находится зубастый демон и среди стражи могут быть большие жертвы. Последнее тоже не добавляло герцогу привлекательности — его светлость понимал, насколько велик риск и не мог не знать о том, что убить тварь стальными клинками и арбалетными стрелами невозможно.

Но так или иначе ожидавшие возвращения наместника авантюристы через некоторое время различили постепенно нараставший шум, потом на верхнюю площадку узкой каменной лестницы вломились вооруженные до зубов стражи, которые не задумываясь начали вслепую палить из тяжелых самострелов. Конан едва успел отскочить за угол и тут же металлические наконечники высекли искры из гранитной кладки.

— Уйти не успеем, догонят, — выдохнул Ши, даже не пытаясь взглянуть, что происходит наверху. — Сможешь сделать так, чтобы Обжора перекрыл лестницу? Уж демона-то гвардейцы подстрелить не сумеют...

— Сделаем кое-что получше, — проговорил Конан, пытаясь выбрать верное сочетание рун. — Отрежем им дорогу!

Пузырь, уяснив что именно от него требуется, рванулся к потолку, моментально снес часть

перекрытия, проделал несколько дыр в стене и самой лестнице, после чего проход начал обваливаться. Обжора едва успел отступить обратно в коридор. Теперь лестница было надежно перегорожена неподъемными каменными глыбами.

— Ну я устрою ихней светлости веселенькую жизнь! — ярился Ши. — Паскуда какая, подумайте только! Как только вылезем из этого проклятущего подпола, прикажу напей тварюге разнести это немедийское логово по камушку!

— Ничего ты не прикажешь, — угрюмо отозвался Конан. — Сколько раз я повторял — не связывайся с демонами и магией! Если вдруг у нас получится унести ноги, я собственноручно выпрыгну медальон в выгребную яму, чтоб никому не достался!

— Лорна не переживет появления второго бродячего нужника, — фыркнул Ши, вместе с Конаном направляясь обратно, к винному погребу. — Согласен, моя идея с ограблением дворца протектора оказалась не самой лучшей, да и обстоятельства были против нас... Завтра попробуем потрогать за карман туранских купцов, у которых лавки на Каменном рынке — я точно знаю, где они хранят золото!

— Лезь в дыру, — подтолкнул киммериец приятеля. — И молись всем богам, которых ты знаешь — герцог поднял тревогу, значит нас будут шумно и настырно ловить.

В парк выбрались через прежний лаз и сразу стало понятно, что вокруг дворца уже поднялась нешуточная кутерьма — были слышны команды немедийских десятников, распорядившихся караулами на площади перед зданием, мелькали огоньки факелов, постукивали копыта лошадей. В дворцовом саду пока было спокойно — никто и представить себе не мог, что злоумышленники могли проникнуть в здание именно отсюда.

Бегом добрались до ограждавшей парк стены. Поскольку Конан из осторожности притушил фонарик, долго искали в темноте проделанное демоном отверстие. Пузырь, как привязанный, летел следом.

— Кажется, тихо, — сказал Ши, осторожно выглянув на улицу из дыры. — Бегом за мной!

По счастью, начинавшаяся грандиозная облава еще не успела перекинуться на эту часть квартала Бейдаль, пускай и здесь начали проявляться первые признаки суматохи. Конан и Ши успели нырнуть в один из проулков, дабы не попасться на глаза нескольким вооруженным всадникам, скакавшим в сторону дворца наместника. Когда угроза миновала, Ши изумленно присвистнул.

— Заметил, кого сопровождали гвардейцы? — спросил он у киммерийца. — А я заметил! Герат, его волшебная милость, собственной персоной! Удивительные события происходят в на-

шем прекрасном городке — сколько знаю Герата, он никогда не садился в седло. Думает, будто маг роняет свое достоинство, разъезжая на лошади, и всегда предпочитает портшез. Ничего не понимаю!

— И хвала богам за это, — отозвался Конан. — Пошли! Чем быстрее мы вернемся домой, тем лучше. Наместник за эту ночь перевернет город вверх дном, пытаясь отыскать злодеев...

«Уютная нора» встретила обоих любителей приключений ленивой тишиной — был самый глухой предрассветный час. На птичнике сонно квохтали куры, попискивали домовые мыши, нужник гулял по двору и тихо разглагольствовал о бренности всего сущего — словом, шла самая обычная ночная жизнь. Пузырь, отпущенный Конаном на все четыре стороны, улетел по своим загадочным пузыриным делам.

Лорна, как и обещала, не стала запираť заднюю дверь и даже оставила на одном из столов кувшинчик вина и холодное мясо с лепешками.

— Какая трогательная забота, — буркнул Ши, устало опускаясь на табурет и выбивая из кувшина деревянную пробку. — Давненько у меня не было таких невероятных провалов! Цель была совсем рядом — только руку протяни! Никогда себе не прощу! Ни славы, ни добычи.

— А я знал, что протектор ничего нам не принесет и не вернется, — сказал Конан. —

Чувствовал. Напугали мы его знатно, Пузырь постарался. Никакой нормальный человек не захочет снова встречаться с демоном лицом к лицу. Ну, я и...

Конан запнулся на полуслове — и отвел взгляд.

— Что — «и»? — насторожился Ши.

— Я ж его милость герцога сзади держал, за шею. Тогда и подумал, что ничегошеньки у нас не получится. Вот.

Киммериец сунул ладонь за пазуху и положил на стол тяжелый предмет. Звякнула цепочка.

— Да будь я проклят... — очень медленно и внятно проговорил Ши. — Не может быть!

— Может, — уверенно ответил Конан. — Застежка на цепи простенькая, ты же сам меня учил, как открывать такие замочки. Герцог с перепугу ничего и не заметил.

— Я тоже, что характерно, не заметил, — носовым голосом сказал слегка оторопевший Ши. — Поздравляю, киммерийское отродье. Ты становишься истинным шадизарцем, плоть от плоти... Это какая же пощечина герцогскому самолюбию!

Перед Ши Шеламом возлежал коронный орден Венца Нумы, наивысшая награда Немедийского королевства, коей удостаивались только члены монаршей семьи, выдающиеся военачальники и управители протекторатов.

* * *

— Семь желтых алмазов, каждый размером с ноготь. Продадим в Чамган, гномам, карлики дадут хорошую цену.

— Хорошая цена — это сколько?

— Камни чистой воды, прекрасная огранка. Думаю, за каждый вырчим по две тысячи кесариев, не меньше. Четырнадцать рубинов, столько же обычных бриллиантов помельче. Это еще тысяча пять. Золотая оправа и цепочка уйдут задешево, но это уже неважно. Да, куш мы отхватили изрядный!

Конан и Ши поутру заняли «золотой стол» — дележа добычи на двоих не предвиделось, поскольку вырученные деньги предполагалось отдать пострадавшим от безобразий Пузыря фиглярам и владельцу съеденного дома. Однако, оценить драгоценность и лишний раз полюбоваться ею оба прохвоста не отказались.

Было довольно рано, а потому постояльцы «Норы» еще спали. В обеденную залу спустилась только всегда поднимавшаяся на рассвет Лорна. Позевывая, хозяйка направилась напрямик к стойке.

— Давно явились? — поинтересовалась Лорна и вдруг застыла. Увидела.

— Нравится побрякушка? — рассмеялся Ши, увидев изменившееся лицо владелицы «Норы». — Только учти, у нас этой вещи никогда не было, считай что она тебе приснилась.

— Кого-нибудь другого поучи язык за зубами держать, — огрызнулась Лорна. — Подумать только — орден Венца Нумы! Небось с самого протектора сняли?

— Как ты догадлива, — Ши не переставал счастливо, как ребенок, улыбаться. — Когда появятся посетители, прислушайся к последним городским сплетням. Узнаешь много интересного.

— С сегодняшнего дня поднимаю вашу плату за постой на три серебряшки, — сказала хозяйка не без усилия отрывая взгляд от сокровища. — Да с эдаким богатством вы можете хоть в «Рубиновую лозу» переселиться! Тамошние комнаты, говорят, обходятся в десять ауреев за день...

Когда камни были аккуратнейшим образом вынуты из оправы и разложены по матерчатым мешочкам, можно было собираться на прогулку — потолковать с гномами-ювелирами, а заодно и поглядеть, что творится в городе. Но планы Ши Шелама были грубо нарушены появлением первого за наступившее утро посетителя таверны.

Герат Айбениль выглядел злее самого жуткого демона Черной Бездны. Волшебник не выспался, был голоден и взъерошен.

— Два недоумка, — не тратя время на пышные вступления, заявил Герат, углядев Конана и Ши. — Надо полагать, что ночной бедлам — ваших рук дело?

— А что случилось? — невинно спросил Ши. — Надеюсь, ничего скверного?

— Ничего, — волшебник неожиданно усмехнулся, — кроме внезапно начавшейся сумасшедшей охоты на черных магов стигийского конклава, учинивших бесстыдное нападение на резиденцию великого протектора Заморы с помощью демона, известного в городе под именем «Пузырь». Меня и еще двух магов из гильдии Алого Пламени равновесия самым срочным образом привезли во дворец среди ночи и заставили искать гнусных злодеев. На городских воротах тройные караулы, тайная служба стоит на ушах, стигийцев, даже простых купцов, гоняют по всему Шадизару... Я едва сумел убедить наместника, что никаких следов злого колдовства во дворце не осталось. Подумать только — мерзавцы натравили демона на самого герцога Амори!

— Ужасная история, — фыркнул Ши. — И что дальше?

— Тысячу ауреев вы можете в любое время получить у моего казначея, — сказал Герат. — Если закончили развлекаться и выполнили все задуманное — отдайте мне медальон.

Конан тяжело встал, поглядел на Ши, на Герата и буркнул:

— Пошли на двор.

— Зачем?

— Увидите.

По удачному стечению обстоятельств во дворе было совершенно пусто, если не считать домашней птицы и унылой деревянной будки, сейчас поджавшей ноги и усевшейся в тенечке. Конан позвал Обжору, который вскоре примчался со стороны Аренджунских ворот.

— Не следовало этого делать, — торопливо сказал Герат. — Нас могут увидеть! Конан, прикажи ему улететь! Пойдем обратно в таверну, и вы объясните мне, как научились управлять Пузырем...

— Ничего и никому объяснять мы не будем, — твердо сказал киммериец. — Хватит.

Пузырь как раз в этот момент распахнул зубастую пасть. Конан, не теряя времени, размахнулся и зашвырнул злосчастный медальон точно в прорезь рта Обжоры — платиновый диск с изумрудом в последний раз сверкнул на солнце и сгинул в бездонных недрах демонова брюха.

— С каким удовольствием я бы тебя придушил! — простонал Герат и сразу осекся, поглядев в синие и холодные глаза киммерийца, в которых ясно читалось: «Попробуй!». — Зачем ты это сделал?

— Пусть демон живет сам по себе, — ответил Конан. — От него и так сплошные неприятности.

— Балбесы, — вздохнул волшебник и вполне здраво добавил: — Что ж, зато сэкономили мне тысячу ауреев. Но если в будущем позволите

себе еще один такой выверт — обоих превращу даже не в крыс, а в скорпионов! И посажу в одну банку! Обещаю!

Пузырь, сожравший медальон без каких либо видимых для себя последствий, повисел возле «Уютной норы» и отправился восвояси. Спусти половину колокола его заметили над зданием городского совета Шадизара — Обжора мирно поедал одну из башенок.

* * *

Несколько последующих дней Ши Шелам ходил с роскошным синяком под глазом и с Конаном не разговаривал. Дело в том, что полученные за алмазы деньги Ши весьма опрометчиво отдал Атике. Последняя немедленно побежала на постоялый двор «Четыре коровы» и сразу вручила тяжелые кошель с золотом месьору Каланьясу.

Через седмицу бородатый владелец нового каменного амфитеатра осчастливил изголодавшихся по зрелищам шадизарцев новым представлением — «О благородном разбойнике, его возлюбленной и их ужасной смерти».

Дом сереброела Атрания был восстановлен. Несколько сотен ауреев Конан отдал Атранию лично в руки.

Оживленная охота на черных магов продолжалась пять дней. Двоих стигийцев повесили.

Впрочем, они действительно принадлежали к Черному Кругу и их никто не жалел.

На торжественной церемонии казни присутствовал сам герцог Амори. На груди его светлости поблескивал орден Венца Нумы, однако пробравшийся к трибуне для гостей Ши клятвенно уверял: желтые алмазы на побрякушке были фальшивыми.

Еще некоторое время спустя Пузырь навсегда исчез — поговаривали, будто он сожрал какого-то странного человека, колдуна по виду, и отравился. Но это уже совсем другая история...

КРЫСИНЫЙ КОРОЛЬ

(Из цикла «Убийцы чудовищ»)

*Бритуния, герцогство Райдор
Лето 1285 года по основанию Аквилонии*

А ну, подъем, лежебоки! — Гвай ворвался в комнату словно вихрь. — Не поверите, нас самым срочным образом месьор Атрог к себе требует! Конан, одевайся! Эйнар, хватит дрыхнуть! Асгерд уже завтрак приготовила!

— Боги всеблагие, — простонал Конан, с трудом разлепляя глаза. — Пускай твой проклятуший Атрог провалится в самое промозглое ущелье Серых Равнин! Ночь на дворе!

— Не ночь, а утро, — бодро ответил Гвайнард. — Рассветет через два квадранса! У нас тут события...

— Сколько можно?! Каждое утро терпеть такие надругательства над самым святым — над отдыхом! — Эйнар немедленно поддержал Конана жалобным нытьем, доносившимся из-под пледа. — В этом проклятом Райдоре событий происходит больше, чем на всей материке Заката вкупе с Кхитаем и Вендией! Надоело!

— Если надоело, можешь продолжать валяться в постели, — бросил Гвай, и в его голосе появились стальные нотки. — А когда проснешься — собирай вещички и марш из дому! Понял?

— Понял, — пробурчали из-под пледа. Когда Гвай вышел, Эйнар с душераздирающим стоном отбросил клетчатое покрывало, сел на кровати и охнул, опустив голые ноги на холодный деревянный пол. Конан уже вовсю одевался.

— Что такого страшного могло произойти? — вслух гадал киммериец, завязывая тесемки на воротах рубахи. — Если уж начальник тайной службы герцогства поднимает господ охотников ни свет, ни заря?

— А я тебе скажу, — отозвался осоловелый Эйнар, попутно соображая, куда он вчера вечером забросил правый сапог, которого возле кровати не обнаружилось. — После истории с Исчезающей долиной, ихняя шпионская милость явно решил, что мы вчетвером можем спасти государство от любой напасти. Ставлю тысячу шеллинов — нас сейчас отправят вое-

вать с Гипербореей. Или нам вчетвером предстоит выступить против немедийских легионов, решивших атаковать Бритунию! Чума на мою голову! Почему Атрог не мог вызвать нас хотя бы в полдень, когда все уважающие люди продерут глаза и как следует позавтракают!

— Хватит скандалить, — поморщился Конан, цепляя на пояс посеребренный кинжал в роскошных ножнах — подарок герцога Райдорского. — Если Атрогу понадобились наши услуги, значит дело действительно серьезное. Не такой он человек, чтобы из-за ерунды паниковать.

— Опять вампиры, — вздохнул Эйнар. — Или, того хуже, мантикор снова засел на пайрогийском тракте. Или вообще дракон какой-нибудь...

— Не вижу смысла дальше гадать. Быстро одевайся и топай в оружейную! Надеюсь, воевать с чудищами-страпилищами на голодный желудок ты не собираешься?

— Все у нас не как у людей, — огорченно сказал Эйнар. — Кушаем в оружейной, клинки храним в кладовке, дома живем от силы пять дней за луну... Жуть!

— Не ной, — привычно ответил Конан и отворил дверь в коридор. — И перед тем, как садиться за стол — умойся! Тоже мне, чудо природы...

Что-что, а своевременный завтрак варвар считал действием насквозь обязательным —

биться за правое дело очищения земель полуночной Бритунии от разнообразной нечисти, нежити и небыти, киммериец предпочитал сытым.

* * *

С дня Середины лета 1285 года по аквилонскому счету Конан Канах из Киммерии начал всерьез полагать, что наконец-то нашел себе достойное занятие. В кои-то веки работа киммерийца не тяготила, а наоборот, нравилась, за данную работу варвар получал неплохие деньги — четверть от общего дохода, — а кроме того, впервые в жизни Конан почувствовал в людях, с которыми вместе трудился, искреннюю честность и столь же искреннее уважение к соратнику, с которым приходится делить все трудности и опасности.

Словом, несколько седмиц назад Конан (неожиданно для самого себя) прибил к небольшому отряду Ночных Стражей, более известных на материке Заката под наименованием «Охотников на монстров». Гильдия известная, почетная, уважаемая как народом, так и дворянством — от короля до захудалого барончика из глухой провинции. Работы — непочатый край, благо полуночные дебри доселе полны монстрами, подлежащими незамедлительному истреблению по причине пакостного характера,

скверного облика и гнусных повадок, из которых людоедство — далеко не самое худшая...

Ватага была небольшой — всего лишь четыре человека, включая Конана. Точнее, три человека и броллайхэн. Эйнар лишь носил человеческий облик, в действительности являясь воплощенным Духом Природы, владевшим Алой Магией Равновесия. Водительствовал над отрядом Гвайнард из Гандерланда — младший и ненаследный сын гандерского барона, почувствовавший вкус к тяжкому ремеслу охотника на чудовищ и с успехом трудившийся на этом неблагодарном поприще уже девять лет. Асгерд из Нордхейма — высокая, светловолосая и решительная девица — была великолепной лучницей и билась сразу на двух клинках, что вызывало у Конана искреннее уважение к бравой соратнице: раньше киммериец полагал, что подобного совершенства во владении оружием могут достичь только легендарные амазонки.

В Райдоре охотники владели домом, стоящим на главной улице городка, причем этот дом, купленный в складчину, более походил на усадьбу богатого кушца — конюшня, сарай, громадный сеновал, погреба; Ночным Стражам платили много, а потому они могли себе позволить некоторые роскошества. Не далее, как седмицу назад, после завершения рискованного похода к Исчезающей Долине, где на краткое время пробудилась древняя нечеловеческая магия, хозяй-

ственная Асгерд незамедлительно прикупила несколько роскошных туранских ковров, потратив на них значительную часть вознаграждения, полученного от его светлости герцога Варта Райдорского. После справедливого дележа выяснилось, что ковры украсили почти все комнаты дома, за исключением спальни, где ночевали Конан и Эйнар. Киммерийцу было все равно, но вот Эйнар немедленно закатил очередной скандал и обиделся так, что три дня с Асгерд не разговаривал. Для волшебного существа Эйнар был чересчур нервен и раздражителен, что, однако, ничуть не сказывалось на его деловых качествах.

Вот и сегодня бессмертный приятель Конана дулся на соратников все утро, за время завтрака не проронил ни слова, молча оседлал своего коня и первым, в гордом одиночестве, выехал за ворота усадьбы, не дожидаясь остальных. Столь вызывающее поведение возмутило даже Гнедого — скакуна, принадлежавшего Конану. Гнедой, проводив Эйнара взглядом, поднял верхнюю губу, шикнул, уподобляясь змее, и наконец высказался:

— Свинячий потрох...

— Согласен, — кивнул Конан, запрыгивая в седло. — Но будет лучше, если ты сейчас помолчишь. Хорошо?

— Отвали, — ответил Гнедой, однако заткнулся.

Диалог между конем и человеком мог поразить кого угодно из посторонних, но только не охотников. Асгерд и Гвай отлично знали, что к лошадиной породе Гнедой имеет столько же отношения, сколько его владелец — к надзору за нравственностью молодых девиц в каком-нибудь Хауране.

Родился этот редкостный ездовой монстр на Аурусе, мире, расположенном за Бритунийскими Вратами Миров. Гнедой в точности походил на молодого жеребца пуантенской породы, однако являлся хищником, владел устрашающим набором клыков, каким любой тигр позавидует, питался сырым мясом и обладал скверным характером. Называлась эта тварь «сартакон», обладала даром имитатора и (в чем Конан неоднократно имел возможность убедиться) была полумразумной — в любом случае, сартак частенько являл абсолютно несвойственную обычному животному сообразительность. Ну, а тот факт, что Гнедой нахватался от хозяина крепких киммерийских словечек, употребляемых Конаном в минуты душевного разлада, уже никого из охотников не смущал — пусть его ругается. Только бы не при людях.

...Киммериец любил ранние утренние часы, особенно в таком очаровательном захолустье как Райдор. Деревянные дома утопают в волнах тумана, донжон герцогского замка, стоящего на скале уже подкрашен первыми оранжевыми

лучами восходящего солнца, сонно мычат коровы, слышен скрип колодезных воротов, заливаются жаворонки в небе — город, а вернее, огромная деревня, устроившаяся у подножия замковой скалы, просыпается. На улицах пока пусто — только пастухи гонят стада коров и коз на выпас.

Гонец от месьора Атрога Гайарнского, начальника тайной управы герцогства, явился под утро и вручил выскочившему на порог в одном исподнем Гваю срочную депешу от его милости. Пергамент украшали всего несколько строк:

«Досточтимый месьор Гвайнард! Прошу вас немедленно прибыть в замок, в связи с чрезвычайными событиями, происходящими в Райдоре. Атрог из Гайарны, охранитель короны герцога.»

Подобная депеша могла означать все, что угодно. Разумеется, месьор Атрог, как человек серьезный и знающий свое дело мог позволить себе потревожить Ночных Стражей только в случае экстраординарном и связанном с неким загадочным волшебством или появлением в столице герцогства опасного монстра. Однако, случись нечто подобное, охотники узнали бы о неприятностях первыми — ремесло обязывает. Последние же дни в Райдоре царила сущая благодать, если не брать в расчет нашествия на город невероятно расплодившихся крысиных стай, каковые, впрочем, чудовищами считаться ни-

как не могут и пригляда со стороны Ночной Стражи не требуют.

Четверка всадников поднялась по тропе, ведущей на скалу, к воротам замка. Не взирая на раннее время, створки были распахнуты, решетка поднята, а стража, осведомленная о возможном визите, немедля пропустила охотников во внутренний двор герцогской крепости.

Служки приняли лошадей, и только сартака Конану пришлось отводить к коновязи самостоятельно — конюхи его светлости уже давно знали, что к опасному монстру чужакам лучше не подходить: покусает. Или даже зажрет насмерть — всем была известна история, как Гнедой запросто разорвал клыками одного из разбойников, не столь давно попытавшихся напасть на ватагу Ночных Стражей на дороге в Пайрогию.

Дальнейший путь был известен. Если в покои герцога следовало подниматься по парадной лестнице, то месьор Атрог со своими головорезами квартировал в полуночном крыле замка. На второй этаж вела скромная винтовая лестница.

— Пойдите здесь, — буркнул угрюмый страж, стоявший у входа в кабинет его милости. Нырнул за дверь, он доложился и почти сразу вышел: — Вас ждут. Оружие можете оставить при себе.

— Премного благодарны, — съязвил Конан.

Охотники относились к той немногочисленной категории людей, у которых клинки не отнимали даже перед королевской аудиенцией. — Может, проверишь наши кошельки на наличие пузырьков с ядами? Вдруг мы хотим отравить его милость?..

Киммериец охнул, получив тычок локтем под ребра от Гвая. В конце концов, охотники явились к месьору Атрогу по делу, а господин тайный управитель терпеть не может глупой болтовни. Гвайнард однажды заметил, что Атрог, родись он в Немедии или Аквилонии, сделал бы выдающуюся карьеру в тайных службах этих великих королевств. Бритуния для него мелковата — нет должного размаха.

— Рассаживайтесь как вам удобнее; — Атрог даже не поднял глаз от пергаментов, разложенных на столе. — Рад, что господа охотники явились по первому зову...

— Можно осведомиться, что стряслось на этот раз? — без всякого разрешения Гвайнарда спросил Эйнар. — Тролли, демоны, огры, летучие змеи?

Атрог оторвался от свитка, спокойно взглянул на охотников, криво улыбнулся и ответил:

— Крысы.

— Крысы... сы? — Эйнар едва не поперхнулся собственной слюной. — Как ты сказал, почтенный — крысы? Какие крысы?

— Серые, — сухо ответил управитель секрет-

ной стражи. — С хвостами, четырьмя лапками и черными глазками.

— Но... — заикнулся Эйнар, однако перехватив зверский взгляд Гвайнарда, умолк. Далее разговор повел предводитель отряда:

— Я не совсем понимаю, — осторожно сказал Гвай. — Месьору Атрогу должно быть известно, что гильдия Ночной Стражи не занимается изведением мелких домашних вредителей. Мы не травим крыс и мышей. Если в замке расплодились крысы — заведите несколько кошек или хорьков... Впрочем, мне известно, что за последние седмицы крысы в городе расплодились сверх всякой меры.

— Я знаю о том, что вы отнюдь не крысоловы, — кивнул Атрог. — И знаю, что обыкновенная крыса вовсе не является чудовищем, уничтожением которых вы промышляете. Однако, хотелось бы узнать ваше мнение вот о чем... Когда несколько десятков крыс нападают на герцогскую сокровищу, берут в зубы золотые монеты и вместе с золотом исчезают в своих норах — это нормально? Является ли для крысы естественным поведением похищение перстней из ларца герцогини? Могут ли обыкновенные крысы совершать организованные — слышите, *организованные!* — набеги на дома купцов?.. Крысы таскают еду из кладовых, уносят драгоценности, деньги, серебряные ложки. Ходят по ночам большими... э-э... отрядами, люди

замечали, что они выставляют стражу, которая оповещает остальных о приближении человека...

— Стражу? — вытаращился Гвай. — Крысиная стража, способная предупредить остальных крыс об опасности? Никогда о подобном не слышал...

— Именно, — бесстрастно ответил месьор Атрог. — По крайней мере, так утверждается в донесениях. А я склонен верить осведомителям — дураков и сумасшедших в своей канцелярии не держу. Кроме того, не далее как минувшей ночью я сам видел последствия налета на герцогскую сокровищницу. Крысы заманили хорьков и двух кошек в ловушку, сиречь заперли оных в пустом сундуке, затем унесли до полутысячи золотых ауреев. Каково?

— Просто невероятно! — покачал головой Гвайнард. — Запереть кошек в сундуке? Ты уверен, что в сокровищницу проникли именно крысы, а не посторонние люди?

— Уверен. И это был далеко не единственный набег крыс на замок. Признаться, я тоже ничего не могу понять. Единственное предположение — некий маг, владеющий звериным волшебством, нарочно натравливает на город крысиные орды. Но сейчас в Райдоре нет ни одного мага, это я могу утверждать с уверенностью — тайная служба следит за всеми чужаками, появляющимися в нашей провинции. Мы неглас-

но проверили всех приезжих и я готов руку дать на отсечение: волшебников среди них нет.

— Звериная магия? — нахмурился Эйнар. — Чепуха! Это искусство давным-давно забыто человеком! Безусловно, существует легендарная Книга Бытия, принадлежащая народу оборотней Пограничья, но этот гримуар, из которого можно почерпнуть надлежащие заклинания считается утерянным. По крайней мере последние лет триста Книгу Бытия никто не видел, хотя некоторые маги и устраивали разыскания в древних храмах оборотней, которые окончились безрезультатно. Я бы знал.

— Может быть, кто-то из твоих сородичей шалит? — управитель остро взглянул на Эйнара. Атрог отлично знал, что он не является человеком. — Я слышал, что воплощенные Духи Природы склонны к шуткам подобного рода.

— Не-ет, — обиженно протянул Эйнар. — Это исключено. Хотя бы потому, что в округе пятисот лиг от Райдора нет ни единого брولайхэн. Я могу почувствовать приближение такого же как я Духа, будь он воплощен или бесчеловечен... Наш народ немногочислен. И брولайхэн тоже не владеют волшебством животных — мы пользуемся только магией Равновесия, а это совсем другое! И не надо так на меня смотреть! Не думаете же вы, что это я натравил полчища крыс на сокровищницу его светлости?

— Не думаем, — улыбнулся Атрог. — У меня есть основания тебе доверять. Однако, факт остается фактом: райдорские крысы обрели некое подобие разумности и теперь не дают житья мирным обывателям, а их грабительские повадки вызывают у меня полное недоумение... Я пригласил вас посоветоваться. Что прикажете делать? От имени герцога я хочу предложить вам взяться за расследование этого необычного наваждения. Надлежащее вознаграждение, само собой, вы получите незамедлительно. Вот аванс...

Атрог выложил на стол два увесистых кошелька. Охотники переглянулись. Дело казалось слишком уж необычным. Крысы-грабители — это уже чересчур! В практике Гвайнарда никогда доселе не было такого случая.

— Что нам следует сделать? — недоуменно спросил Гвай. — Изгнать крыс из города? Это невозможно — мы будем гоняться за ними до конца столетия! Крыс слишком много!

— Надо отыскать источник неприятностей, — мягко сказал месьор Атрог. — Крысы далеко неспроста обрели несвойственные им способности и склонности. Почти уверен, действует некая странная магия, но вот откуда она появилась в нашем захолустье?

— Друиды? — предположил Конан и сразу отказался от этой мысли: — Тоже исключено, поскольку магией друидов пользуются только в Пуще Пиктов, Киммерии и Асгарде, а эти зем-

ли слишком далеки от нас. Магия не-людей, наподобие дриад, данхан или альвов? Ничего подобного просто быть не может — эти существа сторонятся человека и не стали бы безобразничать в большом городе, где их могут моментально отыскать и убить...

— Значит, чужеземные маги в Райдор не приезжали? — Гвай задумчиво почесал небритый подбородок. — А собственных магов у нас нет, если, конечно, не считать таковым месьора Аделарда.

— Нашли о ком вспомнить, — пренебрежительно усмехнулся Атрог. — До сих пор не понимаю, почему его светлость герцог доселе держит этого шарлатана на должности придворного алхимика! Он же ненормальный! Аделарда давно пора гнать в шею из замка, но светлейший доселе уверен, что старый обманщик однажды все-таки найдет способ обращать свинец в золото! Двадцать лет уже превращает, да только результатов никаких.

— Алхимика проверяли? — насторожился Гвай. — Может, это его работа?

— Митра Всеблагой, — господин управитель страдальчески воздел очи горе, — да этот полумный и яйцо в птенца превратить не сможет! Разумеется, первое подозрение пало на Аделарда, но старик ночами спит, днем варит свои отвратительные зелья, а когда история с крысами только началась, его вообще не было в Райдоре

— ездил в Пайрогию, покупать очередные магические принадлежности для своей лаборатории. Только герцогское золото на всякую ерунду способен тратить, бестолочь... Старик, конечно, скорбен разумом, но безобиден, как цыпленок. Подозревать месьора Аделарда я не могу — он бы никогда не додумался до подобной авантюры, да и маг из него никудышный.

— И все равно, расследование мы начнем именно с визита к алхимику, — твердо сказал Гвай. — Асгерд, Эйнар, отправляйтесь в город, собирайте слухи по тавернам. Особенно обращайтесь внимание на сообщения о необычных существах, буде таковых в последние дни кто-нибудь видел. Мы с Конаном навестим господина Аделарда. К третьему полуденному колоколу собираемся дома и будем решать, что делать дальше.

— Значит, вы беретесь за это дело? — уточнил Атрог.

— Разумеется, ваша милость, — Гвай забрал со стола мешочки с золотом. — Мне очень нравятся столь необычные загадки... Асгерд, когда вернетесь домой, запрячьте все наши деньги в железный сундук, который стоит в кладовке — не хватало только, чтобы нас, прославленных охотников на чудовищ, ограбили какие-то жалкие крысы! Конан, поднимайся! Пойдем выражать свое почтение герцогскому алхимику. Может быть, он наведет на след?

— Не уверен, — мрачно ответил Атрог. — Вы просто не знакомы с этим безумцем. Желаю вам хорошо повеселиться у него в гостях...

* * *

Месьору Аделарду в замке герцога была выделена отдельная пристройка, находившаяся вдали от большинства жилых пристроек — обитателям резиденции светлейшего вовсе не собирались терпеть несносную вонь, которой сопровождалось большинство загадочных экспериментов алхимика, гордо именовавшего себя «придворным магом». Кроме того, лихие опыты Аделарда частенько оканчивались взрывами, грохотом и прочими неприятными эффектами. Герцог, посчитав, что однажды старик попросту спалит замок, нарочно распорядился держать возле жилища алхимика несколько бочек наполненных водой, дабы стража в любой момент могла приступить к тушению возможного пожара.

Конан и Гвай пересекли двор замка, обогнули конюшни и кузницу и направились к каменному флигелю с острой черепичной крышей.

— В жизни такого бреда не слышал, — ворчал Гвайнард. — Да узнай кто-нибудь из бритунийских Ночных Стражей, что моя ватага поголовно подалась в крысоловы — засмеют и выгонят из гильдии! А если серьезно — мы взяли за крайне странное дело!

— Согласен, — кивнул Конан и дернул Гвай за рукав. — Страннее некуда. Ты только глянь!

— Что такое? — Гвай загнулся на полушаге и раскрыл рот. — Бел-обманщик! Конан, варварская душа, ты тоже это видишь?

— Я это увидел первым...

От конюшни в сторону зернового амбара двигалась удивительная процессия. Полтора десятка упитанных крыс вальяжно шествовали по каменным плитам двора, причем шли парно, выстроившись в колонну. Каждая крыса держала во рту посверкивающую серебром бляшку, коими украшается конская упряжь. Видимо, этот крысиный отряд только что совершил разбойный набег на сарай, где хранилась сбруя герцогских лошадей. На застывших охотников крысы не обращали ровным счетом никакого внимания. Словно их тут и не было.

— Хватай гадин! — Конан обернулся, услышав грохот кованых подошв. Красный от гнева, как вареный рак, конюх вылетел из-за угла, поскользнулся на яблочном отгрызке, упал, вскочил снова и бросился вдогонку за крысами. Воровки, нарушая строя, бегом ринулись к стене замка и мигом исчезли в отверстии-норке под камнями.

— Убью! — раненым зверем ревел конюх. — Люди добрые, да что же это творится! Всю упряжь изгрызли! Ну ответьте, на кой ляд крысам серебро понадобилось?

Киммериец и Гвай не сговариваясь пожали плечами и, оставив ограбленного конюха причитать в одиночестве, поднялись по скрипучим ступенькам флигеля.

— Я занят! — донесся из-за двери тоненький крик, раздавшийся в ответ на вежливое постукивание. — У меня важный опыт! Зайдите вечером! Нет, лучше завтра! Или послезавтра!

— Дверь ему, что ли, вышибить? — лениво сказал Конан. — Эй, а ну открывай! Приказ его милости Атрога Гайарнского!

Створки распахнулись и господа охотники узрели на пороге некое взъерошенное существо имевшее вид седого, как лунь, сухонького и низенького старикашки с клочковатой бородой и давно нечесаными седыми патлами. Месьор алхимик оставлял впечатление гнома-переростка, облачившегося в прожженную во многих местах синюю мантию, украшенную таинственными символами и высокий колпак со звездочкой на верхушке. Конан не смог сдержать улыбку — в такой забавный костюм маги одеваются только в сказках, настоящие же волшебники носят либо простую одежду, либо, в торжественных случаях, надевают хламиду с символикой своего конклава, например Белой Рукой, Короной Сета или Золотым Лотосом. Аделард же выглядел будто ярмарочный фигляр, играющий роль колдуна в уличном спектакле для простецов.

— За каким демоном я понадобился Атрогу?

— взвыл седовласый, увидев перед собой двух громил с клинками на поясах. — Проклятый завистник и интриган! И как только светлейший держит его на высокой должности охранителя короны?! В шею гнать! Да-да, вы не ослышались, безмозглые тупицы! А ну, вон из моего дома!

Конан под таким напором аж отступил на шаг назад, а Гвай растерянно смотрел на разбушевавшегося старикашку, соображая, как бы его успокоить. Пока охотники думали, алхимик громогласно высказал все, что думает об Атроге, не дающем придворному магу его светлости спокойно трудиться на благо Райдора, о костоломах из секретной канцелярии, способных только пиво жрать, да за юбками бегать, в то время как ученые и образованные люди постигают тайны мироздания... И так далее.

— Вот вздорный старик, — процедил сквозь зубы Конан, когда Аделард на мгновение затих, набирая воздуха для нового залпа ругательств. — Еще хоть одно слово, и ты недосчитаешься последних зубов!

— Погоди, — Гвай оттеснил рассердившегося киммерийца, сунул руку за ворот и вытащил из-под рубахи амулет Ночной Стражи в виде серебряной волчьей головы. Амулет незамедлительно окутался туманом из синих искорок. — Почтенный, теперь тебе понятно, кто мы такие? Можно ли отнять у тебя часть драгоцен-

ного времени, ибо наша гильдия всегда уважала знания могущественных волшебников, способных помочь Страже разрешить непосильные для наших слабых умов загадки?..

«Во завернул, — подумал Конан. — Это у нас-то слабые умы?»

Аделард внезапно успокоился и даже изобразил на морщинистой физиономии некое подобие улыбки.

— Что ж вы сразу не сказали, господа хорошие? — проскрипел алхимик. — Вы из той самой ватаги охотников на чудовищ, что подарила мне великолепный череп этеркапа?

— Именно, — Гвай наилюбезнейшим образом раскланялся. Конан же моментально вспомнил, что герцог Райдорский не столь давно приказал отдать преподнесенный ему трофей охотников в виде черепа одного из крайне неприятных лесных монстров Аделарду — никакой нормальный человек (кроме спятившего мага) не согласится держать у себя дома эдакую мерзость. — Мы можем войти?

— Милости прошу! — алхимик посторонился, впуская гостей, потом внимательно обвел взглядом двор и запер дверь на засов. — Проходите! Я уж думал, что Атрог, который меня ненавидит, возжелал посадить меня в каземат, якобы за то, что я доселе не нашел способа обрабатывать неблагородные металлы в золото и серебро! Он просто не понимает всей сложности

моих трудов и наушничает герцогу, пытаюсь лишить меня милости светлейшего!

Пока Аделард пространно жаловался на коварство и интриги управителя тайной канцелярии, Конан и Гвай с неподдельным интересом осматривали обиталище месьора придворного мага. Тут было на что посмотреть. И над чем посмеяться. Конан сразу решил, что любой знаменитый маг, окажись он в «лаборатории» месьора Аделарда мигом получил бы сердечный удар или просто умер от приступа неостановимого хохота.

Темные закопченные комнаты загромождали стойки с колбами и ретортами в которых булькали некие отвратительные по виду и запаху жидкости, под потолком висели дурно выполненные чучела каких-то зубастых тварей, обликом схожих с чрезвычайно истощенными крокодилами. На хозяйском столе наблюдалось несколько хрустальных шаров разных размеров, стену украшали разнообразные черепа, среди которых, на почетном месте, красовался остов давешнего этеркапа. Полки уставлены артефактами — шарлатаны вроде Аделарда, в отличие от настоящих магов, использовали не собственную волшебную силу, а пробавлялись так называемой «предметной магией», то есть лишь направляли действие артефактов, изготовленных другими волшебниками. Тут же, неопрятной грудой, были свалены затрепанные книги, мя-

тые свитки и листы папируса. Конан с трудом удержался от смеха, узрев обязательного черного кота, который начал шипеть на гостей, едва их заведя. Кот, в противовес тощему хозяину, был раскормлен до невозможности, а голос зверя отличался непередаваемой гнусностью... Разумеется, кошачью шею украшала золотая цепочка с неизвестным магическим символом.

— Впечатляет, — шепнул Гвай киммерийцу. — Сколько же тут всякого бесполезного хлама накоплено! И почти ни единой стоящей вещи, разве только безделушки на полке — кажется, это действительно сильные артефакты... Эй, милейший?

После оклика, Аделард прервал излияния о своей тяжелой судьбе, прошествовал к столу, пытаясь изобразить некую величественность (получилось плохо...) и опустился в кресло, утвердив правую ладонь на одном из хрустальных шаров.

— Что же привело доблестных Ночных Стражей в мой скромный дом? — осведомился Аделард. Голос его звучал с привизгом, будто в гортани алхимика скрывалась несмазанная дверная петля. — Разумеется, вашей гильдии я готов помогать совершенно безвозмездно, как и гласят уставы всех магических конклавов, кроме проклятого богами Черного Круга Птейона!

Гвайнард осторожно уселся на краешек табурета, покрытого, будто леопард, пятнами от

разъедающих жидкостей, используемых в алхимическом ремесле и начал излагать суть дела. Мол, появились в городе удивительные крысы, которых интересуют не амбары с зерном и не сухие корочки, позабытые на кухнях хозяевами, а вещи, которые обычно используются исключительно человеком... Конан же отправился к полке с волшебными предметами, дабы осмотреть коллекцию алхимика.

А коллекция-то оказалась недурственной — вероятно, Аделард и впрямь потратил на это собрание артефактов немало золота из герцогских кладовых! Магические кольца, навершие для волшебного посоха, способное создавать огненный шар, три жезла непонятного предназначения, амулеты, обереги...

Конан отметил про себя, что его собственный амулет охотника не становится холодным и не вздрагивает, следовательно, ни одна из принадлежащих Аделарду вещей не содержит в себе Черной магии. Похвально — обычно, темная магия сильнее Белого или Алого волшебства. Значит, алхимик знает пределы своих возможностей и не промышляет колдовством, способным причинить ему и другим лишние неприятности. Большинство артефактов используются крайне редко — полка покрыта слоем пыли.

Киммерийца заинтересовал браслет явно вендийской работы, в виде тесно переплетенных

тел мужчин и женщин. Конан слышал о подобных штучках — вендийцы искушены в любовной магии, наверняка браслет увеличивает мужскую силу. Может, попробовать надеть?

Щелкнул замочек, браслет тесно охватил запястье Конана, однако ничего не произошло — никаких изменений варвар не почувствовал. Оно и понятно — требуется заклинание, чтобы магия браслета ожила. Попробовал снять, но замок почему-то не поддавался, хоть убей.

«Тьфу, как же теперь его снять? — подумал Конан, тщетно пытаясь содрать золотое украшение с запястья. — Не признаваться же старику, что я лапал его сокровища — обидится и выгонит! Хорошо, оставим так, как есть, дома снимем, а потом незаметно подбросим Аделарду. Временного исчезновения единственной безделицы он и не заметит...»

Конан опустил рукав, чтобы скрыть браслет, и вернулся к столу. Гвай как раз заканчивал повесть о крысином нашествии.

Черный кот, даром что с виду был жирен и неповоротлив, с душераздирающим мяуканьем бросился прочь от киммерийца, попутно своротив стоявшую на полу колбу с какой-то зеленой гадостью. Гадость расплылась по доскам и завоняла тухлыми яйцами. Аделард вытаращился и медленно поднялся с кресла. Гвай, взглянув на Конана, вскочил и попятился, уронив табурет.

— Вы чего? — не понял варвар. — Будто привидение увидели...

— К-конан? — заикнулся Гвайнард. — Что с тобой?

— Дев... Кхм... Юноша, вы ничего на полке не трогали? — с трудом прохрипел побледневший Аделард. — Посмотрите на себя в зеркало!

Киммериец развернулся к здоровенному, в полный человеческий рост, серебряному зеркалу стоявшему у дальней стены и обомлел: на него смотрела высокая, крупная и синеглазая девица с шикарной грудью и черными выющимися волосами. Чисто машинально, ничуть не стесняясь алхимика и Гвая, Конан сунул руку в штаны и... И ничего там не нашел. Точнее нашел, но не то, что должен был найти.

— Кажется я... — хрипло выдавил киммериец, будучи не в силах отвести взгляд от отражения в зеркале. — Я хотел браслет померить, а он не снимается... Кром Могучий, да что же это такое...

Тут Конан просто потерял сознание.

* * *

— Осторожнее надо быть, — придя в себя, киммериец услышал голос Аделарда. Рядом с алхимиком стоял откровенно хихикавший Гвай. — Молодой человек, вы весьма неосторожно ухватились за браслет Перемены Пола! К сча-

стью, я вовремя вспомнил, куда засунул ключ от замочка, иначе всю оставшуюся жизнь некоему слишком любопытному Ночному Стражу пришлось бы охотиться на монстров исключительно в женском облике... Без ключа браслет снять невозможно, равно как расколоть или распилить.

Аделард покрутил на пальце злополучный артефакт и отнес его на место. Гвай протянул варвару руку, помогая подняться с пола. Фыркнул насмешливо:

— Проверь, все полагающееся у тебя на месте или нет?

— На месте, — с облегчением выдохнул Конан, проведя быструю ревизию. — Кошмар какой... В жизни бы не подумал, что такое может быть!

— Полезный артефакт. Для маскировки, — сказал Гвай. — А вообще, в том облике ты выглядел куда более привлекательно. Я бы даже сказал — аппетитно...

— Вот сейчас врежу по морде, мигом аппетит растеряешь! — огрызнулся киммериец. — Месьор Аделард, и много у тебя таких опасных штучек хранится?

— Предостаточно, — кивнул алхимик. — Четверть века коллекцию собираю. Исключительно мощные и редкие артефакты. С помощью некоторых я могу делать изумительные декокты — да вот, пожалуйста, взгляните! Эту

смесь я сварил несколько седмиц назад: Нектар Роста!

Аделард взял флакончик, наполненный бурой жидкостью, взял прозрачную банку, в которой сидел одинокий таракан и капнул на его из склянки. Спустя несколько мгновений таракан начал на глазах расти и вскоре стал размером с человеческую ладонь.

— Потрясающе, — согласился Гвай. — А почему нектара так мало?

— Я сварил не менее полного котелка декокта, — огорченно ответил алхимик, — но когда вернулся из поездки в Пайрогию, выяснил, что кто-то перевернул колбу — в ней осталось совсем чуть-чуть отвара. Мыши, наверное... Тот-Амон совсем обленился!

— Какой Тот-Амон? — насторожился Конан.

— Так кота зовут, — пояснил Аделард, указывая на жирного котищу, который вернулся на свое любимое кресло, после успешного бегства, вызванного магическим преображением варвара. — Зажрался, на мышей теперь и не смотрит...

— Один момент! — воскликнул Гвай. — У тебя здесь есть водятся мыши? И крысы?

— Так они, проклятые, везде водятся, — отмахнулся алхимик. — Разве это имеет отношение...

— Возможно, имеет, очень возможно, — у Гвайнарда загорелись глаза, и киммериец по-

нял, что предводитель ватаги почуял след. — Скажи почтенный, этот отвар как-нибудь влияет на мыслительные способности?

— Нет, не влияет — решительно покачал головой старик. — Видите таракана? Он остался всего лишь тараканом, пусть и здоровенным. То же самое с мышами или этими вашими таинственными крысам-воровками — крыса, выпив декокта, может вырасти до размеров коровы, но ума у нее отнюдь не прибавится.

— В твоём собрании артефактов отыщутся магические предметы, способные даровать носителю больший, нежели обычно, интеллект? — продолжал настаивать Гвай.

— Не помню... Честное слово, не помню. В коллекции около двухсот предметов, надо посмотреть каталог.

— Так посмотри!

— Если вы просите, пожалуйста, я немедленно сяду за изыскания. Только это займет определенное время. Мой каталог крайне подробен, — Аделард взгромоздил на стол толстенный фолиант, переплетенный в желтую кожу. — Описание каждого предмета, его свойства, сведения о том, кто изготавливал артефакт, список заклинаний...

— К вечеру успеешь? Кроме того, обязательно проверь, все ли вещи на месте! Вдруг что-нибудь пропало?

— Хорошо. Зайдите за два колокола до зака-

та. Но я уверен, вы заставляете меня выполнять совершенно бесполезную работу — никакая крыса, даже, так сказать, одаренная от природы, не может знать о свойствах моих артефактов, а уж тем более их использовать!

— Мы очень тебя просим, — решительно потребовал Гвайнард. — И обязательно заглянем ближе к вечеру!

* * *

Военный совет начался прямиком за обедом, каковой был приготовлен домоправительницей, госпожой Тюррой, матерью погибшего весной члена отряда по имени Торгейр. Гвай решил не бросать стариков — сиречь, Тюру и ее супруга — в одиночестве и, когда была приобретена усадьба, попросил пожилую чету переселиться в новый дом и присматривать за хозяйством, пока охотники находятся в частых отлучках.

Стол, как и всегда, был великолепен — Ночные Стражи никогда не экономили на двух вещах, на оружии и на хорошей еде. Тушеные овощи, кролик в подливе, икра, копченая рыба, грибная похлебка, перепела в тесте, свежий, еще горячий пшеничный хлеб. Сюда же можно добавить бутылки с самым лучшим вином, какое можно было купить в Райдоре или заказать у купцов, едущих за товарами в столицу королевства. Ну и, разумеется, множество местных

ягодных наливок и домашнее пиво. Пища простая, однако очень вкусная — Конан, много лет живший в Туране, приучил остальных Стражей и домоправительницу к употреблению туранских специй, стоивших в Бритунии баснословно дорого, но придававших пище неземной вкус.

— Все происходящее видится мне полнейшим абсурдом, — с истинно нордхеймской бесстрастностью говорила Асгерд, которая вместе с Эйнаром за половину дня успела обойти все рынки и большую часть таверн Райдора — главные источники слухов и сплетен. — Как мы раньше ничего не замечали! Крысы начали безобразничать примерно две седмицы назад, когда мы ездили на Лазурный кряж и в Исчезающую долину. Естественно, что после этого похода мы вернулись насмерть уставшие, несколько дней отсыпались-отмывались и ни на что, кроме самих себя внимания не обращали. А стоило бы!

— Подробности! — потребовал Гвай.

— Ты хотел узнать, появлялись ли в городе необычные существа во время нашего отсутствия? — спросил Эйнар. — Конечно, появлялись, однако это было связано именно с волшебством Исчезающей долины. Как только мы закончили это дело твари исчезли, да и тайная стража не сидела сложа руки — Атрог бросил все силы на истребление нечисти, благо серебра в Райдоре хватает. Но.. Что вы можете сказать о крысе

размером с откормленную кошку, с кольцом на хвосте?

— Кольцом? — переспросил Конан. — Каким именно кольцом?

— Это существо видели несколько раз в кварталах, стоящих у подножия замка, — ответила за Эйнара Асгерд. — Описания, полученные нами от разных людей, практически совпадают: огромная крыса черной масти с белой грудкой. На кончике хвоста — золотое кольцо без камней или жемчужин. Похоже, на брачное или обетное. Зверюга вела себя странно — забегала в человеческие дома, людей не боялась и на них не нападала, хотя даже самая обычная крыса может серьезно покусать, если загнать ее в угол. Замечу, что люди, видевшие это животное, часто путаются — одни говорят, что тварь была размером с кота, другие утверждают, будто крыса походила на крупную собаку. Торговец с Бычьего проезда вообще заявил, что монстр вымахал до размеров теленка, чему я не верю — настолько крупное животное не сможет спрятаться.

— Сможет. Очень даже сможет, — Гвай усмехнулся. — Райдор, как и большинство прочих поселений Полуночи, выстроен на месте древнего кхарийского города. Буквально на фундаментах кхарийцев. Ушедшая раса была искушена в строительстве подземных лабиринтов, стоков, дренажей. Насколько я знаю, самые

крупные кхарийские катакомбы находятся под аквилонской столицей. И у нас есть свои лабиринты — довольно протяженные, пускай заброшенные и забытые большинством людей. Кроме, разумеется, тайной службы Атрога — в пещерах под замком короны устроены склады на случай возможной осады. Большинство входов в подземелья завалены, но я уверен — существуют ходы, которые неизвестны никому, даже господину охранителю. Возможно, наша сверхкрыса скрывается именно там. Если, конечно, она не является плодом пьяной фантазии обывателей.

— Не является, — мрачно ответила Асгерд. — Мы нашли ее следы. Царапины от коготков... точнее, уже когтей. На воротах конюшни упомянутого купца, что живет на Бычьем проезде. Никогда не замечали, что передняя лапка крысы весьма напоминает человеческую ладонь? Так вот, отметины полностью соответствуют крысиной лапе, только увеличенной раз эдак в пятнадцать-двадцать. Засим: этот гигант явно пытался пообщаться с людьми.

— Каким же образом? — Конан так удивился, что забыл о своей кружке с пивом. — Тварь хотела поговорить с человеком?

— Ты догадлив, киммериец... Да, поговорить. Крыса пыталась издавать звуки человеческой речи — она приходила ко входу в дом, скреблась в дверь, а когда выходил хозяин, с огром-

ным трудом произносила несколько бессвязных, ничего не означающих слов. Люди, понятно, узрев эдакое чудо, хватались за топоры и рогадины, но крыса всегда убегала. Последнее ее появление состоялось шесть дней назад. С той поры зверя никто не видел.

— Разочаровалась в человечестве, — хохотнул Коноп. — И все-таки, что это может быть? Случай исключительный: я много путешествовал, видывал самые разные чудеса, как добрые, так и скверные, но это чудо кажется мне... забавным, что ли? Какая-то невероятная ошибка, странное стечение обстоятельств, позволившее крысе превратиться невесть во что!

— Ничего особо невероятного в этой истории нет, — спокойно ответил Гвайнард. — Используй логику: Аделард, уехавший по делам в Пайрогию, непредусмотрительно забывает на столе колбу с Нектаром Роста. Некая безмозглая крыса, забравшаяся в лабораторию алхимика, случайно переворачивает сосуд, капли Нектара попадают на ее шкуру. Крыса начинает быстро расти...

— Согласна, такое могло случиться. Но как объяснить ее попытки пообщаться с людьми, несвойственную крысам разговорчивость, кольцо на хвосте, о котором в один голос говорят все свидетели и нашествие обыкновенных маленьких крыс, таскающих сокровища из человеческих домов? Согласна, крыса-король может

неким волшебным образом обрести разум, но как другие крысы получили способности, обычным животным несвойственные? Что сие значит? Каковы причины и первоистoki данных чудес?

Асгерд подперла щеку кулаком и проникновенно взглянула на Гвайнарда. Предводитель отряда несколько смутился, стукнул кулаком по столу и, как обычно, вернул свое излюбленное словечко:

— Разберемся! Уверен, наш полоумный алхимик как-то причастен к этой истории! Пускай и невольно! Доедайте, и пойдем разберемся с оружием да сетями — похоже, вскоре нам придется охотиться на крысу-короля! Если таковая крыса все-таки существует, а жители Райдора, сговорившись подшутить над Ночной Стражей, не решили нас по-крупному разыграть...

* * *

Наносить визит к господину алхимику не пришлось — Аделард явился самолично, приехав к дому охотников на грустном ослике: он почему-то полагал, что магам не пристало ездить на лошадях. Мол, непредставительно.

— Нашел! — старик был взволнован. — Месьор Гвайнард, кажется, меня ограбили! Вот и доверяй теперь тайной страже Атрога, якобы оберегающего нашего великого герцога и его

домочадцев! Я давно говорил — этого прохвоста надо изгнать из Райдора, или, того лучше, торжественно повесить!

— Тише, почтенный. Успокойся, — Гвай усадил взбудораженного алхимика на стул и любезно поднес ему серебряный стаканчик с легким вином. — Итак, давай по порядку. Что ты нашел, кто тебя ограбил, что именно унесли воры?

— Я проверил по каталогу всю коллекцию, вот выписка... — Аделард, дрожащими руками развернул обширный пергаментный лист. — Двести тридцать восемь магических предметов, из них почти полторы сотни представляют исключительную ценность! Грабители позарились на так называемое «Кольцо Мудрости»! Митра Солнцезарный, я выложил за эту вещь две тысячи ауреев, покупал в самом Бельверусе, двенадцать лет назад!

— Выложил денежки, положим, не он, а светлейший герцог, не жалеющий денег на развлечения своего алхимика, — шепнул киммериец Эйнару.

Аделард продолжал причитать:

— Я и забыл про это кольцо — занялся другими делами и забыл! Рассчитывал его использовать для... для... в общем, для себя, хотя я и так достаточно многоучен, меня приглашали даже в Тарантию и Хоршемиш, читать лекции по магии...

— Каковы свойства кольца? — деловито осведомился Гвай и выразительно глянул на соратников. Похоже, что данный артефакт и впрямь настоятельно требовался Аделарду: как же можно забывать о подобных вещах на целых двенадцать лет?

— Все сказано в названии — «Кольцо Мудрости», — выдохнул старикашка. — Изготовлено, судя по каталогу, в первые годы после падения Ахерона самым святым Эпимитриусом или его учениками. Дарует мысленное просветление, повышает способности, вызывает прилив умственных сил... И так далее.

«Подделка, — незамедлительно решил Конан. — Жалкие две тысячи ауреев за артефакт с такими свойствами, да еще побывавший в руках Эпимитриуса? Расскажите эту сказку вашей бабушке! Не исключено, что колечко действительно обладает некоей волшебной силой, но хоть кол мне на голове теши — я уверен, что его настоящие свойства совершенно другие! Хитрый торговец надул алхимика не хуже любого шадизарского жулика!»

Похоже, Гвайнарда и остальных тоже посетили аналогичные мысли, поскольку на губах охотников появились снисходительно-понимающие ухмылки. Однако, если допустить, что злополучная крыса ухитрилась надеть кольцо на свой хвост, то все равно остается вопрос: как магия артефакта подействовала на животное?

— Все остальные вещи на месте, я проверил, — вздыхал Аделард. — Кольцо находилось на третьей полке, слева, между чудотворным зубом Брендана Мудрого, сподвижника Эпимитриуса, и амулетом, защищающим от поражения лучными и арбалетными стрелами. Вот, я их принес на всякий случай — посмотрите!

Аделард выудил из кошелья огромный коренной зуб, вставленный в золотую оправу на цепочке и невзрачный амулет-медальон, коим немедленно заинтересовался Конан. Когда оберег оказался в руках варвара, то он едва не взвыл от удовольствия: такие, с позволения сказать, артефакты, были ему насквозь знакомы.

— Значит, защищает от стрел? — фыркнул варвар, взял кинжал, отогнул плохо запаянную крышечку дешевенького медальона, вынул оттуда клочок пергамента с «заклинанием» и протянул его алхимику. — Почтенный, что там написано?

Старик взгляделся и ошарашено прочел вслух:

— «Сиди в обозе, и не лезь под стрелы врага»... Но... Что это такое?

— Вполне действенное заклинание, — не без издевки ответил варвар. — Так сказать, боевая магия. Сколько ты отдал за это сокровище? Пятьдесят шеллинов? Мои поздравления. Подобные обереги продают в Шадизаре на каждом углу, и я только диву даюсь, почему некоторые люди их доселе покупают...

— А зуб Брендана Мудрого? — упавшим голосом спросил алхимик. — Он что, тоже не настоящий?

— Зуб-то настоящий, однако я не уверен, что он принадлежал именно Брендану, — добил Аделарда командир ватаги. — Вернемся, впрочем, к исчезнувшему колечку. Ты не можешь вспомнить, когда именно оно пропало?

— Не знаю! — плаксиво выкрикнул расстроенный алхимик. — Я про него давным-давно забыл, память-то не такая, что в молодые годы! Впрочем, вернувшись из Пайрогии, я обнаружил в доме беспорядок, предметы на полках кто-то двигал, были перевернуты сосуды с деконтами... Я же рассказывал!

— Кажется, картина предельно ясна, — развел руками Гвай. — Любопытная крыса в поисках съестного забралась в лабораторию досточтимейшего месьора Аделарда. Она задевает колбу с Нектаром Роста, потом, скорее всего от испуга, перепрыгивает на полку с артефактами. Ее хвост по чистой случайности задевает кольцо... Не забудем, что под действием зелья крыса продолжает очень быстро расти. Хвост крысы за несколько мгновений достигает такой толщины, что колечко уже не может с него соскользнуть. Засим бедная зверюшка, не понимающая, в какую переделку попала, сбегает из лаборатории, и вскоре начинаются чудеса... Логично?

— Логично, — одобрил выкладки Гвайнарда киммериец. — И что теперь?

— Теперь месьор Аделард вернется домой и попросит дворцового плотника заделать все щели в полу и поставит в своих апартаментах мышеловки, — с ядовитой улыбочкой сказал Гвай. — А заодно будет тщательнее присматривать за своей коллекцией редкостей и сосудами с отравой. Кстати, господин алхимик, у тебя случайно нет черепа святого Эпимитриуса в возрасте пяти лет? Можем достать. По знакомству. И запомним недорого...

Аделард угрюмо отмолчался. Вся его репутация шла прахом.

— Собирайтесь, — приказал Гвайнард. — Отправляемся в замок. Скорее всего, наша чудо-крыса обитает в катакомбах под скалой.

— Вечер уже, — заикнулся Эйнар. — Может, устроим охоту завтра?

— По-моему, в подземельях всегда темно, что ночью, что днем. Асгерд, не забудь прихватить лампы. А ты, Конан заberi в сарае бутылки с ядом — боюсь, грядущей ночью нам придется травить целый крысиный легион...

* * *

— Я этого мерзавца Аделарда со свету сживу! — кровожадно заявил месьор Атрог. — Если выяснится, что он виновен в этой наиглупей-

шей истории, алхимик обыкновенной ссылкой не отделается, а закончит свои дни на серебряных рудниках.

— По-моему, его лучше оставить в покое, — спокойно ответил Гвай. — Аделард всего лишь безобидный сумасшедший, причем не без определенных способностей. Его декокты действуют, мы в этом убедились.

— Да, но кому они нужны? — поднял брови господин управитель. — Зачем герцогу или его добрым подданным Нектар Роста? Выводить гигантских коров? Свиной, размером с дом? Природа не терпит над собой подобных надругательств — вы это знаете лучше, чем я... Ладно, на время забудем про Аделарда. Что вы еще узнали? Как долго действует Нектар?

— Алхимик сообщил, что любое живое существо, выпившее декокт или коснувшееся этой жидкости, продолжает расти до поры, пока магия «не выветрится» окончательно. Срок действия нектара, как впрочем любого волшебного зелья или заклинания, строго ограничен. Вероятнее всего, к началу осени крыса перестанет расти.

Атрог уставился на Гвайнарда широко раскрытыми глазами.

— Боги... — простонал начальник тайной стражи. — Вы хоть понимаете, чем это может грозить? Крыса-титан, наделенная некими магическими способностями и скрывающаяся пря-

миком под нашими ногами, в подземельях замка! Не вижу здесь ничего смешного, месьор Конан! Такой монстр может быть крайне опасен! Если за седмицу-другую тварь вымахала до размеров крупной собаки или теленка, то за оставшееся до наступления осени время она уподобится нордхеймскому мамонту и разнесет столицу герцогства по камушку! Вы должны ее убить! Немедленно!

— Именно этим и именно немедленно мы собираемся заняться, — сказал Гвай. — Нам нужны планы всех известных тайной службе катакомб. И, конечно, дренажных тоннелей, проведенных под Райдором. Еще я хочу знать, есть ли в подвалах замка не засыпанные входы в старые кхарийские подземелья.

Атрог молча поднялся из-за стола, подошел к стойке, на которой в идеальном порядке хранились медные тубусы с документами, безошибочно нашел требуемый и выдал его командиру отряда охотников.

— Древние катакомбы почти не исследованы, — проговорил Атрог. — Люди опасаются туда соваться. Сами понимаете, в подземельях может скрываться опасная нечисть, чудовища, никогда которые не вылезают на поверхность. Однако, за годы службы герцогу я не помню ни одного случая, чтобы из катакомб появлялись некие жуткие твари, мне бы обязательно доложили... В тубусе вы найдете карты обследо-

ванной части тоннелей. Там же есть план дренажных стоков, проложенных во времена правления отца нынешнего герцога. Если вы готовы приступить прямо сейчас, я лично провожу вас ко входу в подземелья. Больше, увы, никакой помощи оказать не смогу. Или, может быть, приказать отряду стражи вас сопровождать?

— Мы сами себе стража, — отказался Гвай. — Если уж вчетвером умудрились выбраться из Исчезающей Долины, то говорить о каких-то катакомбах просто смешно, ваша милость... Идем.

* * *

Похоже, обитатели замка никогда всерьез не опасались нашествия нечистой силы из глубин — дверь, ведущая из подвала крепости в старинные тоннели, даже не была обита серебром. Обычный деревянный притвор, засов да ржавый замок, с трудом поддавшийся не менее ржавому ключу.

— На всякий случай я поставлю здесь гвардейский караул во главе с самым опытным десятником, — говорил месьор Атрог, пока охотники ремешками закрепляли на груди особые фонарики, которые, благодаря хитрому расположению зеркалец и особой стеклянной линзе многократно усиливали свет фитиля. — Вас будут ждать три дня. Если не появитесь, мне придется отдать распоряжение о поисках... Но

мне очень не хотелось бы отдавать подобный приказ.

— Чепуха, ваша милость, — легкомысленно отозвался Гвай. — Снаружи уже стемнело? Отлично. Пускай к рассвету на дворцовой кухне приготовят для нас горячий завтрак. Не исключено, что мы вернемся гораздо раньше.

— Поражаюсь вашей самоуверенности, — покачал головой охранитель герцогского спокойствия. — Ночная Стража хоть чего-нибудь боится?

— Никогда не надо ничего бояться, — наставительно ответил Гвайнард, забрасывая на плечо походный мешок со снаряжением. — Опасаться — да, но бояться? Самое бессмысленное и опасное чувство, лишаящее человека рассудка. Не беспокойтесь, ваша милость, благодаря опыту и знаниям нам не страшны никакие крысы, будь они большими или маленькими. Не забудьте распорядиться насчет завтрака...

Ничего особенного подземелья из себя не представляли. Наклонный тоннель был вырублен в скале не менее тысячи лет назад. Ступеньки однако не истерлись, камень под ногами не крошился, было тепло и сухо. Под потолком замечались серые космы паутины.

Когда отряд вышел на развилку и Гвай остановился свериться с планом известных людям коридоров, прямо из воздуха вынырнул пятый, и последний Ночной Страж.

Формально, поздний визитер в ватагу не входил и на жаловании не числился, а считался (так он сам себя называл) «консультантом по вопросам магии».

— Добрый вечер, — вежливо сказала появившееся из ничего человекоподобное существо, облаченное в черную хламиду с капюшоном, из-под которого виднелись два сверкающих желтых глаза без зрачков. — Дорогие друзья, я могу осведомиться, что вы делаете в этом склепе? Никак не ожидал найти вас именно здесь, в подземельях!

Рэльтонн, самопровозглашенный эрл замка Рудна, упырь, вампир и каттакан, владелец чудовищного набора острейших белоснежных зубов, обладатель лысого черепа, острых ушей и язвительного характера, появился как нельзя кстати.

Это удивительное существо, по большому счету являвшееся самым натуральным вампиром из страшных легенд, давным-давно помогало отряду Гвайнарда в тягостном ремесле охоты на настоящих монстров. Как утверждал сам Рэльтонн — он делал это от скуки, однако Гвай крепко подозревал, что упырю сие занятие чрезвычайно нравится.

Одна незадача: как всякий порядочный вампир, Рэльтонн мог действовать только в ночное время, а днем отсыпался в подвалах своего замка, расположенного в нескольких лигах к полу-

ночному восходу от Райдора. Впрочем, сей недостаток компенсировался способностью рудненского упыря моментально перемещаться на любые расстояния в пределах Хайбории, врожденными магическими умениями и острым логическим умом.

Когда и при каких обстоятельствах Гвай познакомился с упырем, Конану было неизвестно, однако помощь Рэльгонна в весьма затруднительных ситуациях, коими была богата жизнь Ночных Стражей, всегда оказывалась неоценимой.

И потом, киммериец отлично знал, что упырь является таким же живым существом, как и человек (в противовес кошмарным сказкам о живых мертвецах, сосущих кровь у людей), и прибыл из другой Сферы в Универсум Хайбории много столетий назад через портал Врат Миров, который затем внезапно захлопнулся, лишив Рэльгонна и нескольких его сородичей возможности вернуться домой.

— Крысы? — упырь поразился быстрому рассказу Гвая и Эйнара не меньше, чем сами охотники, минувшим утром услышавшие эту историю из уст месьора Атрога. — Смеху подобно! Да, наворотил дел этот полоумный алхимик! Какое нелепое стечение обстоятельств! Одного не пойму — к чему крысам сокровища?

— Знаешь, мы задаемся этим вопросом начиная с прошлого рассвета, — сказал Конан. —

И если ты поможешь нам отыскать логово самой главной твари, которая, несомненно, стала причиной крысиных бесчинств в Райдоре, то весьма этим нас обяжешь.

— Нет ничего проще, — зубасто улыбнулся Рэльгонн. — Вы предполагаете, что волшебная крыса спряталась в этих подземельях? Отлично! Можете пока расположиться на отдых...

— Но мы совсем не устали, — заикнулся Гвай, — и пока даже не приступали к поискам!

— Я же сказал — сидите здесь, никуда не уходите, — поморщился упырь. — Я найду укрытие вашего необычайного монстра за один-два квадранса!

Вампир, большой любитель эффектов, картинно запахнул в плащ и мгновенно исчез в белесой вспышке.

— А что остается делать? — пожал плечами Гвайнард. — Он опять сделает за нас половину работы! Одно хорошо, нам не надо бесцельно блуждать по подземельям! Конан, ты взял флягу с вином?..

* * *

— Это исключено! Этого просто не может быть! Понимаете, такого просто не бывает ни в вашем мире, ни в моем! Бред! Наваждение!

— Рэльгонн, пожалуйста, успокойся! Объясни, в чем дело?

— В чем? Да ни одно животное не способно на такое! Идемте, это совсем недалеко! Четверть лиги, не больше! Особо чувствительных обморочных плакс, наподобие Эйнара, попрошу остаться на месте!

Эйнар немедленно обиделся и надул щеки. Броллайхэн был слаб на желудок, отчего постоянно подвергался насмешкам со стороны упыря, которого ничто не могло вывести из равновесия. Почти ничто...

Сейчас Рэльгонн был взбужоражен не на шутку — что же такого необычного он увидел в подземельях?

— Уверяю вас, месьоры и прекрасная дама, это не опасно, — говорил упырь, размашисто шагая по тоннелю впереди отряда. — Я нашел логовище крысы-короля довольно быстро — мне удалось проследить, куда сбегаются обычные, маленькие зверьки. Но описать это я не могу... Слов не хватает!

— Удивительно дело, их вампирской милости впервые не нашлось, что сказать, — поддел Рэльгонна Эйнар.

— В отличие от вашего безмозглого племени, каттаканы предпочитают не мести языком, будто поганой метлой, а думать, — огрызнулся упырь. — Вот я и думаю, на каком, интересно, основании, обычнейшее животное начинает вести философские беседы со своими сородичами? Вот вы, господа охотники, часто задумываетесь

о высоких материях? О мироздании, божественной воле?

— Конан если о чем и задумывается, так лишь о девицах из веселого дома госпожи Альдерры, что на Лисьей улице, — фыркнула Асгерд. — Я уж не говорю про Эйнара, у которого вместо мозгов кисель... Рэльгонн, я тебя правильно поняла? Чудо-крыса на самом деле умеет говорить?

— Умеет, — подтвердил упырь. — Да так, что заслушаешься! Сами увидите. Очень вас прошу, когда мы придем в ее логово, не хватайтесь за оружие. Убить это существо вы всегда успеете, а вот повторно насладиться подобным зрелищем, боюсь, никогда более не получится. Такие чудеса случаются раз в тысячу лет!

— Ты меня заинтриговал, — усмехнулся Гвай. — Неужто магия месьора Аделарда превратила несчастную зверюшку в существо, способное удивить многоопытных Ночных Стражей?

— Скоро сами все увидите, — повторил Рэльгонн. — Какая досада, что у меня нет возможности вернуться в Сферу, где я родился! У нас давно научились делать особые механизмы, способные «запоминать» события, а потом заново показывать их интересующимся! Окажись в наших руках подобная машинка... Тихо! Что это такое?

Из темноты коридора донеслись непонятные шлепки — будто бы огромная лягушка прыгала. Гвай, на всякий случай положив ладонь на рукоять клинка, медленно вышел вперед. Узкий луч его фонаря зашарил по камням и наконец выхватил из тьмы силуэт донельзя странного существа.

Оно напоминало очень невысокого сгорбленного и крайне истощавшего человека, одежды не носило, обладало большой лысой головой с зеленоватыми глазищами навывкате, широкими плоскими ступнями (именно они и шлепали по каменным плитам пола) и несуразно длинными руками. В черном провале рта виднелись шесть сточенных желтых зубов.

— По-моему, это какая-то незнакомая мне разновидность кобольда, — сказал Рэльгонн, пристально осмотрев тварь, замершую в пяти шагах от охотников. — Он не опасен, разве может такой малыш причинить вред четверым хорошо вооруженным людям и пожилому, но не растерявшему хватку, вампиру?

— Стой! — рявкнул Гвайнард, попытавшись схватить упыря за плащ, однако Рэльгонн шагнул к непонятному существу, явно желая отогнать скользкое чудо. — Стой! Не трогай его! Это дошплегангер!

— Кто-кто? — обернулся Рэльгонн. В этот момент тварюшка резко вытянула руку, коснулась хламида упыря а затем...

Тело существа начало быстро изменяться — спина выпрямилась, кожа начала менять цвет с серовато-болотного на белый, появились длинные острые уши, глаза стали пронзительно-желтыми. Откуда-то появилась черная одежда с плащом и капюшоном.

Спустя несколько мгновений перед застывшими охотниками стояли два совершенно одинаковых упыря. Не отличишь.

Гвай сорвал с пояса метательную звездочку и одним движением кисти запустил в новоявленного каттакана, однако тот повторил обычный фокус Рэльгонна — моментально растворился в воздухе. Шурикен высек искорку из гранита и со звоном покатился в темноту.

— Это катастрофа! — Гвайнард схватился за голову. — Рэльгонн, я тебя сейчас своими руками придушу! Ты, старый мерзавец, понимаешь, что натворил?

— Не понимаю, — прохладно ответил упырь, который терпеть не мог грубого обхождения. — Я видел только, что это существо превратилось в меня, а потом исчезло.

— Митра Лучезарный! Дошплегангер, конечно, чудовищем в строгом смысле этого слова считаться не может, однако он является самым великолепным имитатором из всех магических существ обитающих в нашем мире! Коснувшись любого живого существа, эта тварь перенимает не только его облик, но и умения! Словом, он

получил весь твой опыт и все твои знания! Ясно? Руку на отсечение даю — нас ждут веселенькие дни!

— Ты хочешь сказать, что этот... допплегангер может использовать мое обличье и знания во вред другим? — растерянно проговорил упырь.

— Любовью к человечеству имитаторы не отличаются, — с крайне недовольным видом сказал Гвай. — Обычно допплегангеры живут в подземельях и горных пещерах, их истинный облик ты видел — ничего привлекательного. А получив чужое обличье, они вылезают из своих укрытий и начинают безобразничать. Подозреваю, что вскоре мы узнаем о налетах страшного упыря на беззащитный Райдор. Обыватели, конечно, бросятся к Ночным Стражам, за защитой. И нам придется охотиться на тебя, Рэльтонн. То есть на существо, полностью на тебя похожее, как внешне, так и по образу мыслей. Лучше бы он в Эйнара превратился. Или в Конана! Эти двое, по крайней мере, предсказуемы...

— Мы его обязательно поймаем, — отмахнулся упырь. — Знаете почему? Если допплегангер обрел мои способности, он не сможет появляться днем — солнце обожжет его кожу. А ночью... Я позову на помощь всех моих родственников, и мы его незамедлительно обезвредим...

— Сомневаюсь, что сделать это будет настолько просто, — сказал Гвай. — Рэльтонн, умоляю — впредь, увидев что-нибудь непонятное, дай мне знать и не трогай это руками! Да, я знаю, что убить или покалечить тебя почти невозможно, но в этом мире существуют монстры, значительно превосходящие тебя по силе и способностям. И я не хочу, чтобы однажды ты попал на ужин к такому чудовищу.

— Отравится, — Рэльтонн вновь обрел самоуверенно-беззаботный вид. — Давайте на время забудем про допплегангера и займемся самым неотложным делом. Так, кажется, сейчас надо пойти в правый коридор и на третьей развилке повернуть налево. Это совсем недалеко. Идем!

* * *

Крысы появились неожиданно. Серые, черные и бурые зверьки бежали вдоль стен тоннеля, совершенно не обращая внимания на людей. Конан углядел крысу, тащившую небольшое ожерелье речного жемчуга — взяла зубами за ниточку и волочет себе неизвестно куда и неизвестно зачем... Другая катила передними лапками поставленную на ребро монету. Сразу шестеро крыс с трудом толкали перед собой массивную брошь литого золота с аметистами. И что на них нашло?

— Ни дать, ни взять — крысиный Шадизар,

— сказал киммериец. — Воображаю, сколько этого добра они могли накопить за несколько дней!

— Есть подозрение, что довольно много, — Эйнар мечтательно зажмурился. — Гвай, надеюсь, нам можно будет взять немножко? В качестве вознаграждения? Я вовсе не хочу быть бескорыстным героем, выходящим на бой с крысиным королем совершенно безвозмездно! В конце концов, герою, сразившему дракона, всегда достаются сокровища, спрятанные в пещере зловредного ящера!

— Помолчи, герой, — шикнул упырь. — Пришли. За следующим поворотом — сравнительно большой зал, в котором и обитает искомая чудо крыса. И попрошу без обмороков... Очень надеюсь, что сонмище крыс, собравшееся в зале, не набросится на нас по приказу своего повелителя. Но если такое случится, то сразу хватайтесь за мои руки, и я прыгну через Ничто.

Конан поморщился. Ему уже доводилось однажды прыгать через Ничто вместе с Рэльгонном — вампир умел переносить сквозь пустоту и человека. Это, пускай и мгновенное, путешествие варвару не понравилось — было страшно. Однако перспектива оказаться заеденным крысами насмерть казалась куда более неприятной.

Первым пошел, как обычно, Гвайнард. Осто-

рожно выглянул за угол, да так и остался стоять будто замороженный.

— Что там? — шепнул Конан, подтолкнув Гвая кулаком и, не получив ответа, сам сделал шаг в округлую залу, неожиданно оказавшуюся залитой слабым голубоватым мерцанием — светилась плесень, покрывавшая стены и потолок.

— Ни-че-го себе! — по слогам выговорил Эйнар, благоразумно скрывавшийся за плечом киммерийца. — Рэльгонн, теперь я понимаю, отчего у тебя не нашлось слов для описания этого... этого... не знаю, как сказать.

В общем-то, ничего особенно страшного здесь не было. Охотники знали, что наверняка увидят довольно крупную крысу, в окружении тысяч сородичей и некоторого количества сокровищ, украденных грызунами у людей.

Чудо-крыса оказалась размером с доброго быка — здоровенная черная тварюга с белой грудью, пышными усами, розовым носом и хвостом, толщиной с бревно. Монстр попирал седалищем огромную грудку золотых и серебряных монет, перемешанных с разнообразными украшениями и безделушками: подданные его хвостатого величества как видно, разграбили едва ли не половину всех денежных запасов Райдора.

Обычные крысы, прибежавшие из боковых коридоров и притаскивавшие новую добычу, аккуратно складывали монеты и драгоценности

к основанию золотого трона чудища, а затем, все как одна, выполняли странный ритуал — подбегали к острому хвосту гиганта, касались передними лапками украшавшего самый его кончик золотого колечка, а затем чинно, ровными рядами, усаживались вокруг кучи сокровищ.

Сколько тут собралось крыс не смог бы сказать даже искушенный в науке исчисления Рэльгонн. В любом случае, не меньше нескольких десятков тысяч. Весь пол зала был покрыт серо-бурым шевелящимся ковром.

Появление людей у крыс не вызвало никакого интереса. — зверьки, неотрывно взирали на повелителя, а сама чудо-крыса (не без некоторой величественности) размеренно глаголила вполне ясным человеческим голосом, обращаясь к своей хвостатой пастве:

— Приуготовьтесь же, о возлюбленные чада мои, услышать повесть о делах величайших и дивных, что свершались в глубокой древности, когда под солнцем и в пещерах не было ни нашего великого и многочисленного народа, ни человека, ни иных существ, наделенных богами истинным разумом и сознанием... В те времена мир еще не одряхлел, землю не перевернули с ног на голову и слепцы не вели слепцов, приводя их к краю бездны, небесные светила пылали ярче, вода была прозрачнее, воздух пьянил, а не дышал смрадом разложения и все обитав-

шие в сем Универсуме существа были счастливы и благополучны...

— Ушам своим не верю, — прохрипел Гвай. — Что это за проповедь?

— Вот пойди туда и узнай, — Конан был ошеломлен настолько, что начал лихорадочно припоминать, не было ли вино, употребленное за обедом, отравлено желтым лотосом, вызывающим необычайные видения. — Складно болтает, ничего не скажу. Может быть, представимся? Скажем, что мы тоже хотим причаститься сокровенных тайн мироздания...

— Не советую. Съедят, — буркнула Асгерд. — Уверена: в этом бедламе повинно кольцо алхимика. Видели, все крысы к нему прикасаются, а значит получают частичку магии. Отрубим этому громадному уроду кончик хвоста, и дело с концом!

— Дорогая моя, нельзя быть такой кровожадной! — Рэльгонн всплеснул руками. — Перед нами удивительно чудо, крыса-философ! Послушайте ее речи, достойные самого просвещенного ученого мужа!

— Крысы должны не философствовать, а таскать зерно из амбаров, — шикнул Гвай и тотчас замолчал, поскольку хвостатый титан зашевелился и начал разгребать передней лапой свое драгоценное ложе, попутно продолжая просвещать своих сородичей:

— Взгляните, о чада, на благороднейший ка-

мень аквамарин, сосредотачивающий мудрость в своих непорочнейших переливах, узрите сияние хрусталя, что отображает чистоту телесную и душевную, янтарь, символизирующий умеренность... Все эти камни вы принесли мне, дабы возрадовалось мое сердце, и мы увидели бы в полыхании сокровищ отблеск всех тех ценностей, что были внесены в Универсум при его сотворении, и чей бесценный блеск родился того же огня...

— Я больше не могу это выслушивать! — взмолился Эйнар. — Ум за разум заходит! Гвай, решай, что будем делать?! Нельзя же оставить все так, как есть! Эта образина, оказывается, коллекционирует сокровища, дабы наслаждаться их красотой и втолковывать своим верно-подданным философические мысли о языке камней и металлов!

— Признаться, убить это существо у меня рука не поднимется, — медленно сказал Гвай. — Оно разумно. И, насколько я понимаю, безобидно!

— Ничего себе — «безобидно», — немедленно возразил Конан. — От крысиных набегов страдает далеко не маленький город, у людей воруют честно заработанные денежки! И зачем? Чтобы мышшь-переросток удовлетворяла непонятно откуда появившуюся страсть к любованию драгоценностями?

Чудо-крыса тем временем пустилась в мис-

тические умствования о символах любви, кротости и благородства, заключенных в аметисте, ясписе и берилле. Что характерно, все эти камни также оказались в крысиной сокровищнице...

— Позвольте мне принять за вас решение, — шепнул Рэльгонн. — Убивать это существо было бы подло, но и терпеть его дальнейшее существование — невозможно. Какой выход? Верно, лишить крысиного короля магического артефакта, который, скорее всего, и породил к жизни эту немыслимую форму бытия. Отберем кольцо и бежим отсюда! Без колечка крыса быстро растеряет всю свою разумность, а когда закончится срок действия Нектара Роста, примет свой обычный вид. Наконец, можно попросить месьора Аделарда сварить декокт с прямо противоположным действием, засим я проберусь в подземелье и вылью его на шкуру этого хвостатого мудреца. Все останутся довольны, и никто не пострадает.

— Уговорил, — кивнул Гвай. — Но как снять кольцо с кончика его хвоста? Добровольно он колечко не отдаст.

— Идите обратно, в герцогский замок, — упырь, прищурившись, заново оглядел крысу, в полном самоуспоении болтавшую о многослойности языка драгоценностей, каковые отражают не одну, а несколько истин. — Я перемещусь напрямик туда вместе с кольцом. Просто

я побаиваюсь, что крысы ринутся за вами в погоню...

— Смотри, осторожнее...

— А когда я не был осторожен?

— Полтора квадранса назад, — язвительно сказал Гвай. — Когда позволил доплегангеру превратиться в каттакана. Очень надеюсь, что эта тварь не подняла на уши весь замок его светлости. Он ведь теперь стал вампиром...

— Главное, при встрече не перепутайте меня с этим существом, — обеспокоено заметил Рэльгонн. — Не хочется получить мечом по голове!

— Если предъявишь кольцо, мы будем знать, что это ты, и никто иной! Мы уходим. Очень надеюсь получить артефакт как можно быстрее! Иначе, все сокровища Райдора перейдут во владения этого мудрствующего урода!

* * *

Четверо охотников, месьор Атрог и Рэльгонн, рассевшись вокруг стола в кабинете господина охранителя короны, безмятежно потягивали вино и беседовали. На донжоне Райдорского замка как раз звонили полночь.

— Нет никаких сомнений, данное кольцо в древности принадлежало довольно сильному и знающему магу, наверняка кхарийцу, — вещал упырь, вертя в пальцах злополучный артефакт. — Только подданные империи Ахерона умели

вкладывать в магические кольца частицу своей души, своего сознания. Ныне это искусство навсегда утеряно.

— Следовательно, ваша гигантская крыса получила через посредство магии кольца разум его создателя? — уточнил Атрог, ничуть не удивленный появлением в своих покоях жутковато выглядящего вампира. Его милость давным-давно знал, что отряду Гвайнарда помогает каттакан.

— Да. Говорила не крыса, это был голос кольца, получившего определенную власть над крысиным племенем. Месьор Гвайнард был безупречно прав, догадавшись, что начавшиеся полторы седмицы назад чудеса стали следствием невероятного стечения обстоятельств. Сначала декокт месьора Аделарда, потом кольцо... Вот и получился крысиный король. Прочие крысы получали частицу разума кольца, слегка дотрагиваясь до него, а сам артефакт начал копить сокровища. Как видно, маг, создавший колечко, был не только философом, но и сребролюбом. Иначе откуда такая страсть к драгоценностям? Когда я сдернул кольцо с хвоста крысы и прыгнул через Ничто в замок, я попытался проверить действие этой волшебной вещи. Стоило надеть ее на палец, в моей голове зазвучал голос кольца, появились мысли, мне не принадлежащие... Аделард, по незнанию, купил слишком опасную вещь!

— Могу лишь подтвердить слова уважаемого месьора Рэльгонна, — согласился Гвай. — Если бы алхимик использовал кольцо, то однажды его сознание полностью заменилось бы сознанием древнего колдуна. Это своеобразная форма бессмертия — вложить частицу души в артефакт и сделать так, чтобы он медленно убивал разум своего носителя, заменяя его мыслями создателя. К счастью, у Аделарда хватило ума не пользоваться кольцом, иначе последствия могли быть непредсказуемы — откуда мы знаем, каков был тот неизвестный кхариец, и каковы были его намерения?.. Подданные Ахерона отнюдь не являлись добрым народом.

— Хм, по крайней мере магия кхарийцев волей нелепого случая обратилась в шутку... Когда крысы разбегутся из подземелья, я пошлю людей в ту пещеру, чтобы они забрали похищенные сокровища, — сказал Атрог. — Так или иначе, я вам благодарен — Ночная Стража вновь оправдала свою репутацию. Вы распутали это наиглупейшее дело меньше, чем за сутки... Боги, что там еще стряслось?

В дверь кабинета неистово молотили кулаком. Створки распахнулись, и в комнату ворвался взмыленный десятник стражи.

— Чудовища, ваша милость! — проорал он срывающимся голосом. Рэльгонн немедленно прикрыл лицо капюшоном — про его присутствие в замке посторонние знать не должны.

— Какие чудовища, где? — подался вперед Атрог.

— На главном дворе! Одно сходно видом с тараканом, только огромным, не меньше теленка!

Конан и Гвай обменялись насмешливо-понимающими взглядами. Месьор Аделард, утром продемонстрировав действие своего зелья на невинной букашке, наверняка сразу же позабыл о ней. Нектар Роста продолжал действовать, таракан выбрался из склянки на свободу и теперь пугает непривычную к таким чудесам стражу...

— А другое? — торопил десятника Атрог. — Ты же сказал, что чудовище не одно!

— Огромнейшая летучая мышь с человеческой головой! — выдохнул гвардеец. — Самый настоящий упырь! Летает над замком!

— Вот это уже серьезно, — пробормотал Гвай. — Допплегангер в облике каттакана! Эй, разгильдяи, хватайте оружие, и пошли на двор! Конан, прихвати арбалет, Асгерд доставай сеть из мешка...

— Я, с вашего позволения, пойду? — Рэльгонн поднялся со стула. — Мне будет проще помочь вам в ином облике.

— Нет! — рявкнул Гвай. — Отправляйся в Рудну и до следующей ночи носа оттуда не высовывай! Сами справимся!..

* * *

Рэальгонн, как и следовало ожидать, возвращаться домой категорически отказался — раз уж доплегангер по неосторожности упыря обрел выдающиеся упыринные способности, то и охоту на имитатора надо устраивать вместе!

С тараканом-гигантом разобрались быстро — зверюга накручивала по двору замка неосмысленные круги, тщетно пытаясь отыскать подходящую щель и спрятаться от людей, которые, однако, были напуганы явлением здорового насекомого ничуть не меньше самого таракана, который совершенно не мог понять, отчего все предметы в окружающем его мире внезапно выросли во много раз, и почему он никак не может залезть в укромный уголок и укрыться там от орущих и швыряющихся факелами людей...

Таракану-переростку вполне хватило одного удара клинком — Гвай попросту отсек ему голову, чем незамедлительно вызвал изумленно-одобряющие охи-ахи со стороны стражи. Теперь следовало заняться доплегангером, который был где-то неподалеку.

Десятник гвардии уверял, что самолично, своими собственными глазами, видел летучую чуду, парившую над замком на широких нетопыриных крыльях, причем у нее и на самом деле имелась почти человеческая голова с горя-

щими расплавленным золотом огромными глазами.

Рэальгонн только губы поджимал, понимая, что произошло: каттаканы, как известно всем и каждому, кроме обычных магических способностей владеют возможностью изменять форму тела, сиречь на некоторое время превращаться в полное подобие крайне неприятной с виду летучей мыши.

— Его нигде нет, — сказал Конан, оглядев звездные небеса в поисках крупного летучего силуэта. Мерцали далекие созвездия, плыл по черно-синему океану Верхней Сферы тонкий, едва народившийся месяц, изредка вспыхивали черточки падающих звезд, однако небо оставалось девственно чистым — никаких летающих тварей в ближайшей округе не наблюдалось. — Полагаю, наш имитатор просто решил испытать все воплощения каттаканов и узнать, какие возможности предоставляет ему новое тело.

— Очень надеюсь, что доплегангер вместе со знаниями Рэальгонна унаследовал от него еще и отвращение к человеческой крови, — хмуро проворчал Гвай. — Воображаю, какой крик поднимется утром, если выяснится, что тварь пробралась в спальню герцогской дочери или выпотрошила нескольких припозднившихся жителей Райдора, которые возвращались из таверны за полночь... Рэальгонн, ответь, что имен-

но ты стал бы делать, не окажись у тебя нынешней ночью неотложных дел? Как обычно развлекаются вампиры? Не верю, что представители племени каттаканов хотят по дешевым кабакам или домам свиданий, поскольку к первому вы относитесь презрительно, а на второе попросту не способны...

Упырь скривился — да, действительно, каттаканы размножались совершенно иным способом, нежели люди, но зачем трепать об этой особенности упырей на каждом углу, а особенно в присутствии посторонних, например, месьора Атрога? Последний тоже выбежал на двор вместе с охотниками, желая взглянуть на невиданного монстра.

— Рэльгонн, я кажется задал вопрос, — Гвай слегка подтолкнул молчаливого упыря. — Я и впрямь раньше никогда не интересовался личной жизнью каттаканов, но теперь мне необходимо знать, как ты со своими родственниками проводишь свободное время. Возможно, это наведет на след дошплегангера, который сейчас полностью тебя имитирует, что по внешности, что по привычкам. Итак?

— Гхм... Видите ли... — упырь смущенно закашлялся. — В нашей довольно скучной жизни мало развлечений. Если я от скуки помогаю Ночной Страже в ее многотрудной деятельности, то мой брат, дядя или сыновья, с которыми мы вместе живем в Рудне, забавляются в

меру своего разума. Но самая любимая из забав — пугать...

— Кого пугать? — подняла бровь Астерда.

— Ну... людей.

— Ничего не понимаю, — помотал головой Гвайнард. — Объясни, как, кого и зачем вы пугаете?

— Любая, пусть даже самая страшная легенда нуждается в подтверждении и обосновании, — заявил Рэльгонн. — Вот вы, охотники, и достопочтенный месьор Атрог, отлично знаете, что истории про страшных вампиров, которые спят в гробах, погибают от солнечного света и умирают от кола, коим следует пробить сердце, на девять десятых вымыслены. Однако, вы не подозреваете, что источником легенд о вампирах являемся мы — каттаканы.

— Почему же? — полюбопытствовал тайный управитель.

— Давным-давно, когда я вместе с родственниками навсегда застрял в Сфере, которую вы именуете Хайборийским миром, нам пришлось всерьез опасаться за свою жизнь, — начал объяснять Рэльгонн. — Все, начиная от странной природы и заканчивая кровожадными местными обитателями, было нам враждебно. В моей Сфере нет солнца — по крайней мере, оно очень далеко от нас и очень тусклое, чтобы мы получали ожоги от его лучей. Здесь все наоборот — окажись каттакан под прямыми солнеч-

ными лучами, он неминуемо погибнет меньше, чем за квадранс. Мы с огромным трудом приспособились к здешней пище... Мы не имеем права иметь детей, поскольку несколько сотен каттаканов смогут полностью изменить лицо вашего мира. Словом, на первых порах у нас было множество трудностей. И самая главная из них — неприятие человеком чужаков.

— Какое неприятие? — возмутился Конан. — Если бы люди вас ненавидели, то мы бы сейчас тут не стояли и не вели заумные беседы!

— Ты не понял, — терпеливо сказал упырь. — Я не имел в виду вас и месьора Атрога, как людей образованных и давно знакомых с моим племенем. Но представьте, какой вселенский крик поднимется, зайдя я в обычную придорожную таверну отобедать? Окажись я внезапно на королевском балу или приеме? Или, допустим, случись мне очутиться с спальне ее светлости герцогини Райдорской? Хотите, отправлюсь туда прямо сейчас и вежливо пожелаю ей спокойной ночи? Утром ее светлость поделится впечатлениями...

— Не надо этого делать! — воскликнул Атрог. — У нас хватает неприятностей и без шуточек подобного рода!

— Вот видите, месьоры, — грустно улыбнулся каттакан. — В прошлом дела обстояли ничуть не лучше — нас пытались убить все и каждый. Именно поэтому я, вкупе со своей семь-

ей, взял в союзники самое сильное чувство человека — страх. Страх перед непознанным! Мы захватили древний полуразрушенный замок альбов, завалили входы в подземелья, ставшие нашим домом, дабы человек туда не пробрался, и стали наводить ужас на всю округу...

— И каким же, интересно образом? — спросил Атрог. — Надеюсь, никакого членовредительства?

— И такое было, — спокойно признал Рэльтонн. — Пример: четыреста восемь лет назад Райдор страдал от деспотизма графа Рика из поместья Антор... Жуткий был человек скажу я вам! Тиранил своих кметов, грабил проезжающих на дорогах, набрав шайку головорезов даже осмелился осаждать замок герцога. Да-да, граф Рик попытался взять этот замок. Сладу с ним не было никакого. А когда он во всеуслышанье пообещался истребить рудненских вампиров — невероятный наглец и честолюбец! — мы решили... э... истребить его самого. Причем показательно. Тем самым мы убивали двух зайцев — избавили Райдор от дикаря и варвара с графской цепью на шее и подтвердили свою репутацию кошмарных упырей, способных на самые черные злодеяния.

— А, как же, помню эту легенду, — фыркнул месьор Атрог. — Кажется, вампиры зажрали графа Рика прямиком на пиру, в его замке?

— Именно. Причем мы, как существа не чу-

ждые страсти к прекрасному, обставили покушение на графа со всей надлежащей помпой — сами понимаете, всякие красивые магические эффекты, фонтан крови из шеи его графской милости, хохот и завывания... Это был великолепный спектакль. А поскольку общее представление о вампирах у людей тогда давно сложилось и все полагали, что укушенный упырем человек сам превращается в ночного монстра, графу, уже после смерти, его же приближенные забили в грудь деревянный кол, потом тело сожгли, а пепел смешали с глиной, дождались пока она застынет и выбросили в озеро. Могу привести несколько подобных примеров, один другого краше!

— Короче говоря, лучше быть вашим союзником, а не врагом, — сказал господин управитель. — И я рад, что мы теперь сотрудничаем во имя общей цели. Однако, как связать между собой вашу борьбу за выживание в чужом мире и развлечения, о которых спрашивал месьор Гвайнард?

— Все очень просто, — снисходительно ответил Рэльгонн. — Мы продолжаем поддерживать легенду. Более по привычке, нежели из необходимости. На всякий случай. Пусть уж простецы, да и дворяне, нас боятся — так катканы чувствуют себя в гораздо большей безопасности. Так что иногда мы можем устроить какое-нибудь эффектное представление на пи-

рушке в близлежащем баронском замке или смертно перепугать кметов, заночевавших в лесу. Сейчас мы никого не убиваем... Это всего лишь невинные шалости.

— Ничего себе — шалости! — фыркнул Эйнар. — Эдак человека можно до разрыва сердца довести!

— Абсолютно согласен, — кивнул месьор Атрог. — Господин Рэльгонн, умоляю, шалите как можно дальше от Райдорского замка, иначе неприятности будут в первую очередь у меня, как начальника тайной службы.

— И у нас, как охотников на чудовищ, обязанных по требованию обывателей истреблять вампиров, — заключил киммериец. — Впрочем, я уверен, Рэльгонн до подобных пошлостей опускаться не станет — все-таки, Райдор такой же его дом, как и наш. Опасаться следует доплегангера, который запросто устроит местным жителям кучу неприятностей.

— Кажется, эта тварь улетела, — сказал Гвай, снова оглядев небеса. — Печально... Где нам теперь его искать?

— Выследим, — уверенно сказал Рэльгонн. — Пойдите-ка, что за шум, а драки нет?

Со стороны закрытых ворот замка пришел звук гонга, установленного рядом со въездом в резиденцию герцога — кто-то настойчиво бил в него деревянным молотом. Да так, что металлический грохот разносился по всей округе.

— Кого нелегкая принесла среди ночи? — задал сам себе вопрос месьор Атрог. — Идемте, взглянем.

Вооружившаяся стража отворила калитку, прорезанную в правой створке ворот, Атрог, вместе с тремя гвардейцами и охотниками вышел на площадку, с которой начиналась короткая дорога вниз, со скалы.

— Защиты ваша милость!

Трое бородатых детин, судя по одежде и внешнему облику — простецы, коренные райдорцы. Видом похожи на мастеровых или гуртовщиков.

В принципе, по законам герцогства, любой подданный его светлости мог в любое время потребовать у дворянина защиты от любых посягательств на жизнь или собственность — простецы платили налоги и жили на земле герцога, а значит он обязан был защищать своих подданных силой оружия или закона. Но почему кметы прибегают в замок после полуночи? Пожар, война, нападение?

Атрог приобрел надменно-грозный вид дворянина, которого осмелилось потревожить по пустякам немывтое мужичье.

— Чего колотитесь? — рявкнул он. — До утра не подождать?

— Т-там... — заикнулся самый старший и самый бородатый. — Там упырь, ваша милость! Мы уж и в дом Ночной Стражи, что на Волчь-

ей улице, бегали, но домоправительница сказала, будто они в замок с вечера ушли...

— Упырь? — Гвай мельком покосился на Рэльгонна, натянувшего капюшон едва не до подбородка. — Покусал кого?

— Нацеливался! — воскликнул простец. — Он возле колодца на постоялом дворе «Синий медведь» валяется! Страшный — жуть! Хозяйка за Ночной Стражей послала, а мы и подходить боимся!

— Упырь валяется во дворе таверны, — медленно сказал Конан, пробуя эти слова на вкус. — Какое удивительное дело! Ничего не понимаю!

— За лошадьми бежать нет времени, — быстро сказал Гвай и повернулся к простецам. — Быстро бегите обратно на постоялый двор, мы сейчас будем! Месьор Атрог, отошлите стражу. Рэльгонн, сможешь немедленно доставить нас к «Синему медведю»?

— Запросто, — подал плечами вампир. — Возьмите меня за руки...

— Нет, только не это! — запротестовал Конан. — Я лучше пешком.

— Это приказ, — процедил сквозь зубы Гвай. — Сам отлично знаешь, прыжок через Ничто абсолютно безопасен. Ну?

— Прыжок через Ничто? — заинтересованно спросил месьор Атрог, осторожно касаясь руки упыря. — Это что такое?

— Сейчас увидите, — любезно отозвался Рэльгонн. — Полетели? Полетели!

* * *

Конан вновь почувствовал головокружение и крайне неприятное чувство падения — будто в пропасть летишь. Киммериец вместе со всеми прочими охотниками и господином управителем на мгновение окунулся в черный омут на самом дне которого мерцал неестественный, не принадлежащий миру людей синеватый огонь, перед глазами мелькнули звезды-светлячки... Переход через Ничто казался мигом смерти — это было довольно страшно, однако, если привыкнуть, то можно перестать бояться. Так или иначе полезное свойство упыря в единый момент перемещаться откуда угодно куда угодно не раз спасал Ночным Стражам жизнь.

— Бои милостивые, — охнул Атрог, пошатнулся и непременно упал бы на деревянную мостовую перед воротами постоянного двора, не поддержи его Гвай. — Где мы? Впрочем я вижу... Гвайнард, отпусти меня, я в полном порядке, хотя и не совсем понимаю, как мы тут очутились.

— Потом расскажем, — отмахнулся Рэльгонн. — Идемте во двор, слышите, там шумят?

Поглядеть на клыкастое чудо, действительно (к безмерному изумлению Конана и остальных!)

ных!) валявшееся рядом с разбитым колодезным срубом, сбежались едва ли не все постояльцы заведения. У всех в руках факелы, многие вооружены топорами и кинжалами. Несколько купцов, торговцы из поселков, привезшие на продажу в столицу герцогства мед или лен, здоровенные широкоплечие гуртовщики, троица разгильдяев в драных на зад и коленях кольчугах из городской стражи — все они широким кругом обступили слабо подергивающееся скользкое тело гигантской летучей мыши с головой, в точности копирующей голову Рэльгонна.

Подходить близко к упырю никто не решался — люди боялись колдовства.

— Что случилось? — простецы почтительно расступились, пропуская грозного начальника тайной стражи герцога и господ охотников. — Кто-нибудь может внятно объяснить, откуда это тут взялось?

Командир караула городской стражи, сбиваясь с пятого на десятое и постоянно перебиваемый своими невоспитанными подчиненными попытался было рассказать, что упырь свалился прямиком с неба, но Атрог только поморщился и жестом приказал потертому блюстителю заткнуться.

Вперед вышла хозяйка «Синего Медведя» — высокая, еще не старая женщина весьма решительного вида, известная всему Райдору как

Грида из Пайрогии, уважаемая вдова и успешная содержательница далеко не самого худшего постоялого двора. В руке Грида держала тяжеленький арбалет — в большинстве домов Райдора на всякий случай хранилось оружие, поскольку даже жителям столицы герцогства приходилось опасаться набегов со стороны Вольных Баронств Пограничья.

— Дозвольте сказать, ваша милость, — хозяйка быстро, но почтительно поклонилась Атрогу. — Мы уже ко сну собирались отходить. Я послала девку-прислужницу к колодезю, набрать воды на утро... Вдруг — крик, шум-гам, грохот какой-то...

По словам госпожи Гриды выходило, что когда служанка наполнила водой два кожаных ведра, то ее едва не убил упырь, однако тварюга не рассчитала и с размаху вцепилась в колодезный сруб, разбив ворот и повредив несколько бревен.

— Невероятно, — пробормотал каттакан. Пока Атрог выслушивал хозяйку, Рэльгонн, Конан и Гвай осторожно присели рядом с телом поддельного упыря. — Он оглушен, понимаете?

— Еще бы не понимать, — кивнул Гвайнард. — Бедный маленький допплегангер еще не обжился как следует в теле каттакана и решил начать охоту, но не учел, что полет на крыльях — дело довольно сложное. Воображаю, с какой скоростью он планировал вниз — едва весь ко-

лодец не своротил! Асгерд! Давай быстро дай мне серебряную удавку!

— Я уверен, что и обычному каттакану бы не поздоровилось, случись ему эдак расшибиться, — шептал Рэльгонн из-под капюшона. — Что вы собираетесь с ним делать?

— Для начала посадим на цепь, — ответил Гвай. — Допплегангеры не умирают от серебра, поскольку нечистой силой не являются, однако серебро мешает им превращаться.

— Может, его лучше убить? — спросил Конан и легонько толкнул безжизненную тушу носком сапога.

Вот этого ему делать совершенно не следовало.

— Что... — заикнулся Гвай, хватаясь за клинок, однако допплегангер его снова опередил — имитатор, при прикосновении немедленно получил от киммерийца его облик, а поскольку сознание у варвара оставалось ясным и незамутненным, то и последовавшего за падением на колодезный сруб оглушения у твари словно и не бывало...

Допплегангер чувствовал, что поимка ничего хорошего ему не сулит — в лучшем случае загонят обратно в подземелья, откуда он не сможет показаться на свет еще долгие годы, в худшем же — посадят в герцогский зверинец или просто зарежут. Посему, тварь выбрала почти беспродуманное решение — если ее спу-

тают с Конаном, то появится возможность невозбранно удрать. По крайней мере, люди не убьют имитатора сразу.

...Конан фальшивый с истинно киммерийской ловкостью вскочил на ноги, издал низкое рычание, которое от варвара можно было услышать только в мгновения ярости и бросился с кулаками на слегка растерявшегося от неожиданности Конана настоящего. Оба киммерийца повалились на землю, учинив перед ошеломленной публикой безобразную драку.

— Разнимите их! — завопил Гвайнард, но тут же опомнился: если другие люди коснутся допплегангера, он снова получит возможность к перевоплощению, и поймать его будет нелегко. — Нет, не трогайте! Разойдитесь!

Оба Конана, взрыкивая и мерзко сквернословя, катались в пыли двора и с упоением молотили друг друга кулачищами. Наконец одному из Конанов (никто так и не понял которому...) удалось вскочить на ноги и выхватить кинжал. Второй сделал то же самое. Дело кончилось бы скверно, поскольку сила и умения у обоих были одинаковы — они бы запросто прирезали друг друга — но Гвайнарда, уяснивший, что ситуацию следует немедленно взять в свои руки, выскочил вперед, встав между двумя взъерошенными и исключительно злыми киммерийцами.

— Гвай, отойди! — рявкнул первый. — Я

сейчас из этой поганой твари отбивную сделаю!

— Заткнись, самозванец, — не остался в долгу второй и вернул несколько таких словечек, что Асгерд залилась пунцовой краской, а публика, перед которой разыгрывался удивительный спектакль, одобрительно загудела.

— Так... — Гвай переводил взгляд с одного Конана на другого. — Варвар, прошу тебя как друга, брось нож! Сейчас мы во всем разберемся!

Оба выпустили кинжалы одновременно. Клинки упали на утопанную землю.

— Какой ужас, — выдохнул Рэльгонн над ухом Эйнара. — Их ведь теперь не отличишь! Моя магия не действует, я уже попробовал...

— Я тоже, — мрачно ответил броллайхэн. — Заклинание Ключа в обоих случаях показывает, что передо мной — наш киммериец. Еще бы — допплегангер копирует его до последнего волоска!

Различались теперь Конаны только по степени изодранности и испачканности одежды, да тем, что у одного была свежая ссадина на скуле, а у второго не лбу. Оба тяжело дышат, смотрят злобно, вид имеют равно озадаченный и решительный.

— И не вздумайте даже подойти друг ко другу или к другому человеку! — приказал Гвайнард. — В этом случае оба получите металлические ножи в горло!

— Гвай, ты чего, на самом деле сможешь убить меня из-за этого гнусного перевертыша?

— Гвай, ты что с ума сошел, я же сейчас своими руками стервеца разорву! Будет знать, как в меня превращаться, паскуда!

Месьор Атрог, учуяв, что дело пахнет жареным, громко распорядился:

— Месьоры, попрошу очистить двор! Возвращайтесь в дом! Мы сами разберемся с оборотнем! Стража! Проследить, чтоб никто не выходил наружу — это государственное дело! Черная магия!

При упоминании черной магии, даже самые любопытные простецы заспешили к дверям таверны. Нахмуренные стражники заняли позиции у ступенек и скрестили короткие пики.

— Что мне теперь с вами делать? — страдальчески сказал Гвай, по-прежнему стоя между Конаном настоящим и его точной копией. — Покажите-ка мне амулеты Ночной Стражи! Оба!

Было незамедлительно предъявлено два совершенно одинаковых медальона в виде волчьей головы. От каждого исходили синие искорки — доплегангер умел замечательно копировать даже волшебство.

Поскольку теперь лишних зрителей не было, Рэльгонн откинул капюшон (введя троицу из городского караула в немалое смущение, мигом, впрочем прошедшее — Атрог просто пока-

зал блюстителем кулак, а связываться с начальником тайной управы было страшнее, чем якшаться с любым вампиром). Затем упырь медленно обошел обоих киммерийцев и потыкал в каждого пальцем с острым длинным ногтем — ему опасаться было нечего, поскольку в памяти доплегангера его облик уже стерся: эти твари могли превращаться в определенное существо только один раз в жизни, следовательно вновь стать Рэльгонном имитатор теперь был не способен.

— Может, устроить поединок на мечах? — несмело предложила Асгерд. — Пусть боги рассудят.

— Ну, уж нет, — решительно ответил Гвай. — Кому как, а мне нашего варвара будет жалко отдавать на суд каких-то богов, которые и сами отличить его от перевертыша не смогут! А вот то божество, которое сотворило эту ошибку природы — я имитаторов имею в виду! — лично бы придушил за такие шуточки!

— Что ты сказал? — вскинулся упырь.

— Я сказал, что богов, которые порождают к жизни...

— Нет-нет, про имитаторов? Один момент, месьоры! Гвай, доплегангеры принадлежат этому миру? Хайбории? Они, случайно, не пришли из другой Сферы, как каттаканы?

— Увы, но это сомнительное добро принадлежит нам и только нам, — безнадежно отве-

тил Гвайнард. — Что же, всю ночь здесь стоять будем? Надо что-то решать! Обращаюсь к досточтимому дошплегангеру: клянусь честью гильдии Ночной Стражи, мы тебя отпустим на все восемь сторон света, только сознайся, что ты — это ты.

— Я — это Конан Канах из Киммерии!

— Заткнись, дрянь! Это я Конан Канах! Гвай, да посмотри ты на меня и на него!

— Что на тебя смотреть, скотина?

И так далее. Началась громкая перебранка, в которой обе дискутирующие стороны не скупались на пышные эпитеты и глубокие сравнения, понося на чем свет стоит пакостных дошплегангеров и обвиняя друг друга в самозванстве. Асгерд схватилась за голову:

— Послушайте вы, два недоумка, — крикнула она на разбушевавшихся киммерийцев, — хотите поговорить, так выбирайте выражения! Одного Конана я еще терпела, но слушать такое сразу от двоих — выше моих сил!.. Пойдите, а где Рэльгонн?

Упырь исчез. Только что был здесь, да вдруг стигнул. Надо полагать, у каттакана появилась некая мысль, которую он собрался реализовать.

— Решительно не понимаю, как теперь поступить, — снова завел старую песню Гвайнард. Впервые за его многолетнюю практику охоты на монстров он чувствовал, что магическое существо если не переиграло Ночную Стражу, то

по крайней мере ухитрилось свести результат схватки к ничьей. — Повторяю, я клятвенно обещаю отпустить!

Не успев договорить, Гвай кубарем полетел к ограде постоянного двора — что-то огромное, темное и очень злое толкнуло его в спину. Затем, появившееся из пустоты нечто, видом сходное с лошадью, принялось беспечно носиться по двору, грохоча подкованными копытами и злобно стелая, будто обезумевшее привидение.

Эйнар был первым, кто распознал неожиданную опасность и понял, что произошло — Рэльгонн, по ведомым ему одному соображениям, перенес через Ничто принадлежащего Конану сартака, остававшегося в замке, у дальней коновязи. Теперь клыкастый монстр (и в обычное-то время голубиной кротостью и ласковым нравом не отличавшийся) был донельзя взбешен неприятным даже для привычного человека переходом сквозь пустоту и искал обидчика. Рэльгонн благоразумно переместился на крышу таверны и теперь наблюдал за происходящим сверху, Эйнар, дабы не оказаться покусанным разъяренной тварью, с беличьим проворством забрался на росшую у ограды старую яблоню, Асгерд же, понимая, насколько опасно связываться с сартаком, укрылась в деревянном нужнике, стоявшем в углу двора, заодно затащив туда месьора Атрога. Стражники броси-

лись в дом и теперь взирали на происходящее сквозь дверную щелку.

Сартак несколько раз щелкнул клыками буквально в полупальце от сидалища Эйнара, устроившегося на ненадежной ветке яблони, и всю вопившего нечто наподобие «Помогите, он меня съест!», затем с хозяйским видом пробежался по двору, изыскивая, на ком еще можно выместить раздражение, и только затем обратил внимание на своего владельца. Точнее, владельцев.

Конан и дошплегангер в облике Конана отбежали в сторону, опасаясь, что сартак может ударить их копытом или просто растоптать — характер у ездового монстра был скверный. Даже киммерийцу далеко не всегда удавалось с ним поладить, и Конан недавно приобрел несколько лишних шрамов на руке, поскольку чем-то недовольный сартак задел его клыками. Однако варвар был единственным человеком чью волю сартак признавал и кому позволял собой командовать — эти звери являлись однолюбам и были верны только хозяину.

Сартак остановился и уставился на двух одинаковых киммерийцев. Если так можно сказать о лошади (вернее, ее подобии...), то вид у хищника был до крайности озадаченный: как так, почему вместо одного господина у меня теперь их двое? Что за бред?

...Рэальгонн потом признался, что затея с сар-

таком могла и не сработать, однако надеялся, что врожденные способности существа из чужого мира, достаточно сообразительного и умеющего распознавать магию, позволят выявить настоящего Конана. Все-таки, под личиной киммерийца скрывалось магическое существо, пускай его и невозможно было отличить от человека при помощи использующегося людьми и каттаканами волшебного искусства — не смотря на очевидную разницу двух рас в облике и устройстве жизни, человек и каттакан шли по одной дороге, их магия была схожа. А вот сартак, порожденный миром Ауруса, владел частицей волшебства неведомого ни людям, ни упырям и наверняка мог почуять чужеродную магию.

Зверь медленно повел мордой, будто приняв хиваясь, глянул сперва на первого Конана, потом на второго и...

Это было страшно. Киммериец впервые увидел, на что способен монстр, с виду похожий на обычного жеребца. Сартак, конечно, в своем мире был довольно опасным хищником, но никакой человек не может себе представить, как лошадь в мгновение ока превращается в разъяренного льва!

Сартак бросился на того Конана, что стоял ближе к разбитому колодцу — тот не успел и глазом моргнуть, как острейшие клыки, длинной с человеческую ладонь, впились в шею сзади, ломая хребет и разрывая жилы. Сартак по-

ступил с имитатором так, словно он был мышью, попавший в зубы невероятно оголодавшей кошке — мотал из стороны в сторону, подбрасывал, рвал зубами...

Допплегангер умер не сразу — он тоненько верещал, пытался отбиваться (что было заведомо бесполезно) и начал менять облик, возвращая себе исходную внешность странного серенького существа, с торчащими ребрами и круглой большой головой. Наконец, туловище имитатора, почти напополам разорванное сартаком обмякло.

Ездовой монстр еще немного подержал тело в зубах, потом урони — как выплюнул. Толкнул копытом — не шевелится. Развернулся и потрусил к замершему Конану: ни дать ни взять, обычная лошадь. Ткнулся измазанной в темной крови имитатора мордой в хозяйское плечо.

— Ну и ну, — выдавил киммериец. — Ты, как я погляжу, пострашнее любого тигра будешь. Гвай, ты где? Эй, куда все спрятались? Вылезайте, Гнедой сейчас никого не тронет!

Гвайнард, кряхтя и держась за ушибленную поясницу, подошел к трупу допплегангера, убедился, что тот — мертвее мертвого и только головой покачал:

— Дела-а... Впрочем, имитатор сам виноват. Я же предлагал его отпустить и сдержал бы слово! Асгерд, месьор Атрог, вы там в выгребной яме не утонули? Выходите!

Скрипнула дверь нужника и на пороге показался господин управитель с вытянувшейся физиономией. Асгерд, как всегда, выглядела хладнокровно.

— По мне, так лучше в навозе утонуть, чем оказаться на пути у вашего чудовища, — сказал Атрог, с опаской поглядывая на сартака.

— Полностью согласен, — донесся голос Рэльгонна, доселе не желавшего спускаться с крыши таверны. Упырь знал, что сартак был до невероятия злопамятен. — Если сегодня мои услуги более не требуются, то я откланяюсь и полечу в свой замок, проверить как дела у родственников...

— А где Эйнар? — Гвай оглядел двор, поскольку не заметил, куда броллайхэн спрятался от разъяренного сартака. — Выходи, все кончилось!

Яблонева ветка наконец переломилась, и Эйнар с воплем полетел в заросли лопухов.

— Будь проклят тот день, когда я согласился взяться за это гнусное ремесло! — донеслось оттуда. — Хватит! Кто как хочет, а я отправляюсь домой! Ужинать и спать!

СУД ЭРЛИКА

У вновь непроглядная ночь опустилась на дворец эмира Дауда, правителя Эссаира... Ночь густая, как волосы Таммузы, его возлюбленной супруги, и такая же черная. Звезды блестели на небесном пологe, яркие, как бриллианты, усыпавшие наряд принцессы. В воздухе веяло ароматом жасмина и раскаленного песка. Когда Таммуза выглядывала из окна опочивальни, любуясь ночью, ей казалось, будто она взирает на самое себя.

Оторвавшись от окна, красавица-принцесса обернулась к мужчине, что стоял перед ней.

— Тебе пора идти, мой любимый. Стража только что сменилась, и гурджийцы заступили на свой пост. Ты слышишь их голоса?

Мужчина, словно бы и не внемля ее словам, шагнул к женщине, резким движением срывая

с ее плеч накидку темно-синего бархата, в которую она закуталась, поднявшись с ложа. Несколько мгновений он держал ее на расстоянии вытянутых рук от себя, любуясь запрокинутым лицом принцессы, — а затем припал к пунцовым устам жадным и властным поцелуем.

— Ты моя, Таммуза! Слышишь? — шептал он горячо, почти не отрываясь от ее губ. — Я не отдам тебя никому, и пусть этот старый жертвенный баран, твой муж, знает... Ты будешь только моей! Я готов кричать об этом со всех крыш Эссаира.

Женщина задрожала в его объятиях.

— О, любовь моя! Не веда таких речей, умоляю! Всякий раз, когда я слышу это, сердце мое обрывается. Ты же знаешь, нам не суждено быть вместе. Молю тебя, будь осторожен...

Но она так же, как и мужчина, не спешила прервать поцелуй, лобзая возлюбленного столь жадно, словно это объятие могло стать для них последним. Ее руки скользили по широкой спине, поднимаясь к мускулистым плечам, ерошили длинные черные волосы, перехваченные простым кожаным шнурком...

— Мы должны быть осторожны! Осторожны... — шептала Таммуза, покрывая поцелуями лицо мужчины. — Мне таких усилий стоило придумать этот план, позволивший нам встретиться беспрепятственно... Неужели ты позволишь своей горячности погубить нас обоих?

Ее ночной гость покачал головой. Выпустив Таммузу из кольца своих рук, он отстранился, и было видно, что это простое движение стоит ему неимоверных усилий.

— Ради тебя я готов на все, огонь души моей... — голос его был хриплым в ночной тьме. — Агать, красть, убивать... Ты сама знаешь, что я сделал, лишь бы мы были вместе...

Женщина также отступила на шаг, вновь косясь за окно, где на восточном окоеме уже намечалась сереющая полоса, предвещающая скорый рассвет.

— Да, мой единственный, но ты слишком горяч, и если не смирешь свой нрав, то нас обоих ждет беда. Доверься женской хитрости... и подожди. А сейчас...

Она вновь подбежала к мужчине и, прижавшись к нему, чтобы дотянуться до его лица, крепко поцеловала в губы.

— Теперь ступай, возлюбленный. Ступай, пока не рассвело, чтобы гурджийцы не смогли разглядеть твоего лица. Послезавтра я вновь буду ждать тебя.

— Это время мне покажется вечностью. — С такими словами мужчина развернулся и исчез во тьме, бесшумным шагом удаляясь от покоев Таммузы. Синий плащ дворцового стражника, брошенный на его мощные плечи, во мраке стал серым, — да и сам ночной гость вскоре слился с тенями и исчез, словно его и не было.

Из прекрасных, темно-синих глаз принцессы Таммузы, смотревшей ему вслед, скатилась единственная слезинка, прозрачная и сверкающая, словно звезда.

* * *

Ночь была жаркой и душной, липнущей к коже, как влажная ткань. Впрочем, точно такая же, как и накануне... и два дня назад.

Конан, опираясь на тяжелую парадную алебарду, свободной рукой потер усталые глаза и широко зевнул.

— Как вы это терпите, Хаджиб? — Его напарник-часовой оторвал глаза от рукояти кинжала, резьбу которой рассматривал с таким увлечением, словно ничего интереснее никогда в жизни не видел, и перевел взгляд на киммерийца.

— Это потому что ты с севера, парень. Сколько ни встречал северян, никто из них не может привыкнуть терпеть нашу жару, даже если проживут здесь много лет. — Он помолчал, задумавшись. — Полагаю, для этого здесь надо родиться. — Он коротко хохотнул. — Должно быть, если бы Эрлик занес меня в твои суровые края, я не протянул бы там и трех дней. Говорят, у вас случаются такие сильные ветры зимой, что могут у человека мясо сорвать с костей...

Киммериец пожал плечами. Сейчас за дуновение такого ветерка он отдал бы половину того, что получал на службе у эссаирского эмира. Но увы, вот уже который день из пустыни дул лишь жаркий, несущий пыль и песок *хевас*, — ветер, который тут называли еще «гневом Тарима».

— Я подскажу тебе лучшее средство от этой жары, — продолжал между тем Хаджиб. Был он смуглокожий и горбоносый, с аккуратно подстриженной черной бородкой, на манер туранцев, и такой же малорослый. Чтобы взглянуть дюжему северянину в лицо, ему приходилось запрокидывать голову.

— Лучшее средство — точно тебе говорю! — промочить горло в кабаке папаши Иссейна, а затем завалиться к девочкам на Шелковой улице... — На лице его расплылась широкая счастливая улыбка. — Что скажешь?

Конан задумался. Обычно предложение выпить вина и повеселиться с разбитными доступными девицами никогда не давало ему повода к подобной задумчивости, — ибо ответ тут мог быть только один. Но в эту проклятую жару вся жизнь в городе замирала спустя пару часов после рассвета, когда солнце начинало палить во всю мощь, и вновь возобновлялась уже ближе к закату, — а свой вечер он уже обещал эмиру Дауду.

— Сегодня вряд ли, — бросил он Хаджибу.

— Эмир просил показать ему пару приемов с двуручным мечом. В его коллекции оружия полно самых удивительных вещей. Не поверишь... — Он хохотнул, вспоминая. — Я обнаружил там даже парочку пиктских копий с боевыми насечками. А двуручник у эмира знатный — шамарской работы. На нем львиное клеймо. — И, видя, что собеседник не понимает, о чем речь и не может представить, что вызвало такое восхищение варвара, пояснил. — Есть одна кузня в Шамаре, откуда выходят самые лучшие клинки во всей Аквилонии, а, возможно, и во всей Хайбории. Они купят мечи для аквилонских королей вот уже три сотни лет, поэтому им и даровано право ставить клеймо в виде головы льва у самого основания клинка. Более справных и уручистых мечей я в жизни не встречал, — северянин одобительно цокнул языком и мечтательно вздохнул. — Вот только стоят они свой полный вес золотом... Да еще и не всякому их продают.

Напарник киммерийца лишь пожал плечами в ответ на эту пламенную речь.

— А по мне, так эти ваши двуручники — тяжелая и неудобная штука. Куда лучше, когда в руках легкая туранская сабля. Я уж не говорю про *кенхали* вендийской работы. Слышал когда-нибудь про такие?

Но углубиться в сравнение достоинств раз-

ного вида оружия двоим воинам не удалось: в глубине коридора, где они стояли на страже, послышались шаги множества ног. Это эмир Дауд возвращался из женских покоев в сопровождении свиты евнухов.

Проходя мимо часовых, правитель Эссаира ненадолго задержался.

— Как твоя нога? — обратился он к Хаджибу. — Не беспокоит?

Воин отвесил короткий поклон.

— Благодарю тебя, мой господин. Твои лекари постарались на славу. Рана почти зажила.

— Тебе не за что благодарить меня, ведь эту рану ты получил у меня на службе. Разве могу я не позаботиться о тех, кто предан мне всей душой?

Эмир Дауд погладил длинную седую бороду, а затем потрепал молодого воина по плечу.

— Служи справно, Хаджиб, и ты выбьешься в люди, как твой дед и отец, хотя мне будет досадно, когда ты решишься оставить меня.

Смуглокожий стражник горделиво распрямил плечи.

— Не раньше, чем у меня подрастет сын, который сможет так же честно служить тебе, мой господин.

Эмир одобрительно улыбнулся и обернулся к Конану.

— Ты не забыл, северянин? Вечером я жду тебя в Мраморных покоях. В моей коллекции

еще найдется немало экземпляров, способных тебя удивить. И, кстати — ты был прав, я действительно отыскал там длинный боссонский лук. Теперь мы сможем на деле проверить, уступают ли изделия западных мастеров творениям наших гирканских умельцев...

Конан с довольным видом кивнул. Хотя всякому иному оружию он предпочитал честный стальной меч, но и стрелять из справногo лука никогда бы не отказался.

— Только лучше выехать за городские стены, — предложил он. — Здесь, во дворце, даже на большом дворе, мы не сможем отставить мишени достаточно далеко.

— Ты так уверен в себе, мой друг? — лукаво подмигнув, осведомился стареющий правитель.

Северянин рассмеялся.

— А ты вновь готов поставить сотню золотых? Я не против, никогда не откажусь от возможности увеличить свое жалованье!

С усмешкой эмир покачал головой и указал на свиту, молча застывшую в отдалении, дожидаясь, пока правитель закончит разговор и можно будет проследовать дальше.

— Впредь мне придется быть осторожнее, когда спорю с тобой, киммериец. Иначе ты выиграешь все деньги из моей казны, и мне не на что будет кормить этих бездельников.

Внезапно правитель посерьезнел.

— Скажи мне, северянин, совершил ли ты

сегодня обход постов стражи, как мы договаривались с тобой? Что ты скажешь об этом? Я изменил все, в точности по твоему совету. Полагаешь, теперь дворец в безопасности? Я не могу рисковать...

С сурового лица северянина также сошла улыбка.

— Никто не может считать себя в полной безопасности, и тебе это известно не хуже, чем мне. Но я сделал все, что мог. Теперь, когда посты стражи усилены на всех выходах из дворца и обходы совершаются в разное время, без точно установленного распорядка, злоумышленникам куда труднее будет подобраться к принцессе Таммузе, чем прежде. Думаю, ты можешь вздохнуть спокойно, господин.

Эмир Дауд и впрямь вздохнул, вновь принявшись задумчиво поглаживать бороду. В ней изрядно прибавилось седины после переживаний последних месяцев...

* * *

Именно так они познакомились, а позже свели дружбу со здоровяком-северянином. Принцесса Таммуза, возлюбленная супруга эмира Дауда, ради которой он отказался от всех своих наложниц, распустил гарем и полностью очистил женскую половину дворца, — ибо таково было условие юной красавицы, согласившейся выйти за

него замуж, — была похищена неизвестными злодеями спустя всего полгода после свадьбы.

Никто не знал, как это произошло. Никто не слышал ни пуга, ни крика, словно похитители действовали колдовством. Лишь в опочивальне принцессы, когда поутру служанки явились будить госпожу, обнаружили следы борьбы: перевернутые табуреты, разорванные покрывала... и капли крови на пушистом белоснежном ковре иранистанской работы.

Встревоженный и не помнящий себя от волнения, эмир приказал снарядить погоню. Но похитители не оставили никаких следов. Стражники Северных Ворот утверждали, будто видели отряд всадников, во весь опор вылетевших из города на рассвете, — но никто не мог сказать в точности, куда затем направились злодеи.

На помощь эмиру пришел отряд гвардейцев правителя Турана, случайно оказавшийся в этих местах. Сотня отборных воинов под командованием Амаля Джебала возвращалась в аграпурские казармы, изрядно потрепанная после чистых стычек с козгарами.

Амаль Джебал приходился родичем давнему знакомцу эмира Дауда, с которым они в свое время вместе служили королю Ездигерду, прежде чем Дауд удалился в родные места, чтобы принять власть из рук умирающего отца... Во имя этой старой дружбы и родства он обратился за помощью, — и получил ее.

Несмотря на усталость, туранские гвардейцы приняли самое действенное участие в поисках похищенной принцессы. Рассыпавшись по степи, их следопыты вскорости обнаружили место, где мог пройти конный отряд, увезший супругу эмира, — и все устремились в погоню.

Два дня они скакали без продыха, на ходу меняя лошадей; даже дремали и ели тоже в седле, чтобы не терять времени понапрасну.

На рассвете третьего дня настигли они похитителей, — и завязался кровавый бой.

К небольшому отряду, вывезшему принцессу Таммузу из ворот Эссаира, успело присоединиться с тех пор целое небольшое войско. Амаль Джебал утверждал, что это именно те козгары, за которыми его сотня гонялась по всей степи... Что ж, туранским гвардейцам выдалась славная возможность отомстить давним заклятым врагам. Жаль только, что у них так и не удалось выведать, кто же стоял за похищением принцессы, — ибо в пылу схватки туранцы уничтожили похитителей всех, до единого.

Особенно отличился в бою один из воинов отряда, — могучий, рослый северянин с синими, как сапфиры, глазами и волосами цвета южной ночи. Огромный двуручный меч в руках его плясал, легкий как перышко, разя врагов наповал и неся погибель в каждом своем движении. Он с легкостью уходил из-под ударов козгарских сабель, — и с каждым рывком,

с каждым касанием клинка у него становилось на одного врага меньше...

Словно зачарованный, эмир Дауд наблюдал за этой пляской смерти, в которой ему чудилось нечто дикое, первозданное, пришедшее из тех времен, когда танец еще заменял людям все иные искусства, а зачастую даже и человеческую речь... Времена простые и дикие, прекрасные в своей незамутненной ясности, когда лишь кровь разделяла врага и друга, — и кровь же скрепляла узы братства... Глядя, как уверенный в себе и непоколебимый, точно скала, северянин расправляется с противниками, эмир ощущал, словно это он сам стоит сейчас на поле боя, сжимая в налившихся давно забытой силой руках пляшущий огненный клинок...

И он почти ощутил действительную боль, когда в плечо северянина внезапно впиалась прилестившая из гущи битвы стрела. Сдавленно охнув, эмир обратился к кому-то из своей свиты, краем глаза пытаясь уследить за отчаянно отбивавшимся воином, в ожидании, что тот вот-вот рухнет от потери крови.

— Этому человеку нужно помочь. Взгляни, как храбро он бьется. Он один положил едва ли не половину отряда козгаров!

Но киммерийцу словно бы и не требовалась их помощь. Несмотря на рану, он продолжал сражаться, круша все направо и налево и уверенно пробираясь к закрытой повозке, вокруг

которой сопротивление похитителей было особенно яростным.

Подобно вихрю, он ворвался наконец в оцетинившееся саблями кольцо врагов. Воодушевленные его примером, туранцы и эссаирцы с воинственными воплями навалились на козгаров. Кровь хлестала во все стороны из отрубленных конечностей. Выли и хрипели умирающие, звенела сталь, и свистели в воздухе стрелы... Эмир, наблюдавший с вершины холма за беспощадным побоищем, не мог заставить себя отвести глаза.

Но вот уже киммериец пробился сквозь кольцо козгаров к самой повозке, окошки которой были наглухо задернуты занавесками. Рывком распахнув дверцу, он заглянул внутрь. Со спины на него тут же напали двое похитителей, и эмир невольно закричал:

— Берегись! — Как если бы этот крик мог долететь до северянина и чем-то помочь отважному воину...

Но тот и не нуждался в предупреждениях. Стремительно развернувшись, он наискось размахисто полоснул мечом, — и оба его противника рухнули, обливаясь кровью. На помощь киммерийцу уже спешили другие бойцы из его отряда... Когда он, наконец, вынырнул из повозки, взвалив на мощное плечо пленницу, замотанную в шелковые покрывала, — туранцы уже расчистили для него дорогу. Сжимая в сво-

бодной руке огромный меч, киммериец поспешил вытащить принцессу из гущи схватки.

— Скорее! — Эмир во весь опор бросил лошадь по склону холма. Свита последовала за ним. — Мы должны помочь ему!

Передав похищенную принцессу на руки благодарному супругу, киммериец, несмотря на кровь, обильно пятнавшую его доспехи, без единого слова развернулся, готовый вновь окунуться в кипящий котел битвы, — но это уже не требовалось.

Шум боя постепенно стихал. Эссаирцы и гвардейцы Илдиза приканчивали последних козгаров, отчаянно пытавшихся сопротивляться. Очень скоро в долине не осталось в живых никого из похитителей. Тучи воронья и стервятников поднялись в воздух, привлеченные теплым пряным запахом крови.

Соединенный отряд медленно двинулся прочь. Лишь полтора десятка эссаирцев, по приказу эмира, задержались на месте сражения, дабы предать своих погибших земле. О козгарах, разумеется, никто не собирался проявлять подобной заботы...

Некоторое время туранским гвардейцам и отряду эмира было еще по пути, но вот наконец настал миг, когда дороги их должны были разойтись: дорога эссаирцев лежала на запад, к границе с Хорайей, где простиралась владения эмира; туранцы же возвращались в Аграпур.

Сердечным было прощание пожилого правителя с сотником Амалем.

— Теперь мне будет чем порадовать владыку! — радовался молодой полководец. — Проклятые козгары долго не решатся тревожить наши границы... Жаль лишь, что потери оказались так велики. Я потерял немало хороших бойцов, а путь до Аграпура еще не близкий. Боюсь, в дороге от ран умрет немало славных парней...

Эмир взволнованно окинул взглядом поредевший отряд Амаля. Ему вспомнился гигант-киммериец, так отважно сражавшийся за спасение его супруги, но Дауд был настолько счастлив, что принцесса вернулась к нему целой и невредимой, что на время даже позабыл о ее спасителе... А ведь киммериец был ранен! Что если и его жизни угрожает опасность? Он никогда не простит себе подобного небрежения...

— До Эссаира осталось менее дня пути, — обратился он к туранскому сотнику. — Отправь всех раненых со мной, Амаль. Мои лекари позаботятся о них. А потом твои парни вернутся и продолжат службу. Это самое меньшее, что я могу сделать для тебя в благодарность за вашу помощь...

Туранец согласно кивнул. Самому просить за своих парней ему бы не позволила гордость, но от подобного предложения он никак не мог отказаться.

— Когда я прибуду в Аграпур, то доложу, что им предоставлен отпуск по болезни, — заявил он. — Они смогут вернуться, как только встанут на ноги... И даже их жалованье за это время сохранится в неприкосновенности.

Он тут же развернулся, чтобы дать своим людям необходимые указания.

Вскоре два отряда разошлись в разные стороны. Кавалькада эмира Дауда двигалась теперь совсем медленно, ибо продвижение всадников сдерживали два с лишним десятка раненых воинов, большинство из которых с трудом держались в седле, а то и вовсе двигались на носилках, закрепленных меж двух едущих бок о бок лошадей.

Лишь гигант-северянин, — к тому времени эмир Дауд уже узнал, что его имя Конан, — сперва отказывался последовать вместе с остальными ранеными, ссылаясь на то, что вполне способен продолжить путь до Аграпура. Но сотник, лично осмотрев воспалившуюся рану, покачал головой.

— Ни к чему геройствовать, мой друг. Нам в пути не будет угрожать никакая опасность, и твой крепкий меч не понадобится для защиты от козгаров. Но вот для тебя лишние пять дней пути могут стать роковыми. Все свои целебные травы наш лекарь успел израсходовать и теперь ничем не сможет помочь тебе, а во дворце Дауда вас ждут опытные целители... Мы будем

рады видеть тебя вновь в Аграпуре, когда ты оправишься от ранения.

Заметив, что северянин по-прежнему колеблется, ибо, похоже, душе этого прирожденного воителя нестерпимо было выказывать слабость даже в самых малых ее проявлениях, — эмир Дауд добавил:

— Не думай, что тебе предлагают отдых, словно какому-то старцу, утомленному от сражений! Я имею на тебя особые виды, воин. Я видел, как ты владеешь мечом: моим стражникам есть чему у тебя поучиться. И кроме того, я волнуюсь за безопасность моей возлюбленной супруги. Мне нужны новые люди, чтобы усилить ее охрану... К тому же, свежий взгляд может заметить бреши в обороне, которые ускользнули от нашего внимания.

Выслушав все это, Конан кивнул.

— Я поеду с тобой, эмир. И по правде сказать, буду рад отдохнуть от этой бесконечной степи, чтобы песок наконец перестал скрипеть на зубах... И выспаться в нормальной постели, а не на голой земле.

Со смехом они отправились в путь. Эмир уже предчувствовал, что в лице северянина обретет не только воина, — но и друга.

Однако правитель не заметил, каким странным взглядом проводила его юная красавица-жена этого гиганта-киммерийца, присоединившегося к их отряду. Во взоре черных очей,

сверкнувших поверх тончайшей накидки, скрывавшей нижнюю часть лица, было нечто большее, чем просто благодарность за свое спасение... Огонь страсти горел в этих глазах, — но их задумчивый прищур выдавал некий тайный расчет.

...Ощувив на себе чей-то пристальный взор, Конан обернулся в тревоге, — но не заметил ничего, что могло бы вызвать подозрения привычного к опасности северянина. Вместе с отрядом эмира Дауда он двинулся по дороге, ведущей в Эссаир.

* * *

— Скажи, а как такого парня, как ты, занесло в наши края?

Правитель со свитой давно удалился, и в эссаирском дворце вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь пронзительными воплями павлинов, доносившихся из сада. Всякий раз, когда он слышал эти скрежещущие, мяукающие звуки, неподвластные, казалось, глотке ни одного живого существа, а лишь адским демонам, — Конан с трудом сдерживал желание выругаться... Но вот голоса проклятых птиц вновь затихли. Он оглядел пустынный коридор, настороженно проверяя, все ли в порядке, и наконец успокоившись, обернулся к напарнику.

— Знаешь, мне как-то говорил один мудрый

человек, что люди в большинстве своем — оседлые, как деревья, пустившие корни. Где бросили зернышко, там оно и растет... — В такой поздний час, в ночной тиши любого человека даже привычного больше орудовать мечом, нежели словами, поневоле тянет на философствования... — А другие люди, он говорил, — навряд ли перекасти-поля, нигде не задерживаются по долгу. Вот и я как раз из таких.

— А давно ты служишь в Туране? — Хаджиб любил поболтать... да и как еще скоротать время на кажущемся бесконечным ночном дежурстве?

О себе он успел рассказать северянину все: и то, что он третий сын в семействе потомственных стражников дворца эмира, и то, что отец его болеет, ибо от ветра прилетающего из хорайской пустыни, начинают ныть старые раны, полученные в боях за Эссаир в те времена, когда они еще враждовали с соседним княжеством — Мундаром. Приграничные стычки прекратились, лишь когда свою дочь Таммузу мундарский эмир выдал замуж за Дауда, — так двое правителей порешили прекратить сию бессмысленную вражду, чтобы наследник, родившийся от этого брака, унаследовал и объединил под своей рукой оба княжества...

Впрочем, вопросы высокой политики мало интересовали простого стражника. Куда больше Хаджиб был озабочен тем, что его собственная

сестра, Миртаз, вступает в женский возраст, и семейству нужно готовиться принимать сватов и собирать девине приданое...

Слушая всю эту болтовню, Конан лишь рассеянно кивал. Ему, человеку бессемейному и не обремененному никакими близкими отношениями, все это казалось далеким и малоинтересным. Он не мог даже вообразить себе, со всем пылом и нетерпением юноши, которому едва минуло двадцать пять зим, — с какой стати люди взваливают на себя такую ношу, что заставляют их отказаться от вольных странствий и осесть на одном месте, погрузиться в унылую тоску рутинной жизни, обречь себя до самой смерти ходить по одним и тем же улицам, видеть вокруг одни и те же лица... Сам он от такого существования зачах бы в считанные дни, точно дикий зверь, запертый в клетке...

— Я перекасти-поле, — вновь повторил он Хаджибу. — Где есть возможность подзаработать, где нужен крепкий меч и рука, уверенно держащая его, — туда я и иду. Был гладиатором в Халогге, промышлял в Заморе... теперь вот нанялся в гвардию Илдиза. — Он задумчиво поскреб подбородок. — Поглядим, что из этого выйдет. Не могу сказать, что мне по душе тянуть солдатскую лямку. Слишком много начальников вокруг, и каждый норовит указать, что тебе делать и как. Если найду себе занятие получше — сразу брошу это дело!

— Ну, у нас в Эссаире все же не то, что в гвардии у Илдиза, — резонно заметил дворцовый стражник. — И сам эмир тебя приветчает...

В этих словах не было слышно ни зависти, ни подковырки, и потому Конан лишь безразлично пожал в ответ плечами. Эссаирский правитель был ему по душе: крепкий вояка, чьи боевые подвиги, правда, остались в далеком прошлом... Но эмир сохранил честь и достоинство, подобающие солдату, не обрюзг, не разленился, предавшись роскоши, и за это северянин уважал его.

Кроме того, эссаирских гвардейцев не донимали бессмысленной казарменной муштрой, и отношения между начальниками и солдатами в войске были хоть и строгими, но скорее отеческими, так что понятным становилось желание Конана задержаться в этих местах подольше. Хотя рана его давно уже зажила, он пока и не заговаривал о возвращении в Аграпур.

Однако когда он поделился этими своими мыслями с напарником, тот широко ухмыльнулся и как-то двусмысленно хохотнул.

— А только ли в этом дело, приятель? Уж не некие ли черные глазки, так страстно глядящие на тебя, тому виной?.. И не алые ли губки, что улыбаются так призывно?..

Конан не сразу понял, о ком говорит Хаджиб, но когда смысл слов стражника дошел до него, северянин нахмурил брови.

— Ты слишком много треплешься, парень. Если во рту у тебя языку чересчур просторно, то я могу вбить тебе в глотку пару зубов, чтобы не болтал чепухи...

Тон его был довольно резким, но Хаджиб, похоже, ничуть не обиделся.

— Тебя никто не подозревает ни в чем неподобающем! Эрлик свидетель, я знаю, что ты предан нашему эмиру, северянин... Мы все были бы рады, если бы ты надумал наконец бросить службу в Аграпуре и нанялся к нам — хотя бы на время. У нашего господина нет причин не доверять тебе. И все же согласись, эти мундарские красотки так восхитительны...

Мундарские красотки — по крайней мере, одна из них, — и впрямь радовали глаз любого мужчины; и к тому же не один Хаджиб, но и все его приятели вот уже добрых пол-луны не уставали подначивать киммерийца, а все из-за того происшествия на пиру!..

И что только напало в тот день на эту женщину?!

* * *

Пир был устроен эмиром Даудом в честь спасения своей возлюбленной супруги из лап похитителей. Конан, в то время еще не до конца оправившийся от раны, оказался на празднестве одним из почетных гостей. Помимо него,

присутствовала вся эссаирская знать, высшие военачальники, — но также правитель не почурался пригласить и простых солдат, из тех, кто особенно отличился в этом походе.

В просторном зале для пирующих были приготовлены низкие лежа, на туранский манер. Между столов отплясывали под зажигательные мелодии танцовщицы, расхаживали фокусники, демонстрировали свое искусство акробаты... да и сами гости не сидели на месте: перемещались от одного стола к другому, общаясь то с одним, то с другим знакомым. Конан ни на миг не оставался в одиночестве. Сказать по правде, молодому наемнику привычнее и приятнее было бы общество таких же простых вояк, как он сам, с кем можно было бы поделиться воспоминаниями о походах против козгаров, о жарких битвах и неурядицах, поджидающих всякого бойца в его полной превратностей жизни... Но поскольку сам эмир особо выделял молодого северянина, то волей-неволей и знать была вынуждена следовать его примеру.

Несомненно, киммерийцу было вовсе не по душе, что эти знатные господа пялятся на него, точно на ярмарочного медведя, втихомолку обсуждая его мускулы, стать и немалый рост. Они как будто покупали его, точно породистую лошадь... Он едва сдерживался, чтобы не затеять ссору, и лишь почтение к сединам эмира Дауда заставляло его укротить свой горячий нрав.

В особенности двое из гостей стали для него причиной лютого гнева. Дородный жрец Эрлика, — бритый наголо мужчина в просторном огненно-алом одеянии, с брезгливо поджатыми губами и близко посаженными темными глазами, смотревшими на мир враждебно и надменно; а также сморщенный человечек с крючковатым носом, столь увешанный драгоценностями, что едва не до земли склонялся под тяжестью собственных одежд... позднее кто-то сказал киммерийцу, что это сам верховный канцлер Эссаира. Эти двое, ничуть не скрывая пренебрежения, кидали на Конана презрительные взгляды, подмечая, как он ест, как держит себя, и вполголоса обменивались язвительными замечаниями.

Северянин был бы рад, — раз уж нельзя вызвать этих спесивых ублюдков на поединок, — просто уйти из-за стола и вернуться на другой конец зала, где перебрасывались веселыми шутками его приятели-гвардейцы... Но сюда его пригласил сам эмир, спрашивавший сейчас Конана о том, как проходила его служба в Аграпуре, и потому киммерийцу оставалось лишь терпеть, время от времени бросая на канцлера со жрецом взгляды, полные убийственной ярости. Что касается правителя, сидевшего к этим двоим вполоборота, то он ровным счетом ничего не замечал.

Однако заметил кто-то другой.

— Любезный мой супруг, — внезапно послышался мелодичный женский голосок, перебивший эмира на полуслове. Тот с ласковой улыбкой воззрелся на принцессу Таммузу, возлежавшую на соседнем ложе. На пиру она оказалась единственной женщиной из приглашенных. — Сдается мне, мой господин, что не всем из собравшихся здесь высоких гостей понятно, почему так высоко ты ценишь этого воина. — И Таммуза долгим оценивающим взглядом окинула киммерийца, а затем улыбнулась ему.

Конан никогда не смущался, имея дела с женщинами, и улыбки на их устах видел не так уж редко. Улыбки разные — призывные, соблазняющие, такие, за которыми пытаются скрыть слезы... порой даже презрительные... В словах принцессы Таммузы не было ничего угрожающего, но от ее улыбки его невольно пробрала дрожь.

— Что ты хочешь этим сказать, зеница ока моего? — обратился к супруге эмир.

— Лишь то, мой любезный господин, что некоторые из гостей, сидящих за твоим столом, ревниво взирают на то, как ты приблизил к себе этого человека, и позволяют себе быть непочтительными с ним. Я вижу это, — и она сделала выразительную паузу, не глядя ни на кого в особенности.

Придворные испуганно замолчали.

— Ты ошибаешься, моя дорогая, уверяю те-

бя, — пожилой эмир явно чувствовал назревающий скандал, и изо всех сил пытался предотвратить его. В жилах Дауда текла горячая кровь южных владык, но старость остудила этот огонь, и сейчас более всего на свете он стремился к миру и покою. — Заверяю тебя, алмаз моего сердца: все здесь знают, как много сделал Конан для твоего спасения. Разве не он пробился сквозь сабли козгаров и вырвал тебя из их грязных лап? Разве не он доставил тебя в мои объятия? Разве не он и сейчас готов верно послужить нам в Эссаире, чтобы больше никто не смог угрожать тебе?..

— О, да, мой господин, — согласно кивнула Таммуза и, внезапно поднявшись с места, приблизилась к ложу, на котором возлежал Конан. Киммериец не успел понять, что должно сейчас произойти, как женщина неожиданно опустилась рядом с ним — и на глазах у всех присутствующих, под изумленно-шокированный шепоток придворных обвила его плечи руками. — Он истинный герой, мой господин, и заслуживает награды.

Теперь все вокруг смотрели только на них, и не за одним только столом правителя. Во всем зале повисла тишина, и Конан почувствовал на себе давление десятков пар потрясенных взглядов.

Что задумала эта красотка?! Хочет вынудить мужа вызвать киммерийца на поединок? По

восточным законам чести, у того просто не оставалось иного выхода...

А женщина по-прежнему прижималась к нему. Он уже вознамерился, даже рискуя показаться грубым, отстранить ее от себя, но внезапно Таммуза сама вскочила, легкая, словно пушинка, и засмеялась, обращаясь к эмиру:

— Ты видишь, как он надежен, мой господин? Непоколбим, словно скала. Он выдержал проверку, которую я устроила ему — на глазах у всех. Я обнимала его и дарила ласку, но он даже не взглянул на меня. Он слишком чтит тебя, мой возлюбленный супруг! — Почему-то в этих словах женщины северянину почудилась скрытая насмешка. — Ему ты можешь доверить заботу о моей чести. Мне будет спокойнее, если этот человек станет охранять женские покои дворца. Лишь тогда мой сон вновь станет крепок, и кошмары больше не будут преследовать меня...

Захлопав ресницами, она вернулась к супругу, и растроганный эмир прижал ее к груди.

— Я и не знал, что ты так страдаешь, моя красавица. Похитители напугали тебя?

— О, да, мой господин. Ты не можешь и вообразить, какого страху я натерпелась!

— Но ведь здесь, во дворце, надежная охрана.

Широко распахнув глаза, принцесса Таммуза с мольбой воззрелась на мужа.

— Прошу тебя, мой любезный господин. Этот северянин уже спас меня однажды. Я верю, что он сумеет защитить меня от любой беды.

...Так Конан стал одним из стражников, ночами охраняющих покой супруги эмира.

Нечего и говорить, что поначалу среди обитателей замка это вызвало немало насмешек и всевозможных домыслов. Сказать по правде, Конан и сам был не свободен от подозрений. Он помнил взгляд принцессы Таммузы тогда, по пути в Эссаир... И сейчас, в ее поведении на пиру также уловил что-то странное. Однако она не была похожа на женщину, жаждущую соблазнить мужчину, — и это тревожило его особенно сильно.

Если бы она просто вознамерилась заполучить его в свою постель, — он знал, как справиться с этим. Не то чтобы юная Таммуза казалась ему непривлекательной, или киммерийцу никогда прежде не случалось забираться в опочивальню к чужим женам, стоит лишь отвернуться престарелому мужу... Но к эмиру Дауду он испытывал искреннее почтение и не видел никакого смысла разрушать их дружбу столь недостойным образом. На свете полно и других женщин! И они таят в себе куда меньше опасностей, чем загадочная Таммуза...

И все же северянин по-прежнему не понимал, чего добивается от него принцесса, и пото-

му испытывал тревогу. Отчасти успокаивало лишь то, что со дня празднества он всего пару раз имел случай увидеть принцессу, и всякий раз она проходила мимо совершенно равнодушно, не удостаивая его не то что словом, но даже взглядом или кивком. Возможно, она и впрямь была искренна, и на пиру желала лишь выказать благодарность своему спасителю?.. Если так, то оставалось подождать еще совсем немного. Пройдет седмица-другая, — и все окончательно забудут о том нелепом происшествии, и глупые шутки прекратятся сами собой.

* * *

По порядкам, введенным во дворце эмира Дауда, существовало две смены стражи, которые менялись еженощно, а также две смены дневных стражников; таким образом, дежурства Конана выпадали через ночь. Это было делом неприятным и утомительным не из-за того, что предполагало некие особые усилия, а лишь по причине невероятной скуки, которой неизменно сопровождается стояние на посту. Впрочем, Конан не роптал. Пока заживало раненое плечо, он все равно был малопригоден к какой-либо иной службе, хотя и старался, невзирая на боль, тренироваться ежедневно и с луком, и с мечом, чтобы быстрее вернуть руке былую подвижность.

Кроме того он предполагал, что после того, как во дворце уляжется тревога, вызванная похищением принцессы Таммузы, жизнь войдет в привычную колею, и услуги киммерийца в качестве охранника больше не понадобятся. Эмир наверняка найдет северянину куда более интересное и ответственное занятие.

К примеру, Дауд несколько раз говорил о том, что желал бы видеть Конаца наставником своих молодых воинов, которым зачастую не хватало дисциплины, как и всем уроженцам вольных степей. Киммериец, послуживший в армии Турана, был отлично знаком с тамошними порядками и несомненно сумел бы добиться безоговорочного повиновения от эссаирских сорвиголов.

Об этом, и не только об этом, — говорили эмир Дауд с северянином несколько дней спустя после описанного выше ночного дежурства, когда занимались тем, что продолжали наводить порядок в обширнейшей эмирской коллекции оружия. Дело шло медленно, поскольку наслаждавшийся этим занятием киммериец то и дело отвлекался, чтобы испробовать тот или иной клинок на гибкость, примерить его к руке, сделать пару выпадов, чтобы услышать, как свистит в воздухе отточенное лезвие.

Здесь были и массивные аквилонские двуручники, клейменные Львом или Розой, и тяжеленные гандерские клейморы, которые мало

кто из воинов способен был поднять, не говоря уж о том, чтобы пользоваться ими в бою, — разумеется, к гиганту киммерийцу это не относилось, и он с наслаждением сделал пару пробных ударов, вызвав возгласы восхищения у эмира и его свиты.

Вдоволь налюбовался Конан и более легкими немедийскими клинками с клеймом в виде прыгающего волка. Среди наемников их так и именovali: «волчатами». Подобным мечом опытный воин способен орудовать весь день, не уставая, — клинок словно сам просится в битву благодаря отменному равновесию, хотя, по мнению Конана, «волчата» все же были слишком легкими для его мощной руки.

Не без интереса разглядывал он и оружие с далекого юга: изогнутые шемские сабли, волнообразные короткие клинки из Стигии, формой своей напоминавшие изготовившуюся к броску змею; и рукоять у них с другого конца была раздвоенной, символизируя жало кобры...

Мечи из южных королевств, короткие, сильно утолщенные к основанию, с рукоятью, покрытой замысловатой резьбой, либо обмотанной прочной кожей с выжженными на ней загадочными знаками, представляли интерес скорее для собирателя редкостей, чем для воина, ибо опытный глаз Конана сразу видел, что металл на них пошел не самый лучший, да и обработаны они — не чета мастерским клинкам

северной Хайбории. Впрочем, чего еще ждать от чернокожих дикарей...

Точно так же не глянулось варвару и оружие с Востока. Он чувствовал смертоносную силу в этих легких, не слишком длинных клинках, с лезвием, похожим на луч застывшего лунного света, — но владение ими явно требовало совсем иных умений, нежели у уроженца Запада. И потому Конан с сожалением откладывал в сторону эти удивительные мечи.

Впрочем, сегодня большую часть времени с эмиром Даудом они уделили кинжалам, которых у того в коллекции также было собрано превеликое множество. Конан, разумеется, умел пользоваться ими и всегда имел кинжал в числе прочего своего снаряжения, однако, как и всякий прирожденный мечник, никогда не считал основным своим оружием. Тут эссаирцы могли многому его поучить.

Эмир прочел восхищенному гостю целую лекцию о различных свойствах ножей, об их пригодности для ближнего боя или для метания.

Затем, по просьбе правителя, слуги внесли в зал деревянную мишень с нарисованной на ней головой демона, — и Дауд с наслаждением продемонстрировал свое искусство, всякий раз укладывая метательный нож в цель, все больше увеличивая расстояние. Конан также сделал пару удачных бросков, а затем пришел черед по-

красоваться и молодым придворным, окружавшим эмира...

Мужчины так увлеклись, громко хлопая в ладоши, сопровождая восторженными выкриками всякий удачный бросок, что совершенно не заметили появившуюся в дверях зрительницу.

— Как ты прекрасен, мой господин! Твои руки сильны, как у льва, а глаз точностью не уступает орлиному! — послышался внезапно мелодичный голосок принцессы Таммузы, и все торопливо оглянулись, склонившись в поклонах.

Принцесса медленно прошла в оружейный зал, пристально разглядывая разложенное повсюду оружие, покоившееся на бархатных подушках.

— Уж не на войну ли собираешься, мой господин, — со смехом обратилась она к супругу.

Тот горделиво распрямил плечи.

— Я должен быть способен защитить тебя, моя дорогая.

— О, несомненно, и твои воины, которых ты поставил на страже у моих покоев, на славу исполняют свой долг. — При этом взор женщины, укутанной в пестрые шелка, задержался на Конане, и северянина вновь охватило какое-то недоброе предчувствие. Он по-прежнему не мог разобраться, с какой стати эта женщина так выделяет его среди остальных. Или она все-таки пытается подать ему какие-то намеки, но

делает это столь загадочным образом, что он не в силах ничего понять?

Ясно одно: на сегодня с оружием было покончено. Откланявшись, Конан простился с эмиром. Его ждали и другие развлечения: как всегда в свободные от дежурства дни, он собирался встретиться с приятелями-стражниками, чтобы пображничать в каком-то из кабаков Эссаира, а затем, возможно, завалиться к веселым девицам из Шелкового квартала.

Однако на пути его ждала еще одна встреча.

* * *

— А, это ты, северный варвар.

Конан едва заметно склонил голову. Вовсе не поприветствовать верховного жреца Эрлика было бы непочтительно, однако человек этот вызывал у него столь неприкрытое отвращение, что рассыпаться в любезностях прямолинейный северянин отнюдь не собирался.

— У тебя какое-то дело ко мне, Ассабах? — сухо поинтересовался он. — Если нет, то лучше дай мне пройти. Я спешу.

Однако жрец по-прежнему загораживал ему проход, и как будто отнюдь не торопился в оружейный зал, откуда доносились громкие хвастливые голоса мужчин и залиvistый смех принцессы Таммузы. Он стоял, в упор глядя на Конана заплывшими от жира глазками и рас-

смастривал его, словно некое смертельно опасное животное, которое намерен рано или поздно уничтожить.

— Тебе должно быть жарко в наших южных стенах, северянин? — процедил наконец верховный жрец. — Ты никогда не думал о том, чтобы перебраться в какие-нибудь другие места?

Чем он мог так помешать этому бритому борову?.. Ни в чем и никогда их интересы не пересекались. Стражники во дворце не имели ни малейшего отношения к храму Эрлика, у которого была собственная, хоть и немногочисленная гвардия. Однако всякий раз, когда Конану доводилось повстречаться во дворце с Ассабахом, тот не мог удержаться от каких-то гадостей в адрес киммерийца.

— Ты надоел мне, жрец огненного бога, — отчеканил варвар. — Я долго терпел твои грязные речи, но Кром свидетель, терпение мое на исходе. Лучше обходи меня стороной, а не то я клинком поучу тебя вежливости.

Ничуть не уstraшенный, жрец по-прежнему испепелял северянина взглядом.

— Уезжай, уезжай прочь отсюда, чужак. Нам известно куда больше, чем ты думаешь. Не надейся, что тебе и дальше удастся оставаться безнаказанным...

Угрозы?! Этого киммериец уже стерпеть не мог. Решительным движением он отодвинул в сторону возмущенного жреца.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, и в чем обвиняешь меня, Ассабах, — рывкнул он прямо в лицо жрецу. — Эмир Дауд нанял меня на службу, и я честно выполняю свой долг. Никто не смеет указывать мне, что делать, и я уеду из Эссаира только когда сам этого захочу. Что же касается тебя, слугитель Эрлика, то вот тебе мой совет. Лучше не попадайся мне на пути, иначе вашему храму придется искать себе нового настоятеля.

Порядком разозленный, Конан продолжил свой путь. Даже когда с приятелями-стражниками они уселись в караулке вокруг бутылки превосходного хорайского вина, — сегодня друзья решили остаться во дворце, а не выходить в город, — он никак не мог избавиться от душившей его злости. Даже приятели обратили на это внимание.

— Наш северянин сегодня черен, как грозовая туча, — со смехом заметил Наджиб.

Но когда Конан рассказал им о своей стычке со жрецом, стражники лишь поспешили в очередной раз наполнить ему доверху кружку.

— Пей, северянин.

Третий их собутыльник, Солах, пожилой воин, лишившийся глаза в стычке с мундарцами, похлопал варвара по плечу.

— Жрецы везде одинаковы, вечно суют нос не в свое дело. Наплюй и забудь.

— На моей родине такого нет, — покачал

темноволосой головой северянин. — Кром — суровый и равнодушный бог. Он взирает на воина лишь однажды, при его рождении, даруя ему жизнь и волю к победе. Больше он не сует нос в дела смертных. И я считаю — это правильно...

— Возможно, — пожал плечами Хаджиб. — Хотя многим людям, слабым в душе, поддержка богов и их жрецов необходима, иначе они просто не смогут стоять на ногах. Вот почему служители культов забирают такую власть в свои руки. Наше счастье, что в Эссаире эмир Дауд не дает им совсем распоясаться.

— Ну, этого Ассабаха не мешало бы приструнить, — проворчал Конан.

Впрочем, вскоре он забыл о докучливом жреце, наслаждаясь на диво неплохим вином и обществом бывалых вояк, с которыми успел крепко сдружиться за то время, что провел во владениях эмира Дауда.

Вином и дружеской беседой они наслаждались так крепко, что ближе к полуночи осознали: на сегодня все развлечения закончены и до «веселых домов» им попросту не дойти. Прикончив остатки вина, воины завалились спать прямо в караулке, к вящему неудовольствию двоих парней, заступивших на ночное дежурство, которым, разумеется, на службе нельзя было взять в рот ни капли, и потому оставалось лишь с завистью глядеть на изрядно набравшихся приятелей.

Вскоре ночную тишину оглашал лишь богатырский храп...

* * *

Проснулся Конан еще до рассвета, сам не зная, что разбудило его. Вероятнее всего — теснота и спертый воздух караульного помещения, где пришлось провести ночь.

С хрустом потянувшись, он решил, что следовало бы все же вернуться к себе в казарму, привести себя в порядок и сменить пропахшую потом одежду. Затем можно будет позавтракать, — а там будет видно, что принесет новый день.

Однако на ночь все входы и выходы из дворца наглухо закрывались: эмир заботился о безопасности. Будь сегодня день его дежурства, любой из караульных отворил бы для Конана ворота, однако сегодня был день чужой смены и никого из дежуривших киммериец не знал.

Его вообще немало удивлял этот распорядок, с первого же дня, как он оказался в Эссаире: две смены караульных жили в разных казармах, никогда не пересекаясь между собой, не общаясь, не припадывая и уж тем более не заводя дружеских отношений. Кто-то — кажется, то был сам Дауд, или кто-то из его свиты, — объяснил Конану, что так повелось истари, когда эмиры Эссаира брали на службу

представителей двух разных степных племен, враждовавших между собой. Их нельзя было ставить на дежурство вместе, иначе, невзирая ни на какую воинскую дисциплину, могло дойти и до смертоубийства...

Так этот обычай и закрепился в дальнейшем, хотя вражда между кланами давно забылась. Осталось лишь название — смена Конана именовалась «хорезской» в честь племени хорезов; а сегодняшняя — «гурджийской».

Объясняться с гурджийцами и просить их о чем-либо северянину не хотелось. Возвращаться в душную тесную караулку — тем более. Бродить же по полутемному дворцу в ожидании рассвета, когда ворота наконец откроют — и вовсе глупее не придумаешь. По счастью, киммериец вспомнил, что один выход из дворца, тот, что со стороны кухни, уже должен быть открыт: там таскают свои ведра водonoсы и растрепанные поварята загружают дрова в бездонные топки котлов...

Так оно и оказалось. Протолкавшись через снующих во дворе челядинцев, киммериец уже начал прикидывать про себя, каким образом лучше добраться до казарм, расположенных на городской окраине, — ибо никогда прежде не ходил этой дорогой, как вдруг в спину ему донесся голос:

— Эй, северянин! Мы и не заметили, как ты вернулся. Забыл что-нибудь?

Изумленный, Конан обернулся к говорившему. Из дверей караульного помещения ему дружески помахал рукой совершенно незнакомый стражник-гурджиец. Никогда прежде он не видел этого человека.

— Это ты мне? — поднял брови северянин.

— Конечно, тебе, парень, кому же еще? Разве ты не помнишь, что мы здоровались, когда ты только что выходил за ворота? Через стену, что ли, перелез обратно? — Стражник засмеялся.

Спросонья, и после выпитого накануне, голова у Конана изрядно гудела. Он поскреб затылок.

— Я выходил? — переспросил он.

— Ну, а кто же еще?! — гурджиец, похоже, потешался от души. — Уж такого здоровяка, как ты, трудно не приметить...

Он, похоже, собирался добавить что-то еще, но внезапно словно некая сила толкнула Конана в спину. Он и сам бы не мог понять, что так встревожило его. Сейчас самое время было, забыв обо всяких нелепых странностях, спокойно добраться до казармы, соснуть еще часок-другой, чтобы разогнать хмарь в голове, затем позавтракать и отправиться на прогулку в ожидании ночного дежурства... Но усталость и сонливость вмиг слетели с Конана. Почему-то он не сомневался ни на миг, что самое главное для него сейчас — это догнать незнакомца, с которым спутали его гурджийцы.

Это было единственным объяснением. Через ворота дворца только что вышел человек, похожий на самого Конана. Кем он мог оказаться, тот не имел ни малейшего представления, но сходство явно должно было быть достаточно велико, чтобы стражники, — пусть даже в предрассветном полумраке, — спутали двоих мужчин между собой.

Конан не смог бы ответить, почему это поселило в его душе такую тревогу и предчувствие чего-то недоброго, но он слишком привык доверять своим инстинктам, и потому сейчас зашагал по улицам Эссаира, все ускоряя шаг.

Ноги сами несли его вперед, — и вскоре, далеко впереди, он заметил очертания рослой фигуры в точно таком же синем плаще, как у него самого. Человек шел не торопясь, не оглядываясь и явно точно зная, куда направляется, ибо уверенно сворачивал то в один проулок, то в другой, без колебаний выбирая дорогу в лабиринте узких городских улочек.

Конан двинулся быстрее, стараясь идти бесшумно, и начал сокращать расстояние между ними. Он уже готов был окликнуть рослого незнакомца... Но тут ему не повезло.

На узенькой улочке из подворотни прямо ему навстречу старуха-зеленщица выкатила свою тележку, торопясь до рассвета попасть на рынок. Конан невольно замешкался: им было никак не разойтись на узкой мостовой, а злобная

старуха вместо того, чтобы дать ему дорогу, хрипло закаркала на всю улицу:

— Куда тебя несет, здоровяк проклятый! Чуть с ног меня не сшиб, гнев Эрлика на твою голову! Понаехало чужестранцев, житья от вас нет!..

Конан что-то рывкнул в ответ, — и тут шедший в полусотне шагов впереди незнакомец обернулся, привлеченный шумом.

На таком расстоянии в полумраке Конан, разумеется, не мог разглядеть его лица и надеялся, что и тот не сможет узнать своего преследователя, — однако незнакомца явно что-то встревожило. Он перешел на бег, стремительно исчезая в запутанном лабиринте Эссаира.

Оттолкнув докучливую старуху, Конан перескочил через проклятую тележку, загородившую ему путь, и со всех ног кинулся вдогонку. Пару раз впереди ему удалось заметить мелькавший синий плащ, — но затем незнакомец как сквозь землю провалился.

Встав на перекрестке, северянин задумался, что же делать теперь. Резоннее всего было бы, конечно, плюнуть на загадочное происшествие. Если этот парень служит во дворце, — на что ясно указывал синий плащ стражника, — то проще всего отыскать его именно там. Стоит лишь дожждаться завтрашнего вечера...

Однако то же самое шестое чувство, что заставляло киммериец пуститься в погоню, сейчас

настоятельно твердило ему не отступать. Он и сам не знал почему, но не сомневался, что обязан как можно скорее разыскать ускользнувшего от него человека.

Впрочем, план действий был ему вполне ясен, ибо в прошлом Конану не раз доводилось использовать его. Дождавшись, когда город окончательно пробудился и вокруг забурилась жизнь, он отыскал ватагу сорванцов, возившихся в пыли и, кинув им пару медных монет, объяснил, чего хочет. Мальчишки, выслунав сосредоточенно, рассыпались в разные стороны, словно стайка проворных крысят. Еще ни в одном городе шустрая ребятня не отказывалась от возможности подзаработать и поучаствовать в каком-нибудь приключении...

Время в ожидании Конан провел в обнаружившейся поблизости таверне, за обильным завтраком и кувшином вина. Он чувствовал себя вполне бодрым, отдохнувшим и готовым к бою, когда ближе к полудню начали возвращаться его малолетние посланцы. Один из них принес долгожданную весть: рослый черноволосый мужчина в синем плаще остановился на постоялом дворе старика Ицита, в паре кварталов отсюда. Пока мальчишка провожал туда Конана, он успел добавить также, что, судя по всему, незнакомец проживает там уже добрых полторы луны. Ровно столько же, сколько сам киммериец провел в Эссаире...

* * *

Второй этаж. Третья комната по коридору... Приоткрытая дверь должна была бы насторожить Конана, но, подогреваемый нетерпением прояснить досаждавшую ему все утро загадку, он не задержался ни на миг, вихрем ворвавшись внутрь.

Мальчишка, приведший его сюда, оставил своего напарника на страже, у входа на постоянный двор, и тот клятвенно заверил киммерийца, что рослый, похожий на него незнакомец никуда с утра не выходил...

— Эй, парень, я все-таки отыскал тебя! Будешь знать, как бегать от...

Ворвавшись в комнату, Конан огляделся по сторонам. Проклятье! Неужто мальчишка обманул его, — или недосмотрел?.. В комнате не было ни души. Куда же мог удрать этот шустрый ублюдок?!

Взгляд северянина метнулся к окну, но оно было слишком узким, чтобы там мог протиснуться человек его габаритов, — или таинственный незнакомец, если уж на то пошло, не уступавший статью самому варвару.

Внизу, в обеденном зале, его тоже не было... Так где же он?

Комната была совсем невелика. Сундук для одежды у стены. Рядом — шаткий столик, кровать посередине комнаты... Но что там за ней?

Мгновенно насторожившись, Конан двинулся в обход шаткого ложа.

Темно-синий плащ, а под ним — явно очертания тела.

Недрогнувшей рукой северянин сорвал это покрывало... и встретился взглядом с остановившимися глазами мертвеца.

Первое, что он отметил — незнакомец и впрямь был очень похож на него. Та же стать, та же спутанная грива черных волос, жесткие черты лица... Вот только глаза были орехово-карими, а не синими, и нос — хрящеватый и с горбинкой, какой часто встречается у южан... В остальном же, если не приглядываться, да еще в рассветном сумраке — их двоих запросто можно было перепутать.

Хотя сейчас, разумеется, различие было очевидным. Ибо Конан был жив, — а в сердце у незнакомца торчал кинжал.

* * *

Конан потянулся вытащить оружие из раны, чтобы рассмотреть его как следует, — киммерийца заинтересовала рукоять ножа, украшенная какими-то странными символами... как вдруг внезапно странный шорох за спиной привлек его внимание.

Он обернулся рывком.

Из-под кровати стремительно выкатилась

какая-то фигура. Мгновение — и человек вскочил на ноги и бросился бежать.

Убийца!

— Стой! Стой, тебе говорю!

Конан бросился вдогонку. Он настиг негодяя у самых дверей, схватил за плечо...

Тот развернулся. В руке блеснул кинжал, метивший прямо в горло северянину. Киммериец успел отпрянуть, выхватывая меч.

Клинок был уже и в другой руке убийцы. Без единого слова он напал на варвара. Малое и большое лезвие плясали в его руках, словно застывшие языки пламени.

Драться длинным мечом в тесной комнате было не слишком удобно, — и к тому же Конан не ожидал нападения. Более того, ему не хотелось сразу прикончить незнакомца: возможно, он единственный, кто сможет объяснить, что здесь произошло, кем был убитый им неизвестный и что он делал во дворце эмира... Но незнакомец нападал на него столь яростно, что вскоре от миролюбивых намерений северянина не осталось и следа. Теперь он всерьез сражался за собственную жизнь.

Прыжок, выпад, разворот... Незнакомец орудовал в странной технике, больше полагаясь на стремительные уходы из-под выпадов и нанесение собственных ударов из самых неожиданных положений. Ни с чем подобным Конану никогда прежде сталкиваться не доводилось. Он

ловко парировал все атаки убийцы, успев стремительно обмотать плащом левую руку, чтобы защититься от кинжала, — но пока никак не мог улучшить возможности, чтобы напасть самому.

Но вот наконец подходящий момент...

Лезвие тяжеленного меча просвистело в воздухе, — однако в последний миг незнакомец сумел ускользнуть, и клинок обрушился на хлипкую столешницу, разрубая ее напополам. Во все стороны брызнули деревянные щепки... Убийца скользнул под руку северянину, воспользовавшись мгновенной заминкой, пока тот выпрастывал меч, — и нанес удар в незащищенный бок. Конан успел развернуться и отбить атаку, а затем вновь устремился на врага.

Казалось, от его выпадов сотрясаются стены. Клинки сшибались, высекая снопы синеватых искр. Лишь одно удивляло Конана: почему на шум до сих пор не сбежались постояльцы, и хозяин заведения не вызвал стражу... А мертвец на полу наблюдал за поединщиками оставившимся взглядом карих глаз, в которых застыло некое понимание, недоступное простым смертным...

Незнакомец увернулся от очередного выпада Конана, но киммериец уже чувствовал, что противник начинал уставать. Сейчас его основной задачей было оттеснить того от двери, чтобы убийца не сумел сбежать. А там... скоро он

сумеет обезоружить его, а потом свяжет и доставит к эмиру Дауду. Заплечных дел мастера выбьют у негодая признание! С удвоенной решимостью северянин вновь перешел в атаку.

И внезапно... он сам толком не понял, что произошло. В обороне убийцы, доселе плотной, как золотая сеть, внезапно наметилась брешь, как раз подходящая для рубящего бокового удара. Конан сделал резкий замах, незнакомец вскинул руки, — и внезапно стена пламени вспыхнула перед ним.

Киммериец мог бы поклясться, что огнем загорелись скрещенные клинки в руках убийцы.

На мгновение он ослеп. Еще успела мелькнуть мысль: *отступить, уйти в глухую оборону...* — но затем не только зрение, но и мысли покинули его. Киммериец рухнул на пол, лишившись сознания.

* * *

Очнувшись, он сперва никак не мог понять, где находится. Над головой было синее небо, и время, судя по сползавшему к окоему солнцу, давно перевалило к вечеру. Где-то поблизости шумел народ, стучали колеса телег по мостовой, истошно голосили ослы и кудахтали домашняя птица... Но здесь, в узком проулке, не было ни души. С трудом поднимаясь и потирая

глаза, перед которыми мелькали пестрые снолохи, Конан осознал, что находится на одной из улочек, окружавшей базарную площадь. Но как он мог оказаться здесь?

Пошатываясь, он выбрался на перекресток. Здесь, по счастью, были люди, — но все они с недоверием и подозрением косились на здорового варвара, нетвердо державшегося на ногах.

— Надо же, как набрался... — услышал голос Конан у себя за спиной. — Такие, как он, позорят эмирскую стражу...

Но сейчас с этими оскорбительными речами киммерийцу разбираться не хотелось. Удержав за шиворот пробежавшего мимо мальчишку-рассыльного, он спросил:

— Эй, парень, где тут постоянный двор старика Ицита?

Малец испуганно пожал плечами.

— Не знаю, господин. Здесь такого нет. Я слышал, где-то в другой части города... Не знаю точно, я там никогда не бывал...

Конан растерянно заозирался по сторонам. Проклятье! Что же произошло? Он не мог представить себе, чтобы среди бела дня такого здоровяка, как он, кто-то перетащил бы в бессознательном состоянии на другой конец города лишь для того, чтобы бросить в темном проулке... Наверняка здесь не обошлось без колдовства!

Но почему тогда незнакомец просто не убил его, — как сделал это с двойником самого Конана?

К реальности его вернул жалобный голосок:

— Эй, дяденька, может, все-таки отпустишь меня?

Скосив глаза, Конан обнаружил, что по-прежнему держит за шиворот рассыльного. С усмешкой он разжал пальцы, и мальчуган опрометью бросился прочь.

Искать кого-нибудь, кто видел бы, как Конан здесь очутился, было бесполезно. Если кто и заметил что-то неладное, то ничего не скажет подозрительному чужестранцу... Южане — народ замкнутый и себе на уме.

Можно было, конечно, пуститься на розыски постоянного двора, — но какой смысл? Убийца, разумеется, не стал дожидаться Конана и давно исчез отсюда. А труп... труп уж точно подождет.

Решительным шагом северянин направился ко дворцу. Пусть люди эмира разбираются с этой загадкой.

* * *

Но на входе во дворец его подстерегала новая неожиданность. Двое стражников, — не близких приятелей Конана, но все же смутно знакомых ему со времен погони за похитителями принцессы Таммузы, — выступили ему на

встречу, едва лишь киммериец появился у дворцовых ворот. Вид у воинов при этом был смущенно-испуганный.

— Мне нужно срочно увидеть эмира! — бросил он им, не обращая внимания на эту странность.

Старший из стражников замялся:

— Ты, несомненно, увидишь его, северянин...

— Что такое? — насторожился Конан. — Случилось что-нибудь?

— Похоже на то... Дело в том, что нам поручили, как только ты появишься здесь, взять тебя под стражу.

— Что?!

— Это так, — подтвердил второй стражник, протягивая руку, чтобы Конан отдал ему меч. — Извини, парень, но таков приказ самого эмира.

* * *

Сидя в тесной темной клетушке, в эссаирской темнице, Конан гадал, правильно ли сделал, что сдался без боя. Может быть, стоило оказать сопротивление, разметать гвардейцев в стороны и удариться в бег?.. Но для этого киммериец был слишком горд. Он не знал за собой никакой вины, — и к тому же считал эмира Дауда своим другом. Если случилось что-то недоброе, если кто-то оклеветал северянина, — он должен разобраться с этим и как

следует наказать обидчиков. Сбежав из Эссаира, он вряд ли сможет это сделать.

Успокаивая себя таким образом, Конан невозмутимо дожидался, пока в его темнице кто-нибудь объявится. Наверняка скоро за ним придут...

* * *

Двое мужчин, — старый и молодой, — посреди огромного зала, до отказа набитого придворными жрецами, стражниками и челядинцами, взирали друг на друга через разделявшее их расстояние с одинаковым чувством недоверия и разочарования. За себя Конан мог сказать с уверенностью: он был раздосадован тем, с какой легкостью эмир Дауд с забыл о дружбе, связывавшей их с киммерийцем, как в одночасье презрел его верную службу и помощь в спасении принцессы Таммузы, поверив каким-то нелепым подозрениям и наветам... Но вот что заставляет самого эмира взирать на северянина с таким видом, будто тот оскорбил его в лучших чувствах и не оправдал доверия... это было совершенно непонятно.

Двое дюжих стражников стояли по бокам от Конана, но хотя тот с легкостью мог разделаться с ними обоими, даже безоружным, он не собирался этого делать. Пусть сперва правитель скажет, в чем обвиняет его!

Седобородый эмир Дауд, восседавший на троне под пышным балдахином, в окружении многочисленной свиты, покачал головой, глядя на киммерийца.

— Мне жаль, что я так обманулся в тебе, человек с севера. — В голосе его звучала усталость.

Конан прищурился, чувствуя, как в душе его закипает гнев.

— По какому праву ты обвиняешь меня? — разнесся по залу его громовой рык. — Я верно служил тебе, и никто...

— Замолчи, презренный! Нам все известно! — Это вмешался казначей эмира, стоявший рядом с троном. Наклонившись к плечу повелителя, он что-то с жаром зашептал ему, а затем вновь вперил горящий ненавистью взгляд в Конана. — Мы знаем, что ты переметнулся на сторону злодеев, умышляющих похитить принцессу Таммузу. Тебя будут пытать и казнят, если ты немедленно не откроешь нам, кто стоит за этим подлым заговором!

Конан в изумлении воззрился на эмира. Так вот, стало быть, в чем его обвиняют! Но с какой стати, и на каких основаниях?

— Я спас принцессу Таммузу и никогда не имел отношения к ее похитителям!

— Это был лишь хитрый ход, — презрительно затряс головой канцлер. — Или, возможно, они подкупили тебя позже... Нет смысла отпи-

раться, чужеземец. Повторяю, нам известно все. Тебя видели, когда ты сновал по дворцу и расспрашивал стражников о том, где они несут службу и как часто сменяются посты...

Что за нелепость!

Конан обратился напрямую к Дауду:

— Господин, не ты ли сам просил меня проверить, насколько надежна охрана принцессы?! Не по твоему ли приказу обходил я посты часовых? Так почему теперь ты слушаешь бредни этого глупца?

Однако эмир лишь бросил на Конана недоверчивый, затравленный взгляд. Похоже, здравому смыслу уже не под силу было коснуться его разума, запутавшегося в тисках страха.

— Это верно, северянин... — пробормотал он наконец. — Я так и сказал канцлеру, когда сегодня он пришел ко мне с этими обвинениями против тебя. Я сказал, что ты верный слуга и не можешь замышлять худого... Но у него есть доказательства. Для тебя будет лучше, если ты расскажешь нам всю правду.

— Какие доказательства?! — взревел Конан.

Вместо ответа канцлер подал кому-то знак, и в дверях зала возникли двое стражников-гуржийцев, кажется, те самые, что нынче приветствовали Конана на воротах... Хотя в то время было еще темно, и он вполне мог обознаться.

Однако сами стражники, похоже, не испытывали подобных сомнений.

— Это он, мой господин, — поклонился эмиру старший из них, оказавшись перед Конаном. — Пламенем Эрлика клянусь, это тот человек.

Конан сдерживался из последних сил. Ему хотелось бы схватить этих негодяев за горло и трясти их, пока они не скажут правду, но что пользы могло это сейчас принести ему? Лучше все же сделать попытку докопаться до подлинного смысла этой грязной истории.

— Да, вы видели меня сегодня, — подтвердил он, обращаясь к стражникам. — Но до этого дня мы никогда не встречались.

К вящему его удивлению, стражник упрямо помотал головой.

— Этот человек лжет, мой господин, — объявил он эмиру Дауду. — Не менее пяти раз за последнюю луну мы видели, как перед рассветом он покидает дворец. На нем всегда был плащ стражника и нагрудный знак, открывающий доступ во внутренние покои... — Конан невольно скосил глаза. Да, золотая пластина с выбитым на ней знаком полумесяца красовалась у него на груди. Такая же, как у всех остальных дворцовых стражей... — И нам называли имя этого человека, Конан-киммериец. Нам известно было, что господин привез его с собой после погони за проклятыми козгарами.

— И почему же вы свободно пропускали этого человека во дворец? — елейным тоном осведомился у стражников канцлер.

Воин пожал плечами.

— Мы считали, что он несет службу во дворце. Я же говорю: у него был нагрудный знак. Мы были уверены, что он имеет право находиться там.

— Однако чужеземец никогда не нес службу в одну смену с гурджийцами! — торжественно объявил канцлер, обращаясь к эмиру. — Зачем же он приходил во дворец, если не для того, чтобы шпионить там во мраке, разведывая подходы к покоям принцессы Таммузы? Зачем... если он не на службе у похитителей?

Эмир, качая головой, обратился к Конану.

— Я не желаю этому верить, киммериец. Но не могу и пренебречь явной опасностью. Я не переживу, если лишусь моей возлюбленной супруги. Она — последняя радость, что осталась мне в этой брэнной жизни!.. Так что ты скажешь в свое оправдание, человек с севера?

По счастью, это было несложно. Хотя едва ли кто-нибудь поверит ему на основании одних лишь голословных утверждений. Однако стоит эмиру отправить своих людей на постоянный двор Ицита...

— Я знаю, это прозвучит удивительно, — ровным тоном произнес северянин. — И все же человек, которого видели эти люди, был не я.

— Мы не могли ошибиться! — воскликнул стражник. — Да и кто мог бы с кем-то спутать такого здоровяка...

— И все же это был не я... — упрямо повторил Конан. — Я видел того человека, он и правда похож на меня, и в полумраке легко ошибиться... Не знаю, в чем суть заговора, однако вам нужен мой двойник — а не я сам.

— И где же нам найти этого двойника? — канцлер с ехидцей выделил последнее слово, ясно давая понять, что ни на ломаный медяк не верит утверждениям киммерийца. Придворные в зале зашумели. Похоже, им тоже это утверждение показалось не слишком правдоподобным.

— На постоялом дворе Ицита, — пояснил северянин. — Там, в комнате на втором этаже — его труп. — И, предупреждая возможные вопросы и обвинения, поспешил добавить: — Это не я прикончил его. К несчастью, убийцу я упустил.

— Как удобно! — язвительно прокомментировал канцлер.

Эмир Дауд, приободрившись, тотчас помянул к себе одного из своих телохранителей и быстро отдал какие-то распоряжения. Теперь оставалось лишь ждать. Заметно успокоившись, Конан стал молча следить, как ползет по мраморным полам дворца солнечный луч, падающий через окно, не обращая внимания на шум и разговоры вокруг.

...Однако ожидание закончилось совсем не так, как он предполагал.

Менее чем через полчаса посланцы эмира возвратились с вестью:

— Мы отыскиали постоялый двор Ицита, господин. Комната, указанная киммерийцем, пуста, и хозяин утверждает, что у него никогда не было такого постояльца.

И тогда вперед неожиданно выступил бритоголовый жрец Эрлика в алых одеждах.

— В свою очередь я считаю необходимым добавить, — прогремел он, обвиняющим перстом тыча Конану в грудь, — что люди, по моему указанию следившие за этим человеком, не раз слышали от хозяев различных таверн, что он выпивал там с подозрительными типами, весьма напоминающими козгаров...

Ажет ли жрец, пользуясь поднявшейся неразберихой, чтобы уничтожить северянина, которого невзлюбил с первого взгляда, — или и впрямь его соглядатаи наткнулись на загадочные следы двойника Конана? Киммериец этого не знал, да, собственно, и не желал знать. Это не имело значения. Против него сплелась слишком тугая сеть.

Он устремил твердый, холодный взгляд синих глаз на смятенное лицо эмира.

— Ты можешь верить мне или нет, но я не повинен в том, в чем обвиняют меня эти люди. Ты можешь казнить меня — но знай, что казнишь невинного.

Эмир Дауд поднялся с трона. Спустившись

по ступеням возвышения, он оказался в нескольких шагах от Конана и пристально взглянул тому в лицо. Северянин постарался невозмутимо выдержать взгляд владыки.

— Я невиновен, — еще раз повторил он вполголоса.

— Я сам не знаю, кому верить. — Эмир растерянно покачал головой. — Должно быть, одни лишь боги могли бы дать нам ответ.

Внезапно он всплеснул руками и обернулся к жрецу.

— Ассабах! Если этот человек твердит нам о своей невинности, — я требую, чтобы его испытали судом Эрлика!

— Зачем, мой господин! — жрец не скрывал возмущения. — И без того очевидно, что перед нами отъявленный злодей. Мы должны попытаться его, выявив имена сообщников и казнить прилюдно, дабы неповадно было другим...

Но эмир не зря столько лет был единоличным владыкой своих земель, и пусть сейчас старость лишила его сил и прежней крепости, но все же, когда нужно, он умел проявить твердость.

— Суд Эрлика, Ассабах! Я сказал.

* * *

Конан и сам не знал, было ли это решение для него удачным. Поначалу он надеялся спа-

стись бегством, если не из темницы эмира, то хотя бы по пути к главному храму Эрлика, где должно было состояться испытание. Но повсюду кордон стражи был настолько плотным, что прорваться через него не представлялось возможным: эмир прекрасно представлял себе подлинную силу и возможности северянина и не собирался облегчить ему побег.

Солнце, подобравшееся к зениту, палило всю мощь, изливая волны жара на просторную площадь, на белоснежное с колоннами здание храма, увенчанное куполом, крытым красным золотом, на толпу людей, собравшихся перед святилищем, дабы своими глазами узреть суд над нечестивцем...

Жрецы в алых одеждах казались подобны столпам пламени, окружавшими мраморный постамент, на котором была воздвигнута огромная жаровня в форме головы рогатого демона с оскаленной пастью.

В недрах этой пасти жарко полыхал огонь.

По знаку верховного жреца, служки затянули торжественный гимн. Конана четверо стражников подвели к возвышению. Сам эмир с приближенными наблюдал за происходящим из глубин храма, укрываясь в тени колонн от невыносимого солнечного зноя.

— Этого человека судьи обвиняют в том, что он злоумышлял против престола эмира! — гулко объявил храмовый глашатай, и голос его

разнесся над головами тысяч людей, замерших в жадном предвкушении. — Он утверждает, что обвинения ложны. — Площадь издала слитный вздох, рокотом прибоя раскатившийся до самых дальних ее уголков. — Так пусть же Эрлик решит, кто прав!

Конан обернулся к толпе.

— Я невиновен! — воскликнул он, потрясая над головой скованными цепью руками.

Площадь вновь ответила слитным взволнованным вздохом.

— Я невиновен! — прокричал он громче.

Его заставили опустить руки, чтобы один из стражников ключом разомкнул цепи. Со звоном они упали пленнику под ноги. Теперь оставалось самое простое, — и страшное одновременно.

Жрецы Эрлика утверждали, что огонь их божества не сможет опалить невиновного, когда тот сунет руку прямо в горнило...

Конан точно знал, что он невиновен. Но он знал также и то, что Эрлик никогда не был *его* богом. Навряд ли Владыка Огня станет щадить сына северного бога Крома... Так есть ли у него надежда на спасение?

Чтобы хоть на мгновение оттянуть время, прежде чем сунуть руку идолу в пасть, северянин окинул взглядом толпу. Десятки и сотни лиц, одинаковых, точно маски... Алчные до чужой крови, жадные, беспощадные... Ни в одном

из них, — даже у женщин и детей, — он не видел сочувствия. Зрелище! Вот все, что было нужно этим людям...

Но внезапно взор северянина остановился на одном лице, показавшемся ему смутно знакомым. Кром! Да ведь это же тот человек с постоянного двора! Убийца двойника...

Первой реакцией северянина было закричать, указать на незнакомца... Но он тут же осознал, что в этом не будет никакого прока. Тот успеет укрыться в толпе, — да и кто станет слушать пленника?! Испепеляющим взглядом, полным гнева и ненависти, уставился он на незнакомца.

А тот неожиданно улыбнулся в ответ. Улыбнулся не издевательски, не презрительной усмешкой победителя... Скорее, вид у него был заговорщицки-сочувственный, — и, вопреки всякой логике, в душе у Конана затеплилась надежда.

Более того, ему даже показалось, — хотя на таком расстоянии он не рискнул бы утверждать наверняка, — что незнакомец подмигнул ему... А затем вскинул руку и сделал жест, в смысле которого сомневаться не приходилось.

Он показывал Конану, чтобы тот сунул руку в огонь.

Сам не зная, откуда родилась в его сердце уверенность в том, что все обойдется благополучно, Конан решительно развернулся к идолу,

из пасти которого вырывались языки пламени. Помедлив мгновение, он резким движением выбросил руку вперед.

Площадь вскрикнула.

Затем затихла.

Сперва он почувствовал жар, сильный, почти нестерпимый... Но все же северянин был уверен, что огонь не причинит его плоти никакого вреда. Он продолжал держать руку в пламенеющем горниле.

Гул начал нарастать за спиной. Жрецы с испугом на лицах подвинулись ближе, взирая на чудо, которого никак не ожидали увидеть. Человек, который сейчас должен был бы корчиться от невыносимой боли, стоял совершенно невозмутимый, непоколебимый, как скала, — и держал руку в огне.

Помедлив еще немного, пока сам эмир из недр храма не закричал: «Довольно!» — Конан с торжествующим видом вскинул руку над головой, чтобы все могли убедиться, что плоть осталась невредима.

Вопреки ожиданию, толпа хранила безмолвие. Казалось, люди на миг даже позабыли, как дышать. В гнетущей, абсолютной тишине, повисшей над храмом Эрлика, верховный жрец, побледневший, не верящий собственным глазам, через силу выдохнул:

— Огненный бог явил свою волю! Этот человек — невиновен.

И тогда площадь взорвалась восторженными воплями. Чьи-то руки тянулись к Конану, чьи-то рты выкрикивали поздравления и благословения, стражники ритмично стучали рукоятками сабель по обитым медью щитам...

— Конан!.. — послышался голос из дверей храма.

Киммериец обернулся к эмиру Дауду.

— Нет. — Он медленно покачал головой, отступая на шаг. — Моя служба окончена. Я служил тебе верой и правдой, но на это ты ответил неверием и неблагодарностью. Берегись же, эмир, так ты растеряешь всех преданных людей и останешься с обманщиками и лстецами...

Не говоря больше ни слова и не слушая оправдательных речей правителя, Конан медленно двинулся прочь. Толпа расступалась перед ним, и лишь руки тянулись к мощной фигуре северянина, чтобы хоть мельком, слегка коснуться счастливого, осененного дланью божества...

Конан шагал, не обращая на них ни малейшего внимания. Шел туда, где заметил в толпе лицо таинственного незнакомца. Убийцы. И своего спасителя.

* * *

— Ты заслужил того, чтобы узнать правду, мой друг. Ты позволишь так называть тебя?

— От человека, который едва не убил меня,

да еще не один раз, а дважды, я предпочел бы услышать иное обращение, — усмехнулся Конан, наливая в кружку вина из толстобочного кувшина. — Но впрочем, можешь называть меня как хочешь. Только прости — уж тебя-то я точно «другом» именовать не стану.

Его собеседник кивнул.

— Что ж, я это заслужил. Хотя, клянусь — не намеренно.

Они сидели в полутемном зале таверны, куда незнакомец, сам отыскавший Конана в толпе, привел его промочить горло перед отъездом. Ни тот, ни другой не собирались задерживаться в Эссаире надолго, хотя, разумеется, за городскими воротами пути их должны были разойтись.

Ничем не приметное лицо человека средних лет с выдубленной жаркими ветрами кожей и пристальным взглядом темных глаз... Конан не сомневался, что надолго запомнит его.

— Но сперва, мой *не-друг*, я хотел бы узнать, кто ты такой.

— Мое имя тебе ничего не скажет, — человек пожал плечами. На нем была невзрачная одежда, какую носят торговцы средней руки... но во всех повадках убийцы Конан безошибочно угадывал воинскую выправку. — Довольно будет и того, что я — преданный слуга мундарского эмира.

— Эмир берет в гвардию колдунов? — полю-

бопытствовал Конан. — Похоже, отец прелестной Таммузы — весьма своеобразный правитель.

— Воистину так, — с серьезным видом согласился безымянный незнакомец. — Желаете убедиться в этом своими глазами? Он будет рад принять на службу столь умелого и отважного воина.

Но Конан лишь покачал головой, ничем не объясняя своего отказа. Впрочем, в этом не было нужды...

— Солнце клонится к вечеру, — заметил он чуть погодя, допивая вино. — Если ты не поторопишься с рассказом, то нам придется ночевать в Эссаире. Признаться, мне не хотелось бы оставаться здесь еще на одну ночь. Мне нестерпимее побыстрее убраться из этого города.

— И меня также ждет мой господин, — согласно кивнул убийца. — Я должен доложить ему, что задание выполнено.

— Задание? — удивился Конан. — Но какое? И зачем эмиру замышлять похищение собственной дочери?

Собеседник северянина засмеялся.

— Никакого похищения не было, мой друг. Все произошло совсем не так.

— Но кто тогда тот человек, которого ты убил? Человек, так странно похожий на меня?.. Где вы отыскиали такого?

И вновь ответом ему был смех.

— Отыскали не его — а *тебя*. Несомненная удача для принцессы Таммузы, что ты оказался так похож на ее двоюродного брата... и возлюбленного. Именно он, Иссехан, пылая горячей страстью и не выдержав разлуки, увез из дворца Дауда прелестную юную супругу эссаирского эмира, с которой состоял в кровосмесительной связи вот уже несколько лет. Но вы отбили ее у верных Иссехану козгаров...

— Любовник принцессы? — Конан озадаченно покачал головой. — Кто бы мог подумать... Так ты говоришь, их связь началась еще в Мундаре?

Безымянный собеседник печально кивнул головой.

— Да. Эта история прибавила немало седых волос моему господину. Он старался разлучить влюбленных, услаа Иссехана в Туран, а сам поспешил выдать Таммузу за Дауда... Ничто, кроме угрозы разоблачения и позора, не смогло бы заставить его прекратить давнюю вражду и выдать свою ненаглядную дочь за человека, который на добрых двадцать лет ее старше... Но эмир Мундара опасался, что среди подданных его возникнет недовольство, как только связь принцессы со своим двоюродным братом, выйдет наружу. Этим могли воспользоваться жрецы, давно уже расшатывающие основы престола... А Таммуза ничего не желала слушать. Хуже того, она и сюда сумела вы-

звать своего возлюбленного. Сперва он увез ее, обставив все как похищение, а на самом деле намереваясь бежать с принцессой в Иранистан... Когда же супруг вернул Таммузу во дворец, она придумала новый план.

Догадка вспыхнула во взоре Конана.

— Она, должно быть, замыслила это, когда впервые увидела меня! Обратила внимание, насколько я похож на ее любовника... А затем добилась, чтобы эмир назначил меня в отряд стражников, охранявших доступ в женские покои...

— Совершенно верно, — кивнул мундарец. — Принцессе было известно о том, что две смены стражников не поддерживают отношений между собой. Когда смена гурджийцев видела входящего в ворота рослого воина, на которого им указали, как на Конана-киммерийца, они не сомневались, что это ты и есть... А дальше Таммуза сама открывала Иссехану доступ в свою опочивальню.

— Но это ведь не могло продолжаться долго, — Конан покачал головой. — Рано или поздно кто-нибудь узнал бы правду.

— Да, и хвала Эрлику, что первыми были мы. После похищения принцессы Таммузы мой господин, эмир Мундара, прислал сюда меня, своего доверенного слугу: он сразу заподозрил, что похищение могло быть подстроено Иссеханом, как только узнал, что тот спешно покинул

Туран. Отыскав Иссехана, я потребовал, чтобы он прекратил преступную связь с принцессой, ставящую под угрозу союз между двумя правителями... не говоря уже о счастливом браке самой принцессы... Но Иссехан отказался.

— И тогда ты убил его, — кивнул киммериец, делая знак хозяину таверны, чтобы принес еще вина.

— А что мне оставалось?.. — пожал плечами слуга мундарского эмира. — На свете есть вещи поважнее любви.

— Политика, — с отвращением поморщился Конан.

— Называй как хочешь. — Убийца Иссехана опрокинул полную кружку вина. Похоже, он даже не чувствовал вкуса напитка, и самый крепкий хмель не брал его. — Я лишь исполнил свой долг. И Эрлик свидетель, киммериец — я рад, что не убил тебя.

— Дважды, — засмеялся Коннан.

— Да, дважды, — повторил тот. — Впрочем, уверен, что сам Эрлик не возражал бы против моего небольшого колдовства. Он справедливый бог, хотя и подвержен гневу. Он чтит истинных воинов и никогда не карает невиновных.

Таммуза была виновна. И Иссехан тоже... Из рук человека, что сидел сейчас напротив Конана, они приняли наказание.

Северянин поднялся с места.

— Ладно. Мне пора уезжать из этого города, — промолвил он твердо. — Прощай, и да хранят твои боги... друг.

Выехав за городские ворота, Конан-киммериец уверенной рукой направил свою лошадь за запад. Он ни разу не оглянулся назад, туда, где в зареве багровых лучей заката тонула каменная громада Эссаира.

Довольно с него восточной утонченности и восточного коварства! Честность и прямота стального клинка, ярость битвы, преданные друзья и горячие женщины, — вот все, что нужно настоящему мужчине...

Он во весь опор мчался к новым приключениям. Эссаир вскоре остался далеко позади. Пережитое — и почти уже забытое приключение.

* * *

Густой была ночь за окнами опочивальни, и, словно лунный свет, светилось белизной тело женщины, раскинувшейся на шелковом покрывале.

— У меня добрая весть для тебя, мой супруг и господин, — промолвила она, протягивая руки к мужу, что сидел на краю постели, с любовью взирая на принцессу.

— Любые слова твои — нектар для моих ушей, возлюбленная, — отозвался он, сжимая ее в объятиях. — Порадуй же меня своей ве-

стью... Хотя мне кажется, я уже знаю, о чем ты мне скажешь.

— О, сколь велика проницательность моего господина! Так, может, ты заранее поведаешь мне, кто родится у нас — девочка или мальчик?

Эмир Дауд улыбнулся горделиво: сколько ни было в прошлом у него наложниц, за долгие годы, невзирая на все усилия знахарей и колдунов, ни одна не из женщин так и не облагодетельствовала его младенцем... Он боялся, что Эрлик призовет его к себе, так и не изведавшим радостей отцовства.

— Это будет мальчик! — воскликнул он и вскочил. — Мальчик! Наследник, которому суждено объединить Эссаир и Мундар. Он прославит в веках мое имя!

Глаза женщины, из полумрака взиравшей на эмира, блестели от непролитых слез, но, охваченный ликованием, ее супруг не замечал ничего.

...Воистину, правы жрецы Эрлика и пророка его, Вечноживущего Тарима, когда говорят: «Нет худших слепцов, чем те, кто не желает видеть».

Я ЛЮБЛЮ КОНАНА

(эссе)

Конане я впервые услышала от своего друга Саши Вейцкина в 1988 году, когда он неожиданно-негаданно приехал в Питер.

Саша был эмигрантом. Когда-то мы дружили. Он ездил на «черный рынок» — добывал книги, в том числе и для нас с мамой. Перед отъездом в США он спросил, можно ли писать нам письма, но мама категорически запретила: я собиралась поступать в университет, и всякие подозрительные связи с эмигрантами были излишни. Мы потеряли друг друга из виду в этом огромном мире — как казалось, навсегда.

И вот после падения «железного занавеса» Вейцкин прискакал из Америки в родной город и привез с собой жену-американку. Времени у нас было мало. Говорили мы сбивчиво, сразу обо всем, с жаром хвалили перестройку и Горбачева.

Потом Саша уехал обратно в Калифорнию, а спустя месяц от него пришло первое письмо.

Мы оба любили писать письма, поэтому наша переписка сразу сделалась бурной. Я рассказывала о митингах, демократических выборах, политических скандалах, вообще — о борьбе с явлениями «застоя». Перестройка просто завораживала меня.

Саша рассказывал об Америке, о книгах, которые недавно прочитал, и почти сразу спросил, как я отношусь к жанру «героических фантазий». Я ответила — никак, поскольку понятия не имею, что это такое.

И вот тогда-то пришло письмо, содержавшее в себе «благую весть». Оказалось, что существует вполне взрослый жанр литературы, где «разрешены» и волшебство, и чудесные приключения, и удивительные города с башнями, и гоблины-гномы-феи-эльфы — и в то же время довольно откровенные любовные взаимоотношения персонажей, и жестокие сражения, и вполне серьезные мысли о моральных ценностях.

Сочетание этой сказочности с адресованностью взрослому читателю — вот что было для меня оглушительной новостью. Жанр *fantasy*, «сказка для взрослых», как бы позволял мне, вполне взрослой женщине, продолжать оставаться ребенком.

Колдуны, феи, гномы и иже с ними до сих пор были возможны только в детских книжках с их упрощенными психологическими мотивациями и слащавым языком. *Fantasy* позволяла при-

менить к сказке язык культивируемого мною тогда реализма и описывать как гномов-троллей, так и всякую магию предельно «реалистически», без каких бы то ни было скидок на условности сказочного жанра.

Я написала восторженное письмо о тридцати вопросах по поводу новооткрытого континента. *Fantasy* знаменовала для меня свободу творчества в полном смысле слова. Реализм, как критический, так и «магический» (а-ля Маркес) упорно мне не давался; что до научной фантастики, то меня от нее тошнило. Ну не любила я нуль-физику и вообще физику (и до сих пор не знаю законов Ньютона). Не увлекалась звездолетами и бластерами. Совершенно не приветствовала построение коммунизма в отдельно взятой галактике. Историю любви героя-звездолетчика и красивой синекожей инопланетянки именovala «розой-мимозой», а потуги отечественных фантастов «предостеречь» сограждан от грядущей компьютерной угрозы находила смехотворными. Именно в те годы магазин «Телевизоры» недалеко от Невского потряс мое воображение тем, что вместо телевизоров предлагал покупателю... веники! Натуральменте: черные железные полки, а на них вместо телеаппаратов — жидкие ряды одинаковых веников. Какая уж тут, к чертям собачьим, «компьютерная угроза»!

И еще безмерно раздражали почему-то имена. Героев-звездолетчиков всегда звали славянски-вычурно: Гремислав, Ярополк, Дар-Ветер («Дай-Рубль», острил кто-то)... Или по-американски

(мол, тоже можем!): Фрэнк, Стив... Женщин-лаборанток, напротив, — по-родному просто, чтоб веяло заботой и домашним теплом: Катя, Наташа. Изредка попадались более изысканные женские имена — Алевтина, Майя (для женщин — научных работников, особенно с темой диссертации, «перпендикулярной» выводам начальника экспедиции).

«Гремислав! Где ты?» — громко позвал Фрэнк, и сердце Алевтины упало: неужели беда?..

Жанр «меч и волшебство» навсегда избавлял от обреченности на эту крошку. Выдумано — все. И имена, и мир, и условия игры.

Сапа писал мне: «Я совсем не смеюсь, что ты не знала о героических фантазиях — ведь их не переводят на русский язык, хотя на Западе этот жанр процветает уже сорок лет. Я ведь и сам узнал о нем совершенно случайно. Был (наверное, он есть и сейчас) в Ленинграде «фантастический самиздат» — переводились с английского книги (фантастика и героические фантазии), затем перепечатывались и размножались среди любителей этого жанра. Увы, я все раздал перед отъездом... Конечно, жанр героических фантазий немногочислен, многие характеры упрощены. И все же — какую огромную фантазию надо иметь, чтобы создать таких сказочных и в то же время совершенно живых героев: гномов, троллей, фей, колдунов, волшебниц и рыцарей... Я могу просто утонуть в этих книгах, настолько интересно они написаны. Вот так сидеть в кресле и читать, читать, читать...»

О, как жгуче я завидовала! Я уже все-все знала о Конане — Сапином любимом герое: о его внешности и нелегкой судьбе, невероятной силе и бесконечных испытаниях, о встречах с колдунами (а магов всех мастей прямодушный варвар терпеть не может!), о том, что с женщинами Конан — «настоящий джентльмен», хотя и «ловелас отменный»...

Воспитанная на русской классике, я, естественно, заинтересовалась жизненной философией Конана. Сапа ответил, что «смыслом жизни» Конан, увы, не занимается. Идеалы Конана просты: свобода и стремление к наживе, а попутно — борьба с магией, особенно черной. Это, кстати, тоже потрясало: главный герой, оказывается, вполне способен полноценно существовать вне проблем освободительного движения!

Вот письмо Саши Вейцкина, которое буквально перевернуло мою жизнь (1989 год) — привожу его практически полностью:

* * *

«Ну а теперь, с твоего позволения, я посвящу это письмо Конану (ударение на первом слоге).

История создания героя. В начале 1930-х годов писатель-самоучка Роберт Говард начал писать для журнала фантастики WEIRD TALES («Странные истории») повести о герое-варваре Конане. Они стали популярны, и Роберт Говард написал 18 повестей о Конане. Сегодня они все опубликованы, и к ним добавилось еще не менее двадца-

ти повестей, написанных разными писателями, но все о том же герое-воине. Почти каждый год выходит очередная книга.

Жанр героических фантазий и был, собственно, открыт Робертом Говардом. Ну а сегодня SWORDSPLAY & SORCERY («Меч и волшебство» — другое название жанра) очень популярен.

В США есть и «Клуб любителей Конана» — CONAN FAN CLUB. Штаб-квартира этого клуба находится в городе Томс Ривер, штат Нью-Джерси. Годовой взнос — 10 долларов, и в течение этого года тебе высылаются разные журналы, в которых более подробно описываются жизнь и приключения Конана — нечто вроде его биографии по датам; рассказывается об обычаях и правилах тех земель, где путешествует Конан; печатаются интервью с писателями — авторами новых романов о Конане и т.д. Клуб принимает заказы на сувениры с изображениями Конана, футболки с картинками Бориса Вальехо — иллюстрации к романам о Конане. Основан этот клуб четыре года назад. Это, скорее, клуб по переписке. Мне прислали даже фирменную почтовую бумагу — наверху листа изображен меч, прорезанный через имя CONAN.

История героя. Конан родился в северном царстве Киммерия (нечто вроде Скандинавии, только девять тысяч лет назад; все государства этого мира вымыслены, и действие происходит вскоре после исчезновения Атлантиды и Лемурии, легендарных континентов). В возрасте девяти лет он уже умел владеть мечом и луком, а к

пятнадцати годам становится профессиональным воином на службе у одного из вождей Киммерии.

Родился Конан в семье кузнеца. На селение, где он жил, напали враги, перебили всех, кто сопротивлялся, а оставшихся в живых увели в рабство. В 17 лет Конан благодаря силе и умению владеть мечом использовался хозяином в роли гладиатора. Хозяин заключал выгодные пари на победу Конана. В том же году 17-летний Конан сумел сломать цепь и сбежал от рабовладельца — стал свободным человеком и начал странствовать по свету.

Он пережил множество необычайных приключений и побывал в более чем десяти странах. Конан высок ростом — около двух метров, у него темно-русые длинные волосы, широкие скулы, ярко-синие глаза. Конан по закалке — спартанец и привык переносить лишения. К каждой книге о Конане приложена карта древнего мира, в котором он живет (я ее посылаю в этом письме).

На одном месте Конан не задерживается больше, чем на месяц. Конан очень силен. Его называют «мускулистым гигантом-варваром из далеких северных стран». В одежде он весьма неприхотлив — туника летом, шкура волка или медведя зимой, вот его основная одежда.

Между прочим, Конан — большой ловелас, и в каждом городе у него много веселых подруг. Правда, надо добавить, что в отношениях с женщинами он всегда вежлив и галантен, настоя-

щий джентльмен. В разных странах и городах-государствах у него всегда много друзей. А к сорока пяти годам Конан становится королем Аквилонии.

Религия. Основные боги Севера, в которых верит и Конан, — это бог-создатель Кром и злое божество Эльрик. В разных странах Хайборийского мира, где путешествует Конан, — свои боги. Например, в Шадизаре процветает культ паука, а в Шеме — змеи-богини. «Смыслом жизни», боюсь, Конан не занимается. Его жизнь проста — золото в кармане, вот и все, о чем он мечтает. Хотя Конан был и контрабандистом, и вором, он никогда не пятнал себя предательством.

Этот жанр меня просто захватывает, хотя сюжет бывает и незамысловат, а поступки и мысли героя просты. Но есть у Конана и совершенно чудесные качества: мужество, честность, щедрость, милосердие к слабым, нежность к женщинам. И еще — немного грубоватый, но очень добрый юмор... Иногда я забываю, что это только фантазия, и начинаю по-настоящему верить, что девять тысяч лет назад действительно были такие страны — Киммерия и Туран, Шем и Вендия... И в те далекие времена магия была частью реальности, и живы были храбрые воины, спасавшие прекрасных девушек и встававшие на защиту городов от злых магов и демонов... Помоему, во всем этом есть что-то чудесное, экзотическое, очень сказочное — и вместе с тем реальное...»

* * *

Лучше, чем Саша Вейцкин, об этом, пожалуй, и не сказать.

К огромному письму, посвященному исключительно Конану («прожужжал я тебе все уши Конаном — прости, уж очень люблю этого героя»), Саша приложил ксерокопию карты Хайборийского мира, где путешествует герой-варвар.

Все гениальное оказалось так просто. Взять и сочинить альтернативный мир. Не другую планету, заметьте, где обязательна другая экология, другая эволюция и читатель все время принужден подавлять в себе нездоровый расизм по отношению к гуманоидам с зеленой кожей, желтыми глазами, шестипалыми руками и небольшим хвостиком-баранкой (дескать, тоже люди!). Нет — это наша Земля, только — как бы это поточнее — параллельная теперешней. Альтернативная.

(Теперь-то я знаю, что Говард базировался на теософских идеях о погибших сверхцивилизации Атлантиды и Лемурии, но какое это, в общем-то, имеет значение! Писатель может хоть какую идею приспособить к своей художественной задаче. И не идея будет доветь, а писательское сознание с легкостью переварит ее и превратит в роскошное удобрение для пышных цветов своей фантазии.)

Сколько впоследствии «карт миров» я перевидала! И все они были невыразимо скучны: «Дикий Лес», «Деревня Холмы», «Река Драгонро-

ад»... (На всю планету — одна река и одна деревня!) Но все это будет еще нескоро, а пока: зря перестройки, на Ленинград надвигаются талоны на продукты питания и мыльно-моющие средства, по ночному телевизору распаивает перед слушателями альтернативные исторические миры великий и старый Лев Гумилев, а у меня на столе — ксерокопия карты альтернативного литературного мира с тщательно надписанными русскими переводами волшебных названий: Аквилония, Стигия, Шем...

В письмах Саша рвал и метал. Он готов был хоть сегодня прислать мне пачку книг о Конане, но я не знала английского языка и все равно не смогла бы их прочесть. Мой немецкий оказался абсолютно бесполезен. Я уж собралась было выучить английский, но тут неумный Вейцкин добрался до нескольких книжных магазинов в Германии и заказал там пяток книжек на немецком. Оставалось одно: ждать, пока это сокровище попадет в мои цепкие жадные лапки...

* * *

В одном из писем Саша Вейцкин спросил: «Что такое видеосалон?» О, эти скоротечные порождения перестройки, эфемерные мотыльки авантюрного бизнеса! «Уж сколько их упало в эту бездну!» Пооткрывались повсюду — в подвалах, спешно осушенных и кое-как покрашенных, при домах культуры и кинотеатрах. Один — совсем недалеко от моего дома — настоящий подваль-

ный застенок, узкий темный лаз, отгороженный от сырых стен чахоточной, от рождения выпукло-вогнутой фанерой, мрачное помещение, где находились стулья и водруженный на штангу телевизор. Больше всего он напоминал насаженную на шест квадратную голову.

Голова, однако, была волшебная. Она говорила и показывала. Сквозь ядовито-розовые разводы мелькали супер-яркие краски. Голос «короля русского полипа» монотонно гнусавил: «Где эта сволочь Коннор. Иди ты к черту. Я тебя уничтожу. Ничтожество. Бежим скорее. Ты хватай вот это, для тебя... нам это пригодится вполне». Существовали легенды о том, что голос принадлежит известному артисту, а гнусавит нарочно — чтобы не дознались, кто переводит, ибо весь видеоматериал был, естественно, краденый.

В те времена дети неожиданно заговорили совершенно устаревшим школьным арго. Например, много лет уже никто не говорил вместо «хорошо» — «зыко», «зыкинско». Так выражались мои сверстники году в 1974-м. И вдруг старое арго вернулось. «Ну, зыко он его!..» Впоследствии я нашла объяснение этому явлению. Мультики, которые изобильно шли в видеосалонах, переводились как раз моими ровесниками, а они, видимо, решили придать своим переводам «детский колорит» и воспользовались старыми школьными воспоминаниями. Восприимчивая детвора охотно переняла у своих любимцев, придурковатых птичек и мышек, манеру выражаться.

Заборы и водосточные трубы обклеивались объявлениями, чаще всего написанными от руки: «Ломовой боевик!», «Убийственные ужасы!», «Душераздирающая драма!», «Эротический кошмар НАГАЯ СРЕДИ КАННИБАЛОВ!»

Я искала «Конана». А он, как назло, нигде не шел. Наконец отыскался — в видеосалоне ДК им. Орджоникидзе, во глубине Васильевского Острова. Как я ждала встречи с этим героем! Ехала и думала: не достанется билетов, слишком уж хочу. Однако билеты были. Вообще народу, желающего посмотреть «Конана», оказалось не так уж много. До сеанса оставался час. Я бродила по дальним линиям Васильевского Острова, мимо сухогруза «Вайгач» (о, каторжное название!), по фантастическому миру, где вполне можно встретить тень квартировавшего здесь и здесь же потерявшего рассудок художника Федотова («Свежий кавалер», «Анкор, еще анкор!», «Вдовушка», «Завтрак аристократа»). Точнее всего охарактеризовал здешний пейзаж один забытый поэт:

Зданья лепятся друг к другу
Всех родов архитектуры.
Бродят спившиеся с кругу
Даровитые натуры.

Наконец подошло время смотреть «Конана»... и в последний миг этот фильм заменили на «Терминатора»! Я едва не разрыдалась. Я беспомощно взывала: «Как же?.. А ведь говорили?..» Ушлые ребята-прокатчики бойко утешали, как

могли: «Да что вы, в самом деле, так расстраиваетесь. Это почти то же самое, что и «Конан». Тоже боевик, тоже Шварценеггер... Великолепный фильм, получите огромное удовольствие...» Я безутешно мотала волосами и всхлипывала: «Нет, не то же... не то же...» Однако смотреть «Терминатора» все же пошла.

В этом немудрящем фильме я отыскала большое число глубин, которых там, вероятно, никогда не было. В частности, приписала автору сценария знакомство с Пушкиным (влияние «Гаврилады» на сюжет: несущий Матери благую весть сам в конце концов оказывается отцом будущего Спасителя). Монументальный, несгораемый Арнольд Шварценеггер не произвел на меня впечатления, зато глубоко тронул Коэл (Майкл Бин) — главный герой, вестник и он же отец спасителя. В фильме хорошо показана разница в том, как относятся друг к другу просто люди, современники, живущие в 1984 году (время действия фильма), как относится к людям пришелец из безотрадного будущего — из того будущего, где власть на земле захватили роботы, а люди ведут против них отчаянную войну. Он к каждому человеку относится с глубокой любовью, трепетно. Для него не существует «плохих» людей. Он слишком хорошо знает, насколько хрупким является человек, насколько ценна любая человеческая жизнь.

Великолепно показана полная беспомощность перед Терминатором полицейских-84 — и довольно умелая, привычная оборона Коэла, чья

жизнь протекала в войне с роботами. Вообще пришелец из другой жизни — действительно *другой*, внутренне другой. Например, ему органически присуща жертвенность, умение жить ради более высокой цели, нежели собственное благополучие.

В «Терминаторе-2» подобный характер — у персонажа Шварценеггера. Я думаю, Великий Арни в принципе не любит играть гадов.

Примечательно, кстати, что сходным же — непростым — образом воспринимает этот фильм и признанный современный апологет «православного мракобесия» — диакон Андрей Кураев, человек моего поколения (мы родились в один год).

* * *

«Православные публицисты обычно ругают американское кино. Но слишком уж черно-белым и неумным выглядит деление всего мира на «наше», «русское», «духовное» — и «американское», «дурное», «антихристианское»...

Когда в «Терминаторе-2» биоробот из будущего (персонаж Шварценеггера) погружается в кипящую сталь на глазах у спасенного им мальчика — имеем ли мы право сказать, что перед нами проповедь антихристианства? Терминатор уничтожает себя — чтобы никакая из составляющих его деталей не досталась тем, кто пожелает воспроизвести подобного ему робота и использовать его в качестве супероружия. И в сознании детей,

смотревших этот фильм, остается плачущий мальчик, смотрящий на зашитившего его странного друга — и рука Терминатора, постепенно погружающаяся в лаву и прощально поднимающая большой палец... Разве не легче будет после этого рассказывать детям о Евангелии и о той жертвенной этике, что возвещается им?»

(«Школьное богословие», глава «Фильм о «Титанике»: взгляд богослова»).

* * *

Я вышла из видеосалона очарованная. Хлестал ливень. Заканчивалось лето, а впереди по-прежнему ждала встреча с Конаном, и я знала, что она не за горами. Я сняла красные бархатные туфельки — лучшие свои туфельки, в которые вырядилась ради Конана! — и пошла домой босиком, бесстрашно наступая прямо в теплые разлинные лужи.

Вторая попытка посмотреть «Конана» оказалась такой же безуспешной: фильм опять заменили — на «Рыжую Соню». («Король русского полипа» бесстрастно переводил: «Красная Соня. Очнись. Не время спать теперь».) Шварценеггер в этом фильме играет второстепенную роль принца по имени Калидор.

Просмотры такого рода неизменно связаны были с необходимостью сохранять серьезный, даже мрачный вид и глядеть поверх голов, ибо девяносто девять процентов посетителей подобных сеансов — дети.

Топтаться в ожидании начала показа по пузырящемуся линолеуму, в унылом и тесном подвале.

У закрытой двери в зрительный склеп (залом не назовешь) — толпы шестиклассников. Докуда дотягивается кулак, дотуда и дерутся. Беседы — соответственные. И я, великовозрастная тетьа, стою — глаза заведены к ржавому потолку, на лице отрешенность.

Но вот закончился предыдущий сеанс — мультфильмы. Мальчишки, взревев, рванулись к входу.

— Дайте людям выйти!!!

Тоненькой струйкой просачиваются наружу из склепа младшеклассники.

— Хм! «Люди»! Мелкота...

— Витька! Второй ряд забивай!

— Фигли второй? Первый!

— Первый несолидно...

Я не люблю смотреть трогающие меня фильмы прилюдно — в кино, в видеосалоне, в компании. Но иногда в этом была своя прелесть. Помню, во время просмотра фильма «Вспомнить все» («Возвращенные воспоминания») Шварценеггера хватают злые гады и, одолев, приковывают к креслу — пытаться. Сидевший рядом со мной мальчик весь напрягся, подался вперед и в забытии прошептал:

— Конан! Не сдавайся!

Да. Любой фильм со Шварценеггером был, в сущности, фильмом о Конане.

* * *

В середине того же 1989 года Саша прислал мне альбом «Искусство DRAGONLANCE».

Никогда в жизни я не видела таких красивых картинок. Я выросла в Ленинграде, пять лет посещала кружок для школьников при Эрмитаже, я привыкла к шероховатости, горьковатости подлинного искусства, к тому, что полотна великих мастеров могут взволновать самые возвышенные чувства, затронуть самые сокровенные глубины души. Нас учили различать красивую модель и прекрасный портрет (который может изображать и урод, и дряхлого старца).

Искусство DRAGONLANCE несло в себе нечто совершенно иное. Оно как бы ласкало самую поверхность души, предоставляя ей любоваться откровенной красотой. Оно разрешало любить в искусстве именно красивую модель, а не прекрасный портрет.

Я часами сидела над этой книгой, вглядывалась в образы героев — Китиары, Тассельхофа, Карамона, Рейстлина, Стурма... Пыталась разгадать тайну их жизни, их взаимоотношений, пройти их путями по заколдованным мирам... Пыталась понять: что они чувствуют, такие красивые, погруженные в такой удивительный, волшебный мир? И что бы я не отдала в те дни за возможность прочесть о них в книге — со всеми подробностями! Я пила кофе и грезилась над картинками...

...Спустя два года в редакцию издательства

«Северо-Запад» придет молодая женщина, одетая в брючки и мужскую рубашку, с волосами, забранными в жидкий хвостик, и скажет: «Я — переводчица с английского, только пожалуйста не надо этих ваших Джойсов — какая гадость! — а дайте мне лучше Конана».

«Она была единственной, кто прямо и честно, с порога, заявил, что любит Конана, а от вывертов постмодернизма ее тошнит», — впоследствии говорил мне главный редактор Вадим Назаров.

И в редакции ей дали переводить первую трилогию DRAGONLANCE. Имя переводчика на книге значится — Галя Трубицына. Это псевдоним. На самом деле DRAGONLANCE перевела Мария Семенова, знаменитая писательница, автор «Волкодава», которого Назаров в пароксизме восторга назвал «русским Конаном».

В чем же тайна непобедимого обаяния fantasy — фильмов, иллюстраций, персонажей, книг?

Мне и прежде доводилось исследовать феномен воздействия на читателей такого рода литературы. Я даже написала трактат: «Монризм — романтизм эпохи научно-технической революции». Этот трактат я представила в университете на кафедре стилистики (факультет журналистики), где мне едва не засчитали его за дипломную работу (в последний момент отказались — из-за специфичности терминологии). Я называю этот пласт художественной литературы «монризмом» — по имени великого графомана Керка Монро. О Керке Монро можно сказать, что это собирательный образ писателя совершенно опре-

деленного толка. В данном случае его имя выступает для обозначения литературного явления, обозначить которое иначе я не умею. Постромантизм? Тэзсэровская литература (по фирме TSR, которая выпускает DRAGONLANCE?) Говардизм — по имени Роберта Говарда? В общем, «монризм». Кстати, один из Монро тоже писал романы о Конане, и с ними теперь вполне можно ознакомиться.

Ниже я изложила главные положения этого трактата.

* * *

Основные черты «монризма»:

1. Он не имеет никакой опоры в жизни. Жизнь давно ушла в перед. В быту и общении тон задают реализм и модернизм. Совершенно иные слова составляют язык эпохи. Романтический способ говорить и жить выглядит смешным, детским и наивным.

2. Романтизм — это серьезное литературное и общественное явление. Монризм — это «просто так». Романтизм первичен по отношению к монризму, подобно тому как Печорин — настоящий романтический герой — первичен по отношению к Грушницкому — карикатуре на романтического героя. Монризм — это вторичная литература, не сделавшая никаких принципиальных открытий.

3. Романтики были сильными людьми, революционерами, общественными деятелями, они

воздействовали на жизнь, их героям подражали многие (Рылеев, Байрон, Гюго...) Монристы — люди слабые, они не воздействуют на жизнь, а бегут от нее.

4. Романтик относится к своему творчеству как к настоящему делу, достойному уважения и внимания. Монрист, отлично сознавая, что его произведения второсортны, работает с некоторой ухмылкой. В.О.Ключевский говорил, что «тайна искусства писать — уметь быть первым читателем своего произведения». Читая свои произведения, монрист не может не ухмыльнуться. Ирония — вот что спасает его от глупости и самодовольства. Монрист слегка насмешлив. И все же он привязан к своим героям, он любит их и не писать не может.

В 1922 году вышел замечательный роман Рафаэля Сабатини *«Одиссея капитана Блада»*, несомненно, принадлежащий к литературе монризма, лучшим ее образцам.

«В его душе боролись два чувства, — пишет Сабатини, — святая любовь, которую он в продолжение всех этих лет питал к ней, и жгучая ненависть, которая была сейчас в нем разбужена. Крайности сходятся и часто сливаются так, что их трудно различить. И сегодня вечером любовь и ненависть переплелись в его душе, превратившись в единую чудовищную страсть».

Узнаете ли вы знакомый патетический стиль? Но кто в 1922 году говорил таким языком? Первичная литература переживала опыт мировой войны и революции, пытаясь запечатлеть все

так, как было на самом деле. А монрист создает образ капитана Блада, не имеющий никакого отношения ни к войне, ни к революции. Конечно, если очень постараться, можно найти в романе изображение истинного лица капитализма в эпоху первоначального накопления, но все же, думается, не это в романе главное.

Сейчас, когда прошло более восьмидесяти лет, вполне уместно задать вопрос: что читают больше — *«Огонь»* Барбюса или *«Одиссею капитана Блада»*? Все-таки *«Одиссею»*, начисто оторванную от актуальных проблем современности. Я совершенно не хочу умалять достоинств реалистической литературы. Просто на этом примере видно, что монристские произведения могут оказаться значительными. В чем секрет? Думаю, в том, что потребность в романтизме бессмертна.

И еще одно, бесценное: монризм уводит в детство, в мир удивительных воспоминаний.

Можно презирать монризм. Но стоит ли? Отрекаясь от него, вы отрекаетесь от тех лет, когда бегали с перьями в волосах и стреляли из лука в своего лучшего друга.

В одном из романов Ремарка герой видит книгу Карла Мая, которая лежит в машине, и с нежностью думает о человеке, который ее читает. Шофер говорит, что книга принадлежит хозяину, хозяин же кивает на шофера: мол, это он балуется. «Струсил», — думает герой, и сразу оба — и хозяин, и шофер — становятся ему неприятны.

«Мы глядим на город и на длинные ряды то-

полей, под которыми мы когда-то строили палатки и играли в индейцев. Георг всегда был предводителем, и я любил его, как могут любить только мальчишки, ничего не знающие о любви.

Взгляды наши встречаются.

— Брат мой Сломанная Рука, — улыбаясь, тихо говорит он.

— Победитель, — отвечаю я так же тихо.

(Ремарк. «Возвращение»)

Ремарк никогда не был монристом, но отречься от монризма не захотел.

Существует целый ряд произведений, которые были написаны более или менее серьезно, но воспринимаются как монристские. Майн Рид, Брет Гарт, Жюль Верн, Фенимор Купер, Александр Дюма — все это писатели-«предмонристы». Какая-то опора в жизни у них еще была, особенно у Брет Гарта, но именно их стиль, их сюжетные приемы разрабатывались монристами впоследствии так тщательно, что и на этих писателей утвердился взгляд как на монристов.

В самом деле, если исходить из восприятия книг двенадцатилетними, то в одном ряду стоят «Всадник без головы», «Оцеола — вождь семинолов», «Три мушкетера», «Пятнадцатилетний капитан», «Одиссея капитана Блада», «Черный корсар», «Томек на троне войны», «Сердца трех», «Последний из могикан», «Капитан Сорви-голова» и т.п. Одни произведения — чисто монристские, другие написаны еще тогда, когда романтизм не ушел окончательно из жизни людей, но есть нечто общее в том, как 12-летние относятся к этим книгам. В

них играют! В «Собор Парижской Богоматери», в «Консуэло», «Джен Эйр» не играет никто. Поэтому, оговариваясь, мы причисляем этих авторов к монристам.

Итак, монризм возникает на основе романтизма. Он использует его стиль, его тип героя, его построение сюжета. Монризм опирается на потребность людей (особенно детей) в ярком и сильном. Иными словами, монризм — это романтизм нашего сурового технического века.

Обычно человек, впервые приобщаясь к чтению (независимо от того, является ли этот человек ребенком, которому надоели детские книжки и захотелось прочесть «настоящий толстый взрослый роман», или же это взрослый, выучившийся, выучивший грамоту «по вывескам») — этот человек, как правило, начинает читать именно монристскую литературу.

«К полуночи, когда Данило, лежа на дровах, разразился лошадиным храпом, Павел, облазив с масленкой весь двигатель, вытер паклей руки и, вытащив из ящика 62-й выпуск «Джузеппе Гарибальди», углубился в чтение захватывающего романа о бесконечных приключениях легендарного вождя неаполитанских краснорубашечников...» (Н. Островский, «Как закалялась сталь»)

Литература, как известно, оказывает на человека (если он читает) огромное влияние. «...Поэт создает новый опыт, запечатлевая в читателе образ никогда не виданного ранее мира», — пишет М. В. Нечкина.

Кроме того, именно монристская литература

впервые говорит с ребенком о таких серьезных вещах, как честь, мужество, любовь, смерть. Казалось бы, наивность изложения этих вопросов беспредельна, решение их упрощено, но человек, впервые начавший читать, не видит этой наивности. Для него чудо — печатное слово. Восклицательные знаки, которые насмешили бы любого реалиста, жгут его сердце. Заслуга литературы монризма в том и состоит, что эти проблемы решаются в пользу чести и мужества. Начав подражать героям монристских книг, человек уже не позволяет себе бесчестных поступков. С годами, впрочем, это может пройти.

Из ответов пятиклассников на литературную анкету. «Какие качества ваших любимых героев вы хотели бы перенять?» — «У своего любимого героя Спартака я перенял мужество и благородство», — написал один мальчик (сейчас это детский врач и очень хороший поэт).

Литературное произведение, даже не слишком хорошо написанное, должно быть моделью действительности, ее схематическим повторением.

Существует понятие игровой модели, т.е. действительного поведения в условных обстоятельствах. Человек, принимающий участие в создании игровой модели, ведет себя по-настоящему в условных обстоятельствах, которые только имитируют настоящие. Военные маневры, тренировки спортсменов, обучение водителя машины на полигоне — все это виды игровых моделей, когда имитируется жизненно важная ситуация и человек, ничем не рискуя, вырабатывает опреде-

ленные навыки, нужные ему в настоящей, а не условной жизни.

Произведение литературы, заставляя нас сопереживать, добивается аналогичного результата. Человек читает, сидя в кресле, у лампы, в теплой комнате. Герой романа бежит с каторги, спасает женщину, страдает, радуется, ненавидит, любит, хоронит друга. Читатель погружен в мир эмоций этого героя, он начинает чувствовать и страх, и отчаяние, и счастье, и ненависть, и любовь — все, что пережил герой, о котором он читает. Для этого ему не понадобилось бежать с каторги и т.д. Он по-прежнему сидит в кресле у лампы. Но в его духовный мир уже вошли все те чувства, которыми полон роман. Это и есть настоящее поведение в условных обстоятельствах.

В чем же тайна? Работа академика М. В. Нечкиной, на которую я хочу сослаться, так и называется: «Загадка художественного образа».

«Художественный образ — отражение жизни, это общеизвестно. Но — удивительное дело — стоит образу попытаться вместить в себя «все» признаки жизненного явления, им отраженного, как — до предела отягощенный — он теряет полет, рушится, лишается силы.

Прежде всего — немисливо вместить в слова все присущие жизненному явлению признаки. Попробуйте исчерпать их в описании чьего-либо лица, дивана, заката, леса — легко убедиться в невозможности этого. Всегда найдется что-либо «пропущенное». Структура художественного об-

раза совсем иная. Он отражает, несет в себе, как правило, не только не все признаки, а даже просто немногие черты описываемого явления. Но волшебство их отбора состоит в том, что они, эти скупые, отображенные истинным художником признаки, вызывают в читателе представления о конечном, полнोजизненном богатстве явления. Это богатство восприятия сосредоточено в читателе, но ведает им поэт, писатель. Он знает тайну такого отбора нескольких, а иной раз и одного признака, который влечет за собой просто всё...

Функция образа с особой ясностью видна на примерах тех художественных текстов, которые составляют главное в сфере невысказанного и рождаемого лишь сознанием читателя. Маяковский умел делать это.

«Приду в четыре», — сказала Мария.

Восемь.

Девять.

Десять.

Здесь не сказано, что она не пришла. Тут ни слова не произнесено о том, что пережил по этой причине любящий человек. Но тут сказано, что она не пришла. Тут с огромной силой доведено до сознания читателя, что пережил по этой причине любящий человек...

Писатель стоит... у пульта управления! И вот по его писательской воле — нажим трех клавиш — и ток бежит сразу по трем проводам к вашему человеческому жизненному опыту.

И в ответ — вспыхивает симфония! Не три, а сто тридцать три «признака», и не только «при-

знака», а множество понятий... Лежало что-то в подвалах души, в кладовых сердца, лежало и не шевелилось, не работало. А тут волею писателя восстало из мертвых, воскресло, соотносилось одно с другим, заиграло, стало активным, нашло свое место в вашем объяснении жизни, захватило вас. Вы и не подозревали, что в вас такое сокровище.

Я хочу привести отрывок из *«Одиссеи капитана Блада»*.

Блад только что выиграл тяжелый бой, доставшийся ему ценой потери «Арабеллы», корабля, названного именем любимой девушки, корабля, с которым была связана вся его трудная пиратская судьба, полная мучительных поисков способа быть одновременно морским разбойником и честным человеком.

«Блад резко повернулся, и лорд Уиллогби только сейчас увидел страшный облик капитана. Шлем его был сбит на сторону, передняя часть кирасы прогнута, жалкие обрывки рукава прикрывали обнаженную правую руку, забрызганную кровью. Из-под всклокоченных волос его струился алый ручеек — кровь из раны превращала его черное измученное лицо в какую-то ужасную маску.

Но сквозь эту страшную маску неестественно ярко блестели голубые глаза и, смывая кровь, грязь и пороховую копоть, катились по щекам слезы».

Монристская проза никогда не отличалась хорошим языком, хотя бы потому, что она подра-

жательна. Но в том-то и заключается парадокс, что она создает образы, прочно входящие в нашу жизнь. Слезы, которые смывают пороховую копоть с лица капитана — разве мы не видим в эту минуту Блада — больше — не стоим рядом с ним, глядя, как «Арабелла» уходит под воду?

Знаменитая сцена с пролитым виски («Всадник без головы»), которая закончилась дуэлью главного героя и главного злодея, описана Майн Ридом так:

«— Тост! — закричал Колхаун, беря стакан со стойки.

— Давайте! — ответило несколько голосов.

— Да здравствует Америка для американцев и да сгинут пришельцы, особенно проклятые ирландцы!

Произнеся этот оскорбительный тост, Колхаун сделал шаг назад и локтем толкнул мустангера, который только что поднес стакан к губам.

Виски выплеснулось из стакана и залило мустангеру рубашку.

Была ли это случайность? Никто ни минуты не сомневался в обратном. Сопровождаемое таким тостом, это движение могло быть только намеренным и заранее обдуманым.

Все ждали, что Морис сейчас же бросится на обидчика. Они были разочарованы и удивлены поведением мустангера. Некоторые даже думали, что он безмолвно снесет оскорбление...

Он поставил свой стакан, вынул из кармана шелковый носовой платок и стал вытирать вышитую грудь рубашки.

В его движениях было невозмутимое спокойствие, которое едва ли можно было принять за проявление трусости, и те, кто сомневался в нем, поняли, что они ошиблись. Они молча ждали продолжения...

— Я ирландец, — сказал мустангер, кладя платок в карман.

Ответ казался очень простым и немного запоздалым, но все поняли его значение. Если бы охотник за дикими лошадьми дернул Кассия Колхауна за нос, от этого не стало бы яснее, что вызов принят. Лаконичность только подчеркивала серьезность намерений оскорбленного.

— Вы? — презрительно спросил Колхаун, повернувшись к нему и подбоченившись. — Вы? — продолжал он, меряя мустангера взглядом. — Вы ирландец? Я принял бы вас за мексиканца, судя по вашему костюму и вышивке на рубашке.

— Какое вам дело до моего костюма, мистер Колхаун? Но так как вы залили мою рубашку, то разрешите мне ответить тем же и смыть крахмал с вашей.

С этими словами мустангер взял свой стакан и, прежде чем отставной капитан успел отвернуться, выплеснул ему в лицо остатки недопитого виски...»

* * *

Конечно, в жизни не разговаривают такими длинными, хорошо отполированными фразами. Для этого людям просто не хватает дыхания.

Реалистическая проза, имитируя разговорную речь, вкладывает в уста героев короткие, отрывистые, не слишком правильно построенные фразы.

Сравните: как задирает Мориса Кассий Колхун и как задирает Пьера Безухова Долохов.

«— Ну, теперь за здоровье красивых женщин, — сказал Долохов и с серьезным выражением, но с улыбающимися в углах рта, с бокалом обратился к Пьеру. — За здоровье красивых женщин, Петруша, и их любовников, — сказал он.

Пьер, опустив глаза, пил из своего бокала, не глядя на Долохова и не отвечая ему. Лакей, раздававший кантату Кутузова, положил листок Пьеру как более почетному гостю. Он хотел взять его, но Долохов перегнулся, выхватил листок из его руки и стал читать. Пьер взглянул на Долохова, зрачки его опустились; что-то страшное и безобразное, мутившее его во все время обеда, поднялось и овладело им. Он нагнулся всем тучным телом через стол.

— Не смейте брать! — крикнул он...

Долохов посмотрел на Пьера светлыми, веселыми, жестокими глазами, с тою же улыбкой, как будто он говорил: «А, вот это я люблю».

— Не дам, — проговорил он отчетливо.

Бледный, с трясущейся губой, Пьер рванул лист.

— Вы... вы... негодяй!.. я вас вызываю, — проговорил он и, двинув стул, встал из-за стола.

Лев Толстой — реалист абсолютный и бесспорный. В этом отрывке мы видим не просто

негодяя, который намеренно ссорится с положительным героем и желает его убить (как у Майн Рида); всё настолько «как в жизни», что и Долохова не хочется осуждать бесповоротно, и Пьера не хочется оправдывать до конца. В отличие от монризма реализм имеет дело с очень сложными — потому что живыми — людьми. Монризм же занимается людьми из книг, а люди из книг всегда гораздо проще и ближе к схеме. Первичный писатель, сочиняя свое произведение, обращается к жизни, к своему внутреннему миру. Писатель-монрист, сочиняя свое произведение, обращается к книгам первичных авторов, к справочникам, к различным источникам и к своей собственной фантазии, воспитанной, опять же, книгами. Монризм вторичен, потому что основа его — не жизнь, а книги.

Создает ли образ, способный вызвать у нас «симфонию», Лев Толстой? Несомненно. При этом он обращается именно к нашему жизненному опыту: почти всем из нас случалось и намеренно злить неприятных нам людей, и испытывать бешенство по отношению к нашим мучителям.

Создает ли подобный образ Майн Рид? Странно, но — да. При этом он обращается к опыту, который мы получили из книг. Выше уже приводилось высказывание Нечкиной о том, что художественная литература непомерно расширяет наш опыт. Мы уже не раз дрались на дуэли. Назвав само это слово: дуэль, монрист вызвал у читателя поток ассоциаций. Читатель вспомнит прежде всего д'Артаньяна. Но ему и в голову не придет

Пьер Безухов. Все, что связано с реализмом, никогда не вспоминается при чтении монристских книг. Почему? Да потому что монризм и реализм — это два совершенно различных отношения к жизни, два рода восприятия, две непересекающиеся плоскости. То, что для Пьера — трагедия, для д'Артаньяна — обыденность: посчитайте, сколько человек уложил, не поморщившись, этот 19-летний юноша за несколько дней.

И все же... «Для Дюма, как писал он сам, история всего лишь гвоздь, на который он вешает свои картины, — метод распространенный, чего только не навешивали на этот гвоздь — от приключенческого романа до философской системы. Все дело, конечно, в том, какова картина. Я не знаю, достоверно ли отразил Дюма Францию XVII века, как большинство читателей я самую эту Францию представляю себе по Дюма, но картины, им созданные, привлекательны своей яркой витальностью». (О. Чайковская, «Соперница времени»).

Что-то неуловимо притягательное есть в монризме. Какие-то струны нашей души он ухитряется задеть, несмотря на выпренный стиль, на неестественность реплик, на нелогичность поступков, на упрощенность характеров...

* * *

Думаю, все это в полной мере можно отнести и к жанру *fantasy*, и в первую очередь — к романам о Конане.

Мне кажется, что читатель непременно должен быть в какой-то мере соавтором книги. «Симфония», о которой говорит М. В. Нечкина, вспыхивает в сознании в ответ на некий образ, созданный писателем.

В случае с мировой классикой это может произойти при минимальном участии самого читателя. Сиди себе и слушай, как великий органист Лев Толстой наябрыгает на органчике твоей души вполне сносную фугу. В этом отношении, как ни парадоксально, читать классику даже проще, нежели *fantasy*.

Для того, чтобы подобное произошло при чтении, скажем, *DRAGONLANCE* или тех же многочисленных романов *CONAN-SAGA*, необходима куда более напряженная, активная работа читателя-соавтора. Первым и непременным условием такого сотрудничества является любовь.

Можно ненавидеть Достоевского — как ретрограда и вообще неприятную личность; можно ненавидеть всех его героев, кроме нудного Макара Деушкина; можно не любить его стиль, атмосферу его романов, не признавать его идей; но если уж — ненавидай! — читаешь, например, «Бесов», то все внутри дребезжит, орет и в конце концов сливается в какую-то адскую, торжественную симфоническую поэму, на фоне которой еле слышно нежное, тонущее соло скрипки. И это — при тотальной нелюбви, при полной пассивности в восприятии текста.

Fantasy так ни читать, ни писать нельзя. Герои жанра «меч и волшебство» схематичны и об-

разуют триады «воин-маг-вор», иногда усложненные до гексаграммы «клириком» и «бардом» в сложных сочетаниях и взаимопроникновениях (так, Конан одновременно является и воином, и вором; могут встречаться вори-барды, клирики-маги и т.п.). Сюжеты при всей их лихости, как правило, несложны — здесь важны подробности. Мысли персонажей просты, чувства предельно ясны (наиболее сложным героем является Рейстлин — вообще-то черный маг, эгоист, стремящийся к мировому господству, но иногда проявляющий удивительную нежность к «малым сим», вроде Бупу, на что неспособны ни рефлексирующий Танис, ни душка-Карамон). Язык повествования также крайне незатейлив. Саша Вейцкин в своем судьбоносном письме довольно точно охарактеризовал особенности любимого жанра.

Поэтому-то и возникает производственная необходимость обратиться к чему-то несоизмеримо большему, нежели густо нафаршированный подвигами сюжет, и предложить этому Большему роль связующего раствора, цемента, так сказать. Ибо голым сюжетом, как показывает практика, читателя всерьез не увлечь.

Любовь — вот универсальная сила, объединяющая все со всем. Любовью творится и существует мир — и повседневный, и книжный.

В предисловии к своему переводу «Алисы в Стране Чудес» Борис Заходер пишет:

«Вскоре я понял, что самое главное в «Алисе» не фокусы, не загадки, не головоломки, не игра

слов и даже не блистательная игра ума, а... сама Алиса. Да, маленькая Алиса, которую автор так любит... И эта великая любовь превращает фокусы в чудеса, а его самого — в волшебника».

Любая хорошая *fantasy* начинается с любви — автора к персонажам. Читателю остается ощутить эту изначальную любовь создателей книги, впустить ее в себя — и попытаться взять волшебный, полный приключений мир с тем же чувством, с каким он преподносится в дар. Читать не только строки, но и между строк, наполняя часто условное, схематическое повествование дыханием жизни, собственным душевным опытом.

Это «чтение между строк», возможность едва ли не полноправно участвовать в книге — завораживает. Не отсюда ли первые попытки любителей жанра писать продолжения любимых книг? Кому из нас не хотелось воскресить Флинта, Стурма? Кто не пытался пройти по степям и горным тропам Говардовского мира вслед за Конаном, чтобы вместе с ним повстречать ужасных чудовищ, коварных магов и всех-всех их поубивать?

* * *

Фантастика в те годы стремительно выходила из полуподполья и входила в моду, занимая везде главенствующие позиции. Обильно печатались самопальные переводы. Сбывались — в плане «почитать» — самые удивительные мечты.

Тогда очень важной категорией было понятие

«доконвенционная литература». В 1973 году Советский Союз подписал международную конвенцию об авторском праве, и таким образом все художественные произведения, опубликованные на языке оригинала после 1973 года, можно было переводить и печатать у нас только при условии приобретения авторских прав. Все это было очень дорого, на валюту, которой никто толком не имел, и вообще за границей. А доконвенционные вещи разрешалось переводить и печатать в любых количествах. Отсюда — засилье старых авторов в русских сериях зарубежной фантастики и отсюда же — рукописный и машинописный фантастический самиздат.

Возле моего дома на улице Куйбышева открылся замечательный магазин «Альфа» — «Союзпечать — Филателия».

Там я покупала газеты и журналы о перестройке, наборы марок с динозаврами для ребенка и множество книжечек-брошюр, набранных с большим количеством опечаток (а иногда и грамматических ошибок). У этих книжек с аляповатыми сине-белыми или, скажем, красно-черными рисунками на обложке (предпочитались существа со щупальцами и очень страшные голые женщины), — громкие заголовки, например: «Шедевры американской фантастики» или «Монстры Вселенной». Мелкий шрифт, оберточная или папиросная бумага, жуткое качество перевода — и опечатки, опечатки... Гарри Гаррисон, Роберт Хайнлайн, Роджер Желязны, Пол Андерсон...

Я жадно скупала их без разбора — и читала, читала...

Ужасные переводы совершенно не мешали мне наслаждаться этими текстами. Была забыта даже традиционная моя нелюбовь к «звездолетам». Наступила для меня пора всеядности.

Старые переводчики знаменитой советской школы, работавшие в «Иностранной литературе», книгами подобного разбора, естественно, гнушались, да никто из издателей новоиспеченных издательских кооперативов и не респался предложить им подобную работу. Поэтому ждать традиционно великолепного слога от «шедевров» не приходилось. Издавались сделанные кем-то безымянным, неким бесхитростным любителем жанра, который по странному стечению обстоятельств знал английский язык. Причем для издания брался зачастую какой-нибудь в двадцатый раз перепечатанный самиздатовский томик. А переписчики, как и в средние века, иногда что-нибудь добавляли от себя в воспроизводимый текст: слово, показавшееся более удачным, переиначенный оборот речи, а иной раз вписывалась полная отсебятина вместо нечитаемого фрагмента.

Ни знанием правил, по которым текст переводится с одного языка на другой, ни глубокими познаниями в технике редактирования, ни просто языковым чутьем «родители» первых переводов «новой волны» похвастаться не могли. С тех времен в русском языке угнездилось скалькированное из английского словечко «противосто-

ять». «Противостоять урагану отважились спасатели».

Остальных последышей неумелого перевода кое-как удалось изгнать.

Например, чудовищное выражение «несколько ударов сердца», которое просочилось из английского в самопальные переводы (книги и видео), а оттуда — в русскоязычную литературу. «Спустя несколько ударов сердца Говэн открыл глаза». — «Дважды ударило сердце — и Симурдэн выстрелил...» На самом деле это выражение принято передавать по-русски словом «мгновение», «миг»: «Миг — и Симурдэн выстрелил», «Несколько мгновений спустя Говэн открыл глаза».

Слово «судьба» в значении «смерть». «Здесь, в выжженном лесу, Джон лицом к лицу встретил свою судьбу» (т.е., надо полагать, был застрелен злыми гадами). В русской традиции слово «судьба» обозначает преимущественно жизнь, а «встретить судьбу» — значит «встретить любовь», подругу, спутницу жизни. «Крест судьбы» человек влачит по жизни (если уж судьба несчастливая). Помню, впервые я задумалась над тем, какое разное содержание люди вкладывают в слово «судьба», когда прочитала в каком-то этнографическом труде об арабах, имевших три обозначения судьбы: «судьба как неумолимое течение времени», «судьба как неизбежность смерти» и «судьба как воля аллаха». В английском (и немецком) языках выражение «встретить судьбу» относится ко второму понятию; русскому это чуждо.

Очень раздражало, когда дословно переводили все бесчисленные уточнения, нормальные для языка оригинала и абсолютно излишние в русском: «Он взял свой меч в свою правую руку и направился к камину слева от него». Вообще, эти уточнения — «щитовая рука», «рука, держащая меч», т.е. «левая» и «правая» — совершенно ненужные детали. Они приобретают осмысленность лишь в том случае, когда герой-правша, скажем, ранен в правую руку и принужден сражаться левой.

* * *

Первый фильм о Конане я посмотрела в 1990 году в Америке, в гостях у Саши Вейцкина. Бесконечный полет над американским континентом, залитым пятнами света, — города, или совершенно черным — какие-нибудь прерии; затем от горизонта до горизонта — море огней, мегаполис Лос-Анджелес, вдруг обрубленный мечом, дальше наступала сплошная чернота — Океан. Это было потрясающе.

Но еще более удивительным был Вейцкин, встречавший в аэропорту. Он был совершенно домашний, ленинградский. Казалось, я просто прилетела домой.

Вейцкин схватил меня в охапку и потащил смотреть Конана. Мы вообще довольно много времени проводили у телевизора. Саша жадно грузил меня любимым кино: «Конан-варвар», «Конан-разрушитель», «Звездные войны», «Пове-

литель зверей», «Уиллоу», «Последний единорог», «Королевские пираты»...

Фильмы мы смотрели так: после каждой реплики Саша нажимал на паузу и в общих чертах переводил, кто что сказал. То и дело комментировал, хитровато усмехаясь: «плохо дело», «вообще — забавный мужик», «славная такая», «это ужасный негодяй», «вот злыдень» и т.д.

Кроме того, мы посещали книжный магазин. Каждый день, как на работу, ходили туда. Ковровое покрытие на полу, стеллажи, лестницы. Мы с Сашей сразу проходили в дальний конец, где продаются *fantasy*. Несколько стеллажей, снизу доверху уставленные сокровищами. Я брала в руки дешевенькие пятидолларовые «покеты», как величайшие сокровища. Я бесконечно разглядываю обложки, где нарисованы красавицы, чудовища, герои, пещеры, таинственные города, волшебное оружие. Вдыхаю удивительный запах типографской краски, он с примесью какой-то парфюмерии. Пытаюсь прочесть заглавия, пытаюсь по картинке на обложке догадаться — о чем книга.

Я сажусь на ковер, скрестив ноги, обкладываюсь этими сокровищами и начинаю грезить.

Мне никто не мешает. Продавец не пристаёт с «кан-ю-хелп?». Никто меня не торопит. Я в углу никому не мешаю. Один раз только другой покупатель попросил меня подвинуться, он тоже хотел забраться на полку.

Какие чудесные грезы посещали меня во время этих сидений над книжками! До сих пор пом-

ню, что не купила (хотя хотела) какую-то заманчивую чушь под названием «Гордый варвар». На обложке — мускулистый красавец со свирепым лицом лезет по веревке, выпущенной из окна замка (крепости? тюрьмы?).

* * *

Из Америки я привезла пачку книг о Конане на немецком языке. Первый роман о Конане, прочитанный мною (по-немецки) назывался не то «Конан Непобедимый», не то «Конан Победоносный». Все книги о Конане были озаглавлены по одному и тому же типу: имя героя плюс эпитет («Мятежник», «Чемпион»). Принадлежал мой первый «Конан» перу известного в своих кругах и в общем-то даровитого писателя Роберта Джордана. Я читала его днем и ночью. Там рассказывалось о злом маге Аманаре, которому нужны были для адского ритуала девушки и драгоценные камни (волшебные), а служили ему люди-змеи с'тарра, описанные с жутковатым реализмом: плащ с низко опущенным капюшоном, свистящий шепот... Конан идет по следу с'тарра. С ним его товарищи, воры и разбойники, — старый, но еще крепкий Ордо и буйная нравом рыжеволосая красавица Карела по прозвищу «Рыжий Ястреб» (в оригинале был «Красный Сокол», но это вызывало у меня живейшую ассоциацию с авиаторами сталинской поры).

В конце концов я решила перевести книгу на русский язык. Владеть таким сокровищем в оди-

ночку представлялось мне чем-то нечестным. Текст был несложным («ходить-рубить»), работа шла быстро. Закончив последнюю стирку и уложив ребенка спать, около полуночи я уходила на кухню с книгой, словарем и пачкой бумаги — и писала, пока глаза не начинали слипаться. За месяц работа была проделана.

По качеству мой перевод мало отличался от «системного». Думаю, я не избежала ни одной ошибки из свойственных неумелым переводчикам-дилетантам. Но это казалось тогда несущественным.

Я с жаром взялась за вторую книгу Джордана — продолжение первой, потом за томик другого продолжателя саги о Конане, Стива Перри. Стив Перри понравился мне даже больше, чем Джордан. В его романе действовали злая чародейка, пытавшаяся поработить Конана, и страшный маг, который хотел подчинить себе весь мир с помощью ужасного Создания Силы (Голема, составленного из четырех стихий). Для этого он похитил чудесных детей, каждый из которых являлся воплощением одной из стихий. На свободе осталась только девочка-огонь. С ее помощью Конан спас остальных и одолел чародейку и мага. Книга показалась мне трогательной и вместе с тем захватывающей.

* * *

«— Иди и размажь по земле это надоедливое насекомое! — приказал Совартус, сопровождая свои слова повелительным взмахом руки.

Создание Силы, заключившее в себе все четыре стихии, отвернулось от замка и зашагало со страшной скоростью. Гигантскими шагами передвигалось оно на ногах-смерчах...»

* * *

Мне решительно не нравились американские названия книг о Конане. Безликие и ни о чем не говорящие, кроме очевидных достоинств главного героя («меченосец», «торжествующий», «триумфатор»). Я решила придумать собственные. Так появились заголовки — «Черный камень Аманара», «Тайна врат Аль-Киура» и «Четыре Стихии».

Вообще же я страшно гордилась званием «крестной матери советского Конана» и похвалялась сим достижением на каждом углу. Лет восемь спустя после моих первых переводческих опытов, Мария Семенова сказала мне:

— Между прочим, первая перевела «Конана» на русский язык — я.

Я обиделась:

— Ну вот еще.

— Да, — продолжала Маша. — Именно. Тогда еще английских оригиналов ни у кого не было, а я случайно в букинистическом купила томик на немецком. Я даже немецкий язык ради «Конана» выучила! Сперва просто читала, лазала в словарь, а потом поняла: это так здорово, что владеть этим в одиночку просто подло по отношению к остальным. Надо бы для всех... И перевела!

И тут первые проблески догадки замелькали у меня в голове.

— А как выглядела та книжка? Желтая такая? И на обложке фотография Арнольда Шварценеггера?

— Да...

— И стоила сия книжица десятку?

— Да... кажется.

— Угу. Это была моя книга. Я ее перевела, а потом продала оригинал, когда мы без денег сидели. Удивилась еще, что так быстро книгу купил кто-то...

* * *

Я переводила одну за другой повести о Конане (на сей раз говардовские). Переводила с немецкого, но это обстоятельство никого не смущало. Редактор сверял мои переводы с «системными», более близкими к тексту подлинника, но куда менее литературными. Работала я очень быстро, за неделю перевела и отпечата на машинке больше девяноста страниц. Работа над переводами и возможность неограниченно общаться с единомышленниками делали меня по-настоящему счастливой. Я просыпалась — и скорее бежала к письменному столу. Засыпая, я торопила ночь — скорей бы утро, скорей бы снова взяться за любимое дело!

В свое время я объяснила ребенку, что на рукописях ни в коем случае нельзя рисовать каляки-маляки. Можно только на чистых листах бу-

маги. Сын Вовка послушно перестал чиркать карандашом по тексту. Но однажды я обнаружила лист, где каляки густо и аккуратно шли по полям и заполняли все пробелы между строчками.

Компьютеры еще не были в ходу. Еще и два года спустя переводчики приносили в издательство рукописи, отпечатанные на машинке. Большинство из нас были молоды, почти у всех дома имелись маленькие дети. И часто рукопись сдавалась исчерченная детскими художествами, залитая чаем, заляпанная кашкой, мятая, даже пожеванная. Смущенные сотрудники говорили: «Тут, вроде бы, текст не пострадал...»

* * *

Зимой 1991 года я впервые начала ощущать некую ущербность, неполноценность жанра *fantasy*. Я по-прежнему глотала книгу за книгой, но что-то постепенно начинало меня беспокоить. Какой-то червячок завелся. Я пыталась разобратся. Писала в дневнике с недоумением: «Где грань между Великой Литературой и бульварщиной? Мистика, приключения, магия, *fantasy* — разве это...»

Куда, например, отнести Толкина? Я не знала. Мне позвонил мой одноклассник. Спросил:

— Что ты сейчас читаешь?

Я стала хвастаться:

— Добыла и одолела «*Колдовской мир*» Андре Нортон...

Он сказал с непонятым вздохом:

— А я тут перечитывал Хэмингуэя — «Старик и море»...

И я вдруг ощутила странную, жгучую зависть. Как будто из-за забора глянула на волю. Как будто мне теперь совершенно недоступным стало это простое наслаждение — снять с полки Хэмингуэя и тоже перечитать «Старика и море»...

В этом разговоре грань, которую я пыталась определить, была четкой и ясно обозначенной: «Колдовской мир» — фуфло и бульварщина, «Старик и море» — литература.

Но как же так?! Откуда это унизительное чувство запертости, чуть ли не посаженности в острог? Ведь именно fantasy меня освободила от рамок условностей и жестких правил игры, диктуемых реализмом!

И все равно... Читаю «Конана» Пола Андерсона — и вижу, что все не так. Читаю Андрэ Нортон — и руки чешутся переписать. Герой, идя в атаку, размышляет о каких-то сложных нюансах своих отношений с героиней. (!!!)

Я пыталась найти выход. Хорошая fantasy. Размышляла над тем, каким должен быть правильный роман о Конане. «Главная ошибка авторов, пишущих о Конане: они не понимают, что такое варвар, — авторитетно писала я тогда. — Варвар — это прежде всего чистота. Целесообразность любого поступка. Варвар всегда равен сам себе, верен себе. Он воспринимает жизнь напрямую, без посредников, без промежуточных звеньев цивилизации. Здесь и сейчас. Мир как он

есть, без буферов. Варвар учится — но не изменяется».

Я считала, что если идти «от героя» — в данном случае, от Конана — то все получится.

Катастрофически обстояло дело с «миром» — с тем самым придуманным миром, где действует персонаж (например, «Колдовской мир»).

Мир — это нечто отдельное от героя, не-герой. При этом мир неизбежно сильнее героя и ему противодействует. А в большинстве книг-fantasy мир не просто представляет собою ограниченный набор отдельных предметов, помещенных в некое безвоздушное пространство, — там его просто нет, а есть только герой и амбиции автора. Отсюда и неизбежный перекося: герой ощущимо сильнее мира. Мир не то что противодействовать — он и вякать-то решается с опаской...

* * *

Тем временем в «Северо-Западе» решились издать три переведенных мною еще во времена «Апокрифа» романа о Конане — «Черный камень Аманара», «Четыре стихии» и «Врата Аль-Кири». Я страстно мечтала об этом. Почему-то мне было очень важно, чтобы именно «мой» Конан был напечатан в России первым.

Однако меня опередили. В самом начале издательского бума образовалась газетная серия фантастики и детектива — «Фантаkrim». Поначалу это были маленькие, с ладонь, книжки, со-

державшие один-два рассказика. Эти книжки складывались из газетного листка и вырезались, а потом сшивались. Оформление их было чудовищным, но стоили они недорого, везде продавались и быстро раскупались. Потом «Фантакрим» вдруг выпустил одну за другой несколько книжек в твердом переплете — детектив «Гроб из Гонконга» с какими-то мертвыми ногами, торчащими с обложки прямо читателю, мягко говоря, в морду, и роман о Конане. На обложке книги о Конане была помещена фотография какого-то абсолютно краснокожего существа невинного пола. По слухам, книга была переведена не с английского и даже не с немецкого, а с польского.

И вот вышел первый том северо-западной Кононады — мой «Конан», известный в узких кругах как «красный Конан». На обложке толстого тома — этюд в багровых тонах: голый Конан-варвар и голый же демон, бугрясь мышцами мясного цвета, схлестнулись в непримиримой борьбе. Выглядит чудовищно. Некоторые знатоки анатомии уверяют, что если выпрямить странно изогнутые в процессе поединка конечности Конана, то одна рука у него окажется длиною до колена, а вторая чуть ли не в два раза короче. О стилистических красотах текста переводов скромно умолчу.

Но эта смешная, дилетантская книжка все же дорога мне — как свидетельство моей первой любви.

За «красным Конаном» последовали и новые.

Я переводила с немецкого одну книжку за другой, бодро и лихо, кое-что сочиняя от себя, если текст начинал казаться мне вялым (особенно это касалось божбы и острот персонажей). В общем, получалось не хуже, чем у переводчиков с английского.

Разницы в языках никто не замечал, хотя редактор иногда придирчиво сличал мои переводы с английскими оригиналами — когда таковые у него имелись.

«Конан» торжественно шествовал по Петербургу, и один из моих одноклассников, встречая меня на улице Куйбышева, неизменно благодарил за «Конана». В то время эпопея о герое-варваре составляла его основное чтение. Он работал на стройке, очень уставал и отдыхал, забываясь над книжками моего производства.

* * *

Читая и редактируя многочисленные произведения конановского сериала, я сделала любопытное наблюдение. Конан где-то сродни Ленину. Давно уже замечено, что облик Владимира Ильича дивным образом изменяется в соответствии с народом, среди которого бытует. Так, в Узбекистане Ленин похож на узбека, в Якутии — на якута и т.д. Конан точно так же похож на своих создателей. Покрытый шрамами в два-три слоя, он шествует из книги в книгу, удивительно трансформируясь.

Иногда в авторе угадывается яхтсмен. Тогда

Конан — Лев Амра, страшный пират, который разбирается в румбах, фок-бом-бум-брамселях и проч. Иногда ощущается, что роман написан рокером, который путает лошадь с мотоциклом. Тогда Конан после бешеной скачки поит лошадь ледяной водицей (= заливает в бак бензин) и снова куда-то скачет. Лошадь при этом недохнет. Подчас автор проявляет себя как инфантильный некрофил — в этих случаях в романе много бахчевых культур: голова разлетелась, как арбуз; череп треснул, как дыня...

Такие книги мне не нравятся. Даже как материал для анализа психологического портрета автора они неинтересны. Все-таки, работая в сериале, следует любить не себя и свои комплексы, а главного героя. Но это — мое личное мнение.

* * *

Прошло ровно десять лет. Я давно ничего не писала о Конане, хотя время от времени перечитываю Говарда и по-прежнему люблю оба фильма со Шварценеггером. Теперь выходят другие книги — тщательно выверенные, без опечаток и ошибок, аккуратные. Своего рода итоговые издания.

Вышел и «Конан».

Глядя на эту книгу, чувствуешь, что эпоха энтузиазма и самопала закончилась навсегда. И, кстати, прошла не бесследно, оставив весьма позитивные результаты.

Сейчас я с полной ответственностью заявляю:

ДА, Я ЛЮБЛЮ КОНАНА!

Он был моей первой любовью, моим кормильцем, моим другом.

Пусть он варвар во всех отношениях — ему, во всяком случае, никогда не было свойственно наиболее отвратительное (с моей точки зрения) качество: конъюнктурный снобизм.

Елена Хаецкая
С-Петербург

Восплачем по Конану
или
Российское fantasy
как символ смутного времени

С благодарностью А. Сипковскому и Е. Хаецкой
за объективные мысли и использованные материалы.

1. С классовой точки зрения...

Дчень много лет назад, на выпускном экзамене по литературе в школе, мне попался билет с вопросом о романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Не помню точно, как именно означенный вопрос был сформулирован, но экзаменатор (директор школы, кстати, да еще и школьный парторг), после моего рассказа о самом Онегине, смерти Ленского, Татьяне и Ольге, весьма неожиданно спросил:

— А почему «Евгений Онегин» является в высшей степени народным произведением?

— Э-э... — протянул я, изображая задумчивость и теребя комсомольский значок на лацкане. — Понимаете... Высшей степенью народности является партийность, правильно? Ну, по определению... Но к «Онегину» это неприменимо. Владимир Ильич Ленин тогда еще не написал свою работу и Пушкин статью Ленина прочесть не мог...

Словом, не объяснив внятно, почему произведение Александра Пушкина является «в высшей степени народным» (сиречь, «партийным») я получил свои четыре балла и ушел несолоно хлебавши, хотя твердо надеялся на пятерку... С тех пор мое отношение к историческому материализму стало сдержанно-брезгливым — и действительно, ну каким образом Пушкин мог знать, что он, оказывается, написал «партийный» роман в стихах?!

Только потом, по прошествии весьма долгого времени, мне удалось почти целиком прочесть работы основоположников научного коммунизма: я был в длительной командировке в Кемерово, в общежитии, где я жил, было совершенно нечего читать кроме случайно завалявшихся томов собрания сочинений Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Весьма интересное чтение, скажу я вам — и, во многом, марксизм не ошибается, выкладки основоположников подтверждаются временем, что бы там ни говорили в последние годы... А по-

сколько ваш покорный слуга уже тогда имел некоторое отношение к редакции издательства «Северо-Запад Пресс» и был хорошо знаком с серией «Конан-варвар», более известной как «Сага о Конане», я неожиданно взглянул на Вечного Героя и некоторых его собратьев по жанру с позиций классовых и материалистических.

Масла в огонь подлила известная писательница Елена Хаецкая, «мать русского Конана» — именно Хаецкая, кстати, в конце 80-х годов прошлого века *первой* перевела на русский язык произведения «Саги». Однажды Елена Владимировна выдала мне дискету с «пустячком» — написанной для «домашнего журнала» коротенькой статьей о классовом подходе к жанру fantasy.

Почитал. Понравилось. С разрешения Е. Хаецкой, главные постулаты этого исследования я хочу привести здесь, дабы читатель мог понять, интересы каких общественных классов защищает столь любимый нами жанр.

* * *

Мы знаем, что пространством сказки традиционно является условное средневековье — в некотором царстве, в некотором государстве жил прекрасный принц (принцесса, волшебник, герой, рыцарь и так далее...). Соответственно, fantasy как разновидность сказки, обслуживает интересы господствующего класса средневековья — феодалов. Однако из курса научного комму-

низма мы знаем, что в недрах феодализма зреет новая формация — капитализм, и после буржуазной революции господствующим станет новый класс, буржуазия, которая при феодализме имеет довольно скромный облик ремесленников и купечества (горожан).

Поскольку современный создатель *fantasy* живет именно при капитализме и в большинстве случаев весьма комфортно себя при этом чувствует, то и сам жанр зачастую идеологически обслуживает именно буржуазию, восхваляя ее моральные ценности и подчеркивая их значимость.

Рассмотрим главные признаки буржуазной *fantasy* в сопоставлении ее с *fantasy* феодальной на примере, допустим «Властелина Колец» и «Саги о Конане», как самых ярких образцов «феодализма» в жанре.

Постулат первый. Герой буржуазной *fantasy* подробно и внимательно ест и есть дает другим. Вспомним жидкие похлебки нищего Мага Земноморья, супчики-концентраты основательного Эстравена («Левая рука тьмы» Урсулы Ле Гуин), борщи — несть им числа! — съеденные Волкодавом Марии Семеновой. В одежде эти герои ценят в первую очередь добротность, в вещах — прочность. Где видят неисправность — либо тщательно исправляют своими руками, либо сокрушаются, что не могут этого сделать. Их мир — это мир бытовых предметов: сапог, понёв, глиняных горшков, хомутов, ламп и так далее до бесконечности.

Скажут: конечно, добротность одежды и сытность пищи важны! А кто спорит? А для целей героического буржуа они *жизненно необходимы*, ведь эти герои прочно обосновались на земле, их цель — маленький домик (свой!!!), огородик и коровка, можно коза (свои!!!), жена и дети (см. домик). И чтоб все это было! Как правило, они свое получают — добиваются путем тяжких праведных трудов.

Сравним героического буржуа с героическим же феодалом. Романтический бродяга Конан в своих странствиях удивительно небрежен к одежде и пище. Заходя в трактир, он прежде всего интересуется выпивкой, а если ест — то какое-нибудь мясо, можно с костями. Попробуйте предложить Конану миску борща! Да киммериец вас выпотрошит напрямик в трактирной зале!

Еда не властвует и над умами героев «*Властелина Колец*» Дж. Р. Р. Толкина. Если описан прием пищи, то это братская трапеза, и ее ритуальное значение всегда подчеркнуто. За столом главенствует не содержимое тарелок и плошек, а серьезная или душевная беседа. Как жалеет стремительно эльфеющий Фродо бедного Горлума, над коим довлеет «вкус-сненькая с-сладкая рыбка»! Кто в романе Толкиена внимателен к пище (поиск грибов, меню «Резвого пони»)? Конечно, хоббиты — буржуазный элемент Средиземья, в отличие от резко «феодалных» Галадриэли, Арагорна или Эовин.

Пища не входит в число идеальных целей героя феодальной *fantasy*. Конан, если о чем и

мечтает, то о собственном королевстве, а уж еда к данному королевству как-нибудь приложится. Те же цели преследует и Арагорн.

Постулат второй. Героический буржуа совершенно не склонен любоваться красотами природы или творений рук человеческих. Он не растленный эстет, но суровый прикладник. Будучи ремесленником, он обеспокоен только качеством своего творения — прочное ли, сгодится ли на продажу, удобно ли в применении. Этот герой вечно озабочен поисками пропитания для себя и своих домочадцев, всегда погружен в поиски чего-либо полезного для дела.

Маги Земноморья — прагматики; они лечат людей, заботятся об их бытовых нуждах. В точках они видят в первую очередь лекарство. Волкодав что ни найдет — все пустит в оборот. Даже бусы для девушки купил не из эстетских соображений, а чтоб было чем совершить ритуал избрания жениха (дарение бусины). Реки и деревья для Волкодава — суть боги. Ему не до эстетического наслаждения. Здесь М. Семенова с похвальным реализмом рисует язычников во всей полноте их ограниченности. Как пишет диакон Андрей Кураев, известный православный публицист, язычник не может просто видеть звезды над головой: для него Млечный Путь — это молоко из груди Геры, звезда такая-то — умерщвленная нимфа такая-то, кровь заката — соитие богов и т.д. Волкодав не видит красоты природы именно потому, что она для него одушевлена и представляет скопление мелких божков, нуж-

дающихся в убадении (в той же пище). То есть, фактически, природа превращается в еще одного голодненького домочадца, коего следует накормить и ласково утереть слюнку с подбородка...

А Конана-варвара восхищает мир, над которым он намерен властвовать, — да и сейчас властвует, охватывая его беспокойным сердцем. Любую роскошную вещь он может украсть, дворцы сотрясают его воображение, чудовища радуют неистовый дух. Красота — величайшее оружие против сил мрака как во Вселенной Говарда, так и в мире Толкина. Никому из Братства Кольца не свойственно утилитарное отношение к прекрасным вещам и природе, а если красота и оказывается полезной (мифрильская кольчуга, фиал Галадриэли), то лишь потому, что созвучна общей великой цели героев. Изначально же она всегда — объект бескорыстного поклонения, но не утилитарного использования, как в мире буржуазном. Есть подозрение, что Волкодав мифрильную кольчугу тотчас продал бы, дабы купить кольчугу стальную (и дешево, и сердито!), а на оставшиеся деньги приобрел множество полезных в хозяйстве вещей...

Постулат Третий. Герой буржуазной *fantasy* трудолюбив и полезен обществу. Это его фундаментальная добродетель. Трудится, не покладая рук, Гед. Моет полы Волкодав. Авторы буржуазной *fantasy* внимательны к ремеслу и его тонкостям, а особенно — к доходности любой работы. Герой-буржуа не ворует и не обманывает; честность для него — источник временных трудно-

стей и залог конечного успеха. Да вы только представьте, что случилось бы с Волкодавом, окажись он, допустим в Шадизаре и познакомься с Конаном и Ши Шеламом! В лучшем случае, для правильного буржуазного героя, такая встреча закончилась бы сердечным приступом и поспешным бегством обратно в мир, где все честно трудятся, а не воруют артефакты целыми сундуками... Понадобилась волшебная вещь — купи или возьми попользоваться у знакомого мага (обязательно под расписку! Если потерял или испортил — компенсируй владельцу стоимость!).

Персонажи-буржуи не любят и презирают нищих. Они предпочитают дать человеку работу, а не отделаться милостыней (хотя «феодалный» Конан, будучи при деньгах, обязательно бросит монетку нищebroду или запросто подарит кошелёк с золотом нуждающимся друзьям!), поэтому они почти сразу обрастают свитой из полезных и трудолюбивых домочадцев. Старухи стряпают, молодухи шьют, юнцы присматривают за лошадьми, никто не сидит сложа руки. Коль уж тебя спасли — изволь трудиться! В облике попрошаек в мире Волкодава бродят только очень очень злые служители Мораны Смерти. Подобрав женщину-певунью, волкодавцы даже этот ее дар пристроили к делу: записали песни (потом можно будет книжку издать). А как же — в хозяйстве любая веревочка пригодится.

Трудолюбивы — способны вкалывать до посинения! — персонажи «*Левой руки тьмы*». Министр Эстравен потрясает хозяйственной хваткой. Его

бесстрашие тщательно спланировано, оно основано на расчете и умении вести дела. До изнеможения работает и Гед.

Герои-феодалы работой гнушаются. Изредка нанимаются охранниками, но работают спустя рукава и откровенно презируют нанимателя. Невозможно представить себе Конана из Киммерии или Боромира могущими помы в трактире ради хлеба насущного. Лично мне Эстравен симпатичнее Боромира, но сути дела это не меняет. Конан работает только в случае, если эта работа ему интересна и доставляет удовольствие, но долго на одном месте никогда не задерживается, поскольку ему надоедает рутина и киммериец начинает скучать.

...Если феодал считает, что «в торговле заключено нечто постыдное» и всегда следит за тем, чтобы торгаши знали свое место, то герои буржуазной *fantasy* охотно видят в купцах достойных людей, уважают их и сами зачастую знают свое место. Они робеют перед богатством и хорошо умеют считать медяки. Конану же на деньги плевать — если кончились, еще добудет! Я не могу себе представить Конана, стоящим в лавке и продающим семечки или глиняные горшки, но Волкодав в таком облике — более чем реален.

Другой важный критерий — отношение к прогрессу. Буржуазный герой приветствует прогресс. Эстравен идет ради прогресса на невыносимые жертвы.

А вот герою-феодалу прогресс по барабану. Для Конана или для Арагорна прогресса (разви-

тие технологий, социальные реформы) вообще не существует. Наиболее дальновидные феодалы видят в прогрессе свою гибель и по возможности притесняют изобретателей и не в меру любопытных путешественников. Такие феодалы выступают в качестве отрицательных героев в буржуазной *fantasy*.

Скажите, Конан, став королем великой страны, больше заботился о том, как защитить Аквилонию от многочисленных врагов, или собрался немедленно провести реформу жилищно-коммунального хозяйства во благо подданных? Благом для Конана являются не угрюмые будни администратора, а радость битвы за справедливость! Административные проблемы он перекладывает на других — читателю эти трудности неинтересны и Р. Говард с последователями оставляют их за кадром.

Теперь представим, что королем Аквилонии стал Волкодав...

Так же разнится отношение к женщине. Буржуа ищет прежде всего достойную хозяйку дома и добродетельную мать для своих будущих детей. В женщине подчеркивается домовитость, бережливость, трудолюбие. Можно жениться и на вдове (даже предпочтительнее — хлебнула уже горюшка, больше будет ценить комфорт и мужа-кормильца-добытчика). Прижитые вдовой дети от первого брака идут в дело — их усыновляют и приставляют к хозяйству. Эстравен — сам такая женщина, нежная и хозяйственная. Тенарю в конце концов становится...

Подругам Конана нет числа, но ни одна не играет в его жизни никакой роли — даже королева Зенобия как-то слишком быстро умерла, выполнив главную функцию: родив Конану наследника...

А вот у Арагорна есть своя возлюбленная, свой идеал, воплощение его рыцарственных (феодалных) чувств. Чего же ищет героический феодал, когда речь идет о женщине? Он ищет Великой Любви. И неважно — будут ли дети, будет ли хозяйство...

Разве можно себе представить, чтобы Арвен, Эовин или королева Зенобия возились с грядками и выращивали какую-нибудь репу? Изранить руки в бою, спасти эльфийское древо, сражаться со злыми магами — да, но репа?..

Крайне важна и гигиеническая озабоченность буржуазных героев. Их всерьез беспокоит нечистая одежда, мокрая обувь, грязные руки, дурной запах от себя и других. Они постоянно ищут, где бы помыться или помыть испачкавшегося товарища. Для них это чрезвычайно важно. Для героев феодальной *fantasy* — совершенно неважно. Мы никогда не присутствуем при том, как Арагорн или Гэндальф принимают ванну, и Толкин не оповещает нас об эмоциях, испытываемых ими при омовении. Напротив, читатель постоянно становится свидетелем обязательного умывания героического буржуа, описанного со всем смаком и расстановкой. Конан может пойти в термы-бани при королевском дворе, но киммериец это делает не из соображений гигиены, а

чисто ради получения удовольствия и наслаждения роскошью

И наконец жизненный итог. В *«Мастере и Маргарите»* есть знаменательный эпизод в финале: видение домика, где лампа, книги, работа над рукописью, рядом — любимая женщина... Мастер не заслужил света — он заслужил покой. И этот покой испрашивается для Мастера у Воланда, потому что противоположная сторона может быть только источником света, а от света — больно.

Это очень важный момент, который объясняет, почему не всем «можно» в рай. Буржуа представляет себе рай как улучшенное подобие комфорта, того комфорта, к которому он так стремится на земле. Соответственно, в раю Господа Бога, среди света, в качественно ином состоянии духа, такому буржуа невыносимо, ему больно и плохо — ведь он к этому не готовился. Относительно Мастера никто не строит иллюзий. И потому для него у Воланда просят — покоя.

Герой-феодал всю жизнь готовит себя именно к свету — не страшась потерь, лишений, боли. И он не просит, он дерзновенно требует света — и уходит в свет. Так, в свет уходят Конан, Арагорн или Фродо...

Гед остается в домике с Тенар. Волкодав — мы верим! — женится на девочке с бусинкой и тоже поселится в таком домике. Эстравен погибает, осознав невозможность именно для себя такого домика, — но ведь был, был и у него домик в палатке во время героического перехода через

горы, по льдам! И все там было, и тепло, и уют, и любимый человек рядом...

Нет уюта для героического феодала, есть только распаханное в бесконечность пространство и изливающийся с небес беспощадный свет. В свет уходят эльфы, и Гэндальф, и Галадриэль. Пин и Мерри становятся феодалами на обновленной земле — они по всей форме получили рыцарское посвящение, и теперь им глубоко неприятен буржуазный хоббитский мирок. А вот неприятный Сэм вернулся в уютную Хоббитанию, где его ждали...

Правильно, где его ждали чистенький домик, маленький садик и чудесная домовитая жена!

2. Славянин с Кладенцом: корни и архетипы

Если с «классовой» подоплекой современных *fantasy* и фантастики мы разобрались, то теперь давайте подумаем — откуда же растут корни столь полюбившихся обитателям России жанров и попробуем выяснить, откуда произошло отечественное *fantasy*.

Часто слышно мнение — зачем ругать наше российское *fantasy*, когда любой и каждый критик только этим и занимается? Если уж ругаешь, предложи что-то новое, благо облить грязью столь недавно зародившийся в России жанр себе дороже. Мол, пройдет еще несколько лет,

исчезнут грубые поделки и количество заменится качеством.

Итак: где же исток жанра? Все очень просто — в советской «исторической» литературе. Вот, что говорит по этому поводу Е. Хаецкая:

«— В исторических романах, написанных российскими авторами, как правило, бытует одна и та же схема, которая — как торжественно оповещается в предисловии или аннотации — является «художественным воссозданием древнерусского быта».

С незначительными вариациями она выглядит следующим образом.

На исконно славянской (росской, полянской, дулебской, вендской, антской) земле сидят исключительно мирные славяне. Они бортничают, производят мед, лен, пеньку. Справляют добрые, веселые праздники годового цикла (в основном — встреча весны или что-нибудь брачно-урожайное; обычный источник в таких случаях — труды акад. Рыбакова). Обязательный персонаж — мудрый старец, хранитель преданий; часто играет на гуслях.

Вокруг этих благолепных славян переселяются, всячески мельтешат и льют кровушку другие народы (не славяне). Иногда они попадают к славянам и, пораженные простотой и доброй мирной мудростью этого народа, навек связывают с ними свою судьбу.

Эти персонажи делают контраст между славянским и всеми прочими мирами еще более выпуклым. Иногда кричат по ночам от воспомин-

наний но затем, просыпаясь среди славян, успокаиваются.

Затем происходит война. Она начинается в тех случаях, когда грубые и жестокие германцы посягают на исконно славянскую (росскую, полянскую, дулебскую, вендскую, антскую) землю. Тогда мирные земледельцы и бортники, отложив гусли, берутся за мечи и с криком «Не посрадим земли росской (дулебской, вендской, антской)!» убивают всех.

...Романисты, похоже, пользуются именно этой идиллической картинкой: атлетически сложенные люди, красавцы как на подбор (богатырское сложение славян подчеркивают почти все историки); при этом — исключительно миролюбивы и склонны к музицированию, так что славянина всегда можно узнать по бряцанию струн, волочащейся за спиной пеньке и большим кругом воска под мышкой.

Оспаривать мнения древних историков, а тем более — пытаться представить их самих как людей, склонных ошибаться, путать, подтасовывать факты?.. Ну уж нет. Сказано: мирные — значит, мирные! Сказано: бортничали — значит, бортничали! А что резню то и дело учиняли, так оттого, что кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет.»

(Комментарии к роману «Атаульф».)

С этим истоком, схемой — называйте как хотите — мы и поработаем. Достаточно добавить к благолепным славянам и гуслиам немного магии, посадить в кусты десятков-другой монстров, ода-

рить героя волшебным артефактом — и вот, перед вами уже не скучная «история», а увлекательное *fantasy*!

Но как отечественные авторы работают в этом жанре — просто уму непостижимо! Уверен, что Дж. Толкин и Р. Говард, почитав некоторые российские книги *fantasy* немедленно слегли бы с нервным расстройством...

* * *

Если начинать разговор об авторах *fantasy* в России, то, к сожалению, в данной части статьи придется не называть имена, ибо, как совершенно справедливо заметил известнейший польский писатель Анджей Сапковский, подобное сочтут возмутительной травлей конкурирующих авторов. Однако, привести захватывающие примеры интересных новшеств и изобретений, описанных в книгах жанра «славянское *fantasy*», было бы любопытно просто ради самообразования.

Берем с полки первый попавшийся том отечественного автора, сотоварищи наваявшего целый фантастический сериал «про славян» и открываем наугад.

Ну, тут все знакомо до боли. Как опять же выразился пан Сапковский — свойски. Герой с дружиной раскалывает черепа «поганым», от страниц пахнет онучами, киселем, понёвой и прокисшей сметаной, «шелестят ветви столетних дубов» (это цитата, между прочим) и сверкает над ратным полем меч-кладенец. Пройдемся с

карандашиком по тексту, и на время сие сочинение отложим.

Опять книжная полка, и теперь берем в руки толстый роман солидного автора — тоже *fantasy*, и тоже «славянское», но в этой литературной Вселенной мир делится не на две черно-белых половины, с постоянной и тошнотной антитезой «славяне-поганные». Оказывается, и чужестранцы тоже иногда могут быть хорошими — про такого чужестранца и идет речь, единственно, он долго был воспитываем славянином себе же на пользу. Повторяем процедуру досмотра.

Третья книга. Теперь двое известнейших писателей-фантастов совместно описывают похождения в мире *fantasy* «нашего» — человека из Москвы XX века...

Наконец-то стержень карандаша ломается, а чинить нет никакого желания. Надоело. Клиническая картина ясна.

Объединив все заметки, сделанные в трех вышеупомянутых произведениях выводим усредненного героя по имени Славянин с Кладенцом и компилируем мир *fantasy*, которым самые разные авторы нас кормят уже в течении нескольких лет.

Картина такова: ветви столетних дубов громогласно шелестят, древнеславянские избы в три этажа растут средь полей и шелестящих дубрав, готовится прийти в мир Черный Ужас или Ужасная Чернота, волхвы грозят, поганные насаждают, меч-кладенец туп, да и сам Герой под стать заветанному предками оружию. И вот уже

наш Славянин с Кладенцом падает за борт дракара в набежавшую волну, пожирается китом-отпельником и несколько дней живет не то в его желудке, не то в легких. Но герой на то и Славянин с Кладенцом: повторяя подвиг библейского Ионы, он благополучно выживает и во чреве Чуды-Юды без особых для себя последствий. Автору невдомек, на какие глубины обычно опускаются киты, посему и Славянин, и его верный Кладенец понятия не имеют о кессонной болезни или давлении водяного столба. Не задохнулся, и то хорошо. (Самое смешное в другом: меня некогда уверяли, будто сие приключение списано с реального факта. Мои искренние рекомендации автору — найдите подходящего кита и заставьте его себя проглотить. А потом поспорим.)

Однако Славянин с Кладенцом не унывает: у него, не больше не меньше, *quest*. Надо пробраться в стан зловещих легионеров Римской Империи и вернуть похищенного подлыми завоевателями идола Перуна. На черта он им сдался, правда, непонятно — не на Форуме же выставлять, как варварскую диковину? Тут же выясняется, что явившийся из родных буреломов, чащ, пущ и городищ Славянин с Кладенцом отлично шпрехает по-ромейски, сиречь на латыни. Какой там языковой барьер, где там! Славянин с Кладенцом умен и образован не по годам, хоть «в университетах не обучался и в квартирах по семь комнат — с ванными! — не жил!» Вот уже Герой, отбив любимую статую, на-

чал обучаться магии, ибо Черный Мрак все подступает и подступает, бороться, понимаете, надо. Но посторонние маги не терпят появления конкурента, рассчитывая справиться с Вековечным Злом самостоятельно, безо всяких там лапотников! Славянина с Кладенцом утюжат, бьют и гнобят волшебники всех стихий, молнии сверкают, гром ревет, вода плещется, земля дыбом, а дубы шелестят. Не на того нарвались, колдуньшки! Только Славянин с Кладенцом, оборотившись драконом, поборет Властелина Тьмы, вам на завидку. Можете пойти и удавиться на шелестящих ветвях! Они у дубов крепкие.

Финал таков: Славянин с Кладенцом достойно завершил том саги потрясающим по своему художественному натурализму и мелодраматичности половым актом с Объектом Вечной Любви, Зловещая Тьма до поры до времени (до следующего тома...) залегла в свою змеиную нору, идол Перуна утвердился в своем капище на буйвище, римляне бегут, дракары потонули, маги повесились, кит-людоед всплыл кверху брюхом (возможны варианты). Точка.

Вы не думайте, я ничего не преувеличил и не приукрасил. Если вы еще не знакомы с тремя шедеврами, из текстов которых я создал описанный только что чудесный мирок *fantasy*, не унывайте — тиражи достаточные, на лотках и в книжных магазинах этого добра навалом. И стоит недорого, от силы три-четыре десятых МРОТ. Покупайте, наслаждайтесь приключениями Славянина с Кладенцом, поднимайте национальное

самосознание «фантастикой про славян» и забудьте про всякие глупости наподобие Толкина, Р. Говарда, К. С. Льюиса или Александра Грина.

А ведь как все хорошо начиналось! Тогда, много-много лет назад, может быть даже до 1913 года... Закончилось же грудастыми воительницами, которым и восьмой размер бронелифчика будет тесен, волосатыми варварами, Змеями Горынычами или былинными витязями с голубыми глазами от Ильи Глазунова и рубахами псевдорусского стиля от Славы Зайцева.

Но начиналось-то действительно неплохо! Если бы не Первая Мировая, не коммунисты, не то, не это... Сослагательное наклонение всегда и везде. Вечно-то мы отстаем от Запада! Где, где наши Толкины и Говарды?!

Были наметки. Были возможности. Но...

Уж не знаю, можно ли рассматривать в качестве автора *fantasy* Н. В. Гоголя с его страшилками наподобие «Вия», потому что жанр «Ноггог» был популярен в Западной Европе с самых старинных времен. Романы госпожи Ратклифф, Мэри Шелли со своим Франкенштейном и все такое прочее. Рідный Вий и Стокеровский Дракула одного поля ягоды, как ни крути. Милыми страшными сказками грешили все, начиная от солнышка русской поэзии Пушкина и заканчивая А. Толстым с его «Калиостро». И Тургенев туда же — приспичило барину породить несколько рассказиков с участием того, что мы называем эльфами, а заодно и парочку исторических фантазий. Серебряный век мы уже не берем — тогда

не писать страшных рассказов было дурным тоном. Психологические триллеры Брюсова, Антон Павлович Чехов с его «Черным монахом», «готические ужасы» Н. Гумилева. И, как венец, первое рождение «русского fantasy» — Александр Грин. Можете бить меня сапогами в лицо, но произведения Грина это именно fantasy и ничто другое.

Обоснуем. Обязательное присутствие Сказочного королевства, как основа канонов жанра. Правда, туда можно было попасть из Лондона или Парижа пароходом или поездом, и означенное королевство чересчур напоминало идеализированную Южную Италию. Как ни жаль, отсутствуют драконы, замки и гоблины, зато полностью мелкой нечисти, принцев, принцесс и волшебников. Что такое «Алые паруса», как не перепев «Золушки»? Правда, «Золушка» — это сказка, которая создана по всем законам сказочного жанра, облагороженного Шарлем Перро.

Европейские архетипы, кстати, лезут из более поздних сказок с силой, достойной уважения. «Гензель и Гретель» — память Тридцатилетней войны и охоты на ведьм: настоящая история близняшек, не облагороженная сказочным бриллиантинном, жутка настолько, что Стивен Кинг будет выть от зависти. «Спящая красавица» — извольте видеть, скандинавская мифология чистой воды, только в подлиннике речь шла о викингах и валькирии. «Белоснежка и семь гномов» — поапплодируем столь любимым нами кельтам, которые умудрились наследить во всех мифологических Вселенных Европы (ау, славянофилы, мо-

жет и этот факт вы будете отрицать?). Первоначально Белоснежка жила где-нибудь в Ирландии или Шотландии, была изгнана из дома и жила в Полах Холмах у небезызвестных Sith. Любые истории про драконов, клады и прочих нибелунгов — пожалуйста к Зигфриду-Сигурду, авантюристу и пройдохе, покусившемуся на проклятое драконье золото.

Итак, что же использовал Александр Грин в большинстве своих рассказов о Сказочном королевстве? Основная мысль — создание Страны Розовой мечты, причем человеческими силами и на месте жительства указанного человека. Магия с принцессами — это побоку. Главное — Мечта, воплощенная в жизнь своими руками. Поэтому-то во времена советские Грин и не был категорически запрещен, ибо на его новеллы можно было навесить штамп «Идеологически безвредно». Правда, герои А. Грина отнюдь не строили коммунизм, а только добивались справедливости и бегали за юбками, но в то же время еще одна основная идея fantasy — наказание зла — проводилась красной нитью.

На этом все и кончилось. Шарахнула пушка «Авроры», наведя разрухи поболее, чем любая водородная бомба, трудящимся массам стало не до разложенческой fantasy, а те, кто обычно читал Грина, отправились либо в Париж, либо на Соловки. Какие, к черту, фантазии, когда строится новая жизнь? Алые паруса могут существовать только в том случае, если на них изображен золотом серп и молот, а капитан Грей едет в

Волшебную страну устраивать революцию на деньги Коминтерна и помогать карбонариям. Все. Началась эпоха соцреализма. Конфликт хорошего с лучшим, затем бесконфликтность, затем спор о ложной теории бесконфликтности и снова в беспощадном сражении сходятся полчища хорошего со стройными рядами лучшего. А если уж фантазировать — извольте: выполз «советский граф» Алексей Толстой и поразил читающую публику захватывающей историей про Аэлиту и пролетарскую революцию на Марсе, спровоцированную очередным матросом Железняком (скорее всего, таковой матрос в маленьком экипаже ракеты одновременно выполнял роль комиссара и стукача ГПУ, о чем, правда, в тексте не говорится).

Пока мы строили Днепрогэс и копали Беломоро-Балтийский канал, в прогнившей империалистической Америке родился малыш Конан, посмотрел по сторонам, взял меч и отправился в свое бесконечное путешествие, сокрушая черепа черных магов и убивая драконов — всем этим Конан из Киммерии неустанно занимается уже семьдесят лет. Нам такой герой был социально чужд, не говоря уж о персонажах декадента Берроуза состряпавшего «их ответ» Толстому. *«Марсианские хроники»*, *«Венерианские хроники»*, Барнум, монстры, мечи, красотки в negligee и все такое прочее. Классика жанра.

А в это время в стране победившего социализма появился Александр Беляев. Его творения fantasy назвать уж никак нельзя, однако именно

они могли дать серьезный толчок. «Красный Жюль Верн» внезапно обрел невероятную популярность, но поскольку конкурентов у него не было или они были слишком слабенькими, Беляев наравне с чудовищным бредом наподобие *«Борьбы в эфире»* или *«Продавца воздуха»* мог проталкивать великолепные вещи, которые мы читаем сейчас. И если мне кто скажет, что *«Голова профессора Доуэля»* или *«Человек-амфибия»* не есть классика русской литературы и фантастики в частности, то выходите на дуэль на гарпунных пушках.

Потом — война. Слава Богу, победили, иначе самый жуткий современный political fiction и киберпанк показался бы голубовато-розовой мечтой: Адольф Гитлер не питал к России нежных чувств. После войны — буйство, зверство и людоедство товарища Жданова в сороковых, восстановление промышленности... Построивший развитой социализм народ остался вообще без фантастики (редкие и единичные произведения малоизвестных авторов в расчет можно не брать), а уж тем более — без fantasy, благо и слова-то такого не существовало. Безусловно, можно счесть своеобразными проявлениями данных жанров бесчисленные производственные романы и колхозные новеллы, но сами понимаете...

Где-то за океаном, в Америке, нацелившей на СССР ядерные ракеты и ущемлявшей права негров (кстати, не читали «афро-американское fantasy»? И такое нынче появилось. Разговоры о «белом расизме» можно забыть, это уже прошлое

— пора узнать, что есть и «черный расизм», а в упомянутых книгах захватившие корабли «колонналистов» негры при помощи магии Вуду благополучно громят Париж и Лондон, в качестве отпущения проклятым белым за прошлые унижения), наследники Говарда продолжали клепать «Конанов», будто на конвейере, какой-то тип с совершенно непроизносимой фамилией — не то Желязны, не то Зилазны — придумал еще одну упадническую Волшебную страну, проложив дорогу в Амбер, за техногенщину отвечали мэтры Хайнлайн и Азимов... Тогда же появился Толкин и положил всех конкурентов на обе лопатки.

Советский Союз шел вперед с песней по жизни, а пришли мы прямиком в оттепели, Всесоюзному фестивалю молодежи и студентов, первому спутнику и полету Гагарина. Уже виделось, как в 2000 году (Гы-гы-гы... Посмотрите-ка, в каком году издана эта книга?..) воплощается мечта Толстого о коммунизме на Марсе и Венере, прорыв в космос спровоцировал волну интереса и породил десятки авторов, штампующих романы «на космическую тему», в ход пошли летописные аннигиляторы, дезинтеграторы и теория «черных дыр». Однако, нам они неинтересны, ибо (снова процитирую пана Сапковского): *«Никто меня не переубедит, что мир, уничтоженный войной или катаклизмом, где каждый сражается с каждым, а все вместе — с мутантами, чем-то лучше Страны Никогда-Никогда, квазифеодального мира, где каждый дерется с каждым, а остальные охотятся на гоблинов.*

Да пусть мне кол на голове тешут, я не вижу превосходства путешествия на звездолете к Тау Кита над походом в Серые Горы, где, как известно, золота нет. Взбунтовавшийся бортовой компьютер для меня по фабуле не превосходит предателя-колдуна, и никакой там лазер-бластер не становится для меня автоматически выше меча, алебарды или же окованного цепя».

Точнее и выразить нельзя. Снимаю шляпу перед мэтром из братской славянской Польши. И в то же время прекрасно понимаю, отчего отечественные мэтры брезгливо именуют *fantasy* «нежанром», «чушь и гадостью» и предпочитают почивать на лаврах галактических строителей коммунизма, межпланетных первопроходцев и прогрессоров, ведущих отсталые феодальные народы других миров к светлому краснознаменному завтра.

Мэтры хитры и опыты — никакой былинный Славянин с Кладенцом, это суконное рыло отечественной *fantasy*, со всеми своими лаптями, гуслями, онучами, печищами, перунами и птицами гамаюнами, что сидят на шелестящих ветвях столетних дубов, никогда не получают такой славы и популярности как те же самые идеологически устаревшие прогрессоры.

Ну-ка, скажите, кого вы помните и знаете лучше — дона Румату, дона Рэбу и отца Кабани, или очередного Славянина с Кладенцом? Какое место на вашей книжной полке занимает *«Трудно быть Богом»* и эпическая сага о походе какого-нибудь Светозара против поганых, осна-

ценная магическими эффектами и колдовством с летальным исходом?

Так я и думал...

Противно. Обидно за свой жанр. Гадко, когда большой начальник из издательства, выкраивая на физиономии скучливое выражение, объясняет, что «потребитель хочет славян». И побольше крови, магии (простите, не буржуйской западной магии, а славянской ворожбы...) и родёмых воющих онуч.

Национальное самосознание в беде и онучи здесь играют главнейшую роль. Если читатель будет видеть онучи в каждой книге, он поймет, что наши корни ни в какой не в Америке, и не в Европе, а здесь, среди березок и шелестящих ветвей столетних дубов.

Так национально самосознаемся много лет. Среди шелестящих дубрав. В трехэтажных избах и чреве китовом.

Уж простите за резкость, но эти орды Славян с Кладенцами, мизерное представление о своей истории, дремучее невежество и откровенные глупости, высокопарно именуемые либо «авторским стилем», либо — еще чище! — постмодернизмом, поднимают помянутое самосознание с той же силой, что и мексиканские сериалы вкупе со штатовскими полицейскими боевиками.

Я не считаю себя «западником», однако и не стану утверждать, что нашей тяжело больной и глубоко обойденной вниманием Господа Бога стране, необходимо для национального развития такое вот «возвращение к корням». Где корни?

Покажите? Славянин с Кладенцом — это корень? Да ничего подобного!

Снова Сапковский: *«Нет, я знаю, что у нас имеется славянская мифология, у нас есть всякие там Сварожичи, Свантевиты и прочие Велесы. Но эта мифология не достигает нас своим архетипом, и мы не ощущаем ее проекции на сферу мечтаний. Об этом позаботились весьма эффективно. Славянская мифология отождествляется с язычеством, а мы, как предполье христианства, приняли Домбровску из Чехии и крест из Рима с радостью и наслаждением, долго не раздумывая — и в этом наш архетип. У нас не было эльфов и Мерлина, до 966 года у нас ничего не было, а только лишь хаос, темнота, пустота и мрак, прояснил который нам только лишь римский крест».*

С Польшей все ясно. А что было у нас? Великая цивилизация, которой Рим с Грецией и в подметки не годились? Славяне с Кладенцами достигли того, что к моменту крещения Руси сделал германский варвар Карл Великий уже 165 лет как — создали новую Римскую Империю? Или мы, Достоевские богоносцы, сеятели и хранители, приняли Благовесть как и наши ближайшие родичи, германцы, в первой половине первого тысячелетия? Нет, Святая Русь ждала Евангелие до 988 года, где там всяким сикамбрам или вандалам...

А теперь, просвещенный читатель, подсказка, что происходило на наших землях до летописного 988 года? Ну да, вспоминается «шит на вратах Цареграда», призвание варягов, Рюрик-Рерик, Олег-Хельги, Игорь-Ингвар — такие

же стопроцентные славяне как и Шамиль Басаев... А до того? Ну? Напрягись! А откуда у нас сведения о сварогах-перунах-велесах? Из византийско-православных хроник, полагавших этих богов языческими чудовищами? Или нет? Где те самые корни? Где Славянин с Кладенцом? Где Великий Воин Свентовита и Живаны? Где грандиозная языческая славянская мифология, с генами заложенная в каждом из нас?!

Во-от. Если полякам хаос, пустоту и мрак развеял крест римский, то к нам пришел крест византийский, что без разницы — тогда оба креста были едины, и никто не делил Церковь на православную и католическую. Только с 988 года мы начали знать, каковы корни и откуда растут. Из Константинополя. И еще из Скандинавии, подарившей нам князей и государственную организацию. А все потуги новоязычников сейчас выглядят смешными и жалкими — восстановление языческих корней, отталкиваясь от христианских летописей, выйдет также, как реконструкция эпохи Петра Первого по советским учебникам, где первый император всероссийский не более чем самодур и жестокий крепостник, а если и проявлял иногда разум, то потому, что более прогрессивные обуржуазившиеся европейцы научили темного феодала, что и как. Ну-ка, попробуйте узнать хоть что-то объективное о тамплиерах, основываясь на протоколах инквизиции!

Привитый нам на уровень подсознания принцип: «Восстание Спартака было подавлено пото-

му, что рабы не знали марксистско-ленинской теории» так же благополучно воздействует не только на мозги любого постсоветского человека, но и на наше «славянское fantasy». Сварог не мог не победить Одина потому, что Сварог наш, мы-славянский, а Один — из религии поганых. Не из сермяжных, кондовых и посконных, ибо любой славянин, хоть он из II-III веков, априорно православен, добродушен, добросердечен, а стало быть — абсолютно прав.

Красные — белые. Русские — немцы. Пролетарии — буржуи. Бузина в огороде, а следовательно — в Киеве дядька. Железная логика.

Кушайте, господа читатели.

А теперь вспомните, на чем вы, я, сосед, участковый милиционер или бритый бандит из шестисотого «Мерседеса» воспитаны.

Где Свароги, Свентовиты и Лады? «Лады» — разве что в гаражах. И то не у всех.

А где православие, самодержавие и народность, как замена национальному сказочному архетипу?

Ну же? Вспоминайте быстрее! Ах вот оно что... 80 лет коммунизма, и пропало наше православие-самодержавие незнамо куда... И коммунизм куда-то растворился. Теперь их всех заменяет пожилой американский дяденька, хитро таращащийся с зелено-белой купюры. Новый, российский (не новорусский, а именно новый российский!) архетип. Новая религия. Новый Сварог и новый Иисус? Спасение? Господь Доллар?.. Амен. Или как?

И что тогда такое наше *fantasy*? Про Славян с Кладенцами? Архетипическая сказка? Страна мечты? Место отдохновения? Аваллон? Заокраинный Запад? Веревка с петлей на шелестящей ветке столетнего дуба?

Вот вам архетип российского *fantasy* номер один.

3. Герой с коммунальной кухни

Теперь немного поговорим о психологии.

Пан Сапковский достаточно верно определил дорогу, по которой к нам пришло *fantasy* — артурианский архетип англосаксов. Интегрированный в культуру и психологию европейских народов культ древнейшей дохристианской эпической легенды, каковая отсутствует у нас. Зато мы другим богаты. И, когда я наконец докопался, в чем то богатство и откуда идет значительная часть нашего *fantasy* — волосы дыбом встали.

Сейчас расскажу.

Несколько лет назад книжный рынок был ошатаивлен появлением новой разновидности Славянина с Кладенцом. Раньше, в исторических или псевдоисторических романах, отрабатывалась вековая схема «славяне *versus* поганые» в любых разновидностях, где в роли «душителей всех пламенных идей, насильников, грабителей, мучителей людей» выступали то монголы, то викинги, изредка злобные ромеи, стремящиеся по-

топтать юную российскую государственность, на худой конец — притеснители-феодалы отечественного производства.

Думаю, никто не будет спорить, что исторический архетип противостояния «Русь — Степь» или «Александр Невский — Тевтонцы» благополучно переключался в *fantasy* и является единственным историческим основанием романов подобного рода. Вставай страна огромная, вставай на смертный бой. С кем персонально — неважно, главное — с погаными. Типаж Векового Зла в российском стиле.

Однако новая инкарнация славянского Героя *fantasy* не отвечала никаким канонам, кроме, единственно, того, что герой был крут и силен. Впрочем, это закон природы жанра.

Собственно, этот Герой остался отнюдь не в одиночестве, появилось достаточное количество последователей и подражателей, однако все они перебивают одну-единственную модель. Выглядит она примерно таким образом.

Жил-был себе Славянин. Пока без Кладенца. Славянина обидели. Причем обидели так, что он решил стать крутым, добыть себе Кладенец и отомстить. А после этого вдруг начал бороться не со Вселенским Злом, а с частными проявлениями оного.

Как раньше было просто! Дошел до Самой Черной Горы, взял за бороду Самого Главного Злодея, приложил его мордой об алтарь Самой Мрачной Тьмы, а потом прикрутил бесталанную головушку славянского Саурана к седлу и с по-

бедой вернулся домой — княжить, борtnичать и девок портить.

Но Герои Нового Времени делают все наоборот. Они, конечно, тоже не прочь сходить на Самую Черную Гору, однако не знают, где она находится. Вернее, знают, но пока не добраться. Времени нет. Надо вытаскивать из проруби щенков, выкармливать пипеткой котят, жалеть старушек, вразумлять молодежь, бдеть и охранять... И рефлексировать, рефлексировать и еще раз рефлексировать. По любому поводу. Однако, о болезненном самокопании Нового Героя чуть ниже, это отдельная тема.

(Давайте заметим, что классический персонаж *fantasy*, Конан из Киммерии, никогда и ни при каких обстоятельствах, ни у одного из почти двух сотен авторов, занимавшихся Сагой не станет размышлять о своих поступках — Конан полагает, что его действия изначально правильны и справедливы...)

Новый Герой стремится к идеалу, чаще всего выражаемому в простенькой и понятной каждому читателю бытовухе: благолешном славянском укладе, архетипе Великой Матери и прочих атрибутах славянизма наподобие избы, огорода и выводка голозадых детишек. Но даже такой несложный идеал слишком отдален хотя бы потому, что окружающий мир отнюдь не способствует его достижению. И Новый Герой, позабыв о Самой Черной Горе, с горя начинает причинять добро и наносить милосердие направо и налево.

Причинение добра — дело тяжелое и неблаго-

дарное, что сказывается на тексте книги и ее смысле. В подобных романах нет сюжета. Новый Славянский Герой, теоретически, движется вперед от точки А к точке В, стремясь, ясен пень, к Логову Вечного Зла, которое наличествует где-то там за горизонтом. Однако на пути Героя встречается такое несметное количество нуждающихся в помощи увечных-калечных-параличных-ишемичных-сифилитичных, что до помянутого Логова дойти можно будет от силы тому к десятому. Зато какой простор для добродейства!

Восплачешь тут по Конану!

Итак. К концу первого, самое позднее — к началу третьего томов саги о Новом Славянском Герое за ним шествует целый караван униженных и оскорбленных, облагодетельствованных его Силой и Мечом. Естественно, Славянину приходится обо всех заботиться, кормить, поить, защищать от нехороших людей, если имеется младенец — стирать пеленки, а также наставлять в древнем благочинии и богопочитании. Какая уж тут Самая Черная Гора со своим Злодеем! Некогда!

Сделаем лирическое отступление, и проясним, почему же Логово Кровавого Мрака и битва Вселенского Добра с Инфернальным Злом в подобных романах остаются за кадром.

Говорят, будто один из неписанных канонов *fantasy* — обязательное наличие Самого Злобного Врага. Согласен. Тут нам и Саурон с Морготом у Толкина, и Властелин с Госпожой у Глена Кука, и Тень Геда — Темная Половина у Ле Гу-

ин, и Рэндал Флэгг у Стивена Кинга, Конан и Тот-Амон у Р. Говарда... И так далее до бесконечности. Противостояние «Положительный Герой — Противник Положительного Героя» тянется от времен Артура и Морганы, Сигурда и Фафнира, или, допустим, Беовульфа с Гренделем. Обычно эта схема в вульгарной славянской *fantasy* и обрабатывается. А в случае Нового Славянского Героя мы имеем Зло не на вселенском, а на бытовом уровне. Так сказать, облагороженная жанром коммунальная кухня.

Кажется, я нащупал ниточку.

Один из законов психологии: мы подсознательно *не верим* в вещи отдаленные и абстрактные, или *не считаем* их опасными. Скажи-ка, пожалуйста, дорогой читатель, потащился бы ты прямо сейчас в Крестовый поход, освобождать Гроб Господень? Я бы потащился. Только сначала изучил бы контракт, узнал, сколько мне за это заплатят, как будет организована доставка, кто начальник, каковы условия проживания, насколько серьезна организация... Безусловно, для жителя средневековья, сарацины, захватившие Святую Землю, это Большое Зло, но для меня, человека конца XX века, слишком трудно понять реальность и мотивы поступков обитателей века XII.

Более близкий пример: мы с интересом следим по телевизору за войной на Кавказе или захватом заложников в «Норд-Осте» и знаем, что терроризм — это очень, очень плохо, это разновидность Большого Зла. Однако я доселе что-то

не наблюдал многотысячных толп, осаждающих военкоматы с требованием записать в армию, дать автомат и немедленно отправить в Грозный — бороться. Большое Зло слишком отдалено, и пока террористы не взорвали твой дом, или не убили твоего друга, ты будешь сидеть перед телевизором и просто наблюдать. Прямой репортаж из Мордора, если угодно. Федеральная авиация бомбит Барад Дур. Бандформирования гоблинов отходят в горы, а Король-Призрак угрожает новыми терактами. Гхм... В какой-то мере — это психология «буржуазного» хоббита, который уверен в том, что выплаченные им налоги идут именно на то, чтобы нанятая государством армия его защищала и оберегала. А «феодал» первым бы схватил меч (автомат) и вступил в битву... Причем непременно победил бы!

Мотивация нашего «хоббитства» проста: наш прагматизм детей техногенной и бюрократической цивилизации не позволяет просто так оставить квартиру-машину-работу-семью и рвануть черт знает куда, черт знает зачем. Кроме того, там еще и убить могут!..

И в итоге ни ты, ни я никуда не едем. Если, правда, не устроят условия контракта. А лучше всего — пойдем-ка мы до книжного развала, посетуем на то, что овес нынче дорог, но все-таки выложим пятьдесят рублей за книжку об этом самом Крестовом походе или боевик о Кавказской войне, и повздыхаем: а ведь могли же люди!

(Замечу, что некоторые могут и до сих пор —

есть у меня хороший друг, участвовавший в злополучном штурме Грозного «под Новый Год» в 1996 г. и, несмотря на все печальные приключения доселе готовый идти в бой без оглядок на собственное благополучие... Тут встает вопрос о такой крайне серьезной вещи, как убеждения, но давайте больше не отвлекаться.)

Вернемся на коммунальную кухню. Вот не отсюда ли явился Новый Славянский Герой, борющийся со Злом на бытовом уровне? Абстрактная Тьма и существующий где-то-там Саурон недостижимы, до них идти далеко и долго, а вот мелких гадостей и подлостей вокруг хоть отбавляй. Для устранения этих черных пятен на лице повседневной жизни и появился столь давно ожидаемый Защитник увечных-калечных, разнесчастных интелов, которых третируют, обижают и тиранят орды быдла. Пусть Зло выражается в соседе-алкаше, плюющем в твой суп, или злобном правителе с герцогской цепью из мира fantasy.

Сражение со Злом снизошло с макси-уровня на микро-уровень. Если хама не могут поставить на место в нашей обыденной жизни, то давайте хотя бы в Стране Мечты порадуемся за Нового Славянского Героя и его подопечных. Помечтаем о том, что однажды и к нам явится такой герой и наведет порядок на нашей коммунальной кухне.

Вот оно! Вот наш архетип fantasy, вот лучезарная Волшебная Страна Грез! Не какие-то там Средиземье с Амбером или Земноморье с Хайборией, а Большая Коммунальная Кухня.

И никакое это fantasy не славянское, а самое что ни на есть совковое. Мечта бедных забитых учительниц школы и инженеров на полставки. Герой, который придет, защитит, не изнасилует в подъезде, станет настоящим другом, сделает так, чтобы сосед-алкаш не плевал в твой суп и продавщица в магазине не обсчитывала. А ты взамен научишь этого добродетельного, сильного, но слегка диковатого Героя ладить с цивилизацией, захлебываясь, расскажешь ему о творчестве Сартра, романах Умберто Эко и картинах Анри Матисса, сводишь в его оперу и покажешь постмодернистского «Эдуарда II» по видео... Вот он, великий союз Духа и Силы!

Говоря откровенно, советско-совковый архетип fantasy, основанный на противостоянии Крутого Героя и Бытового Зла — явление настолько уникальное, что заслуживает отдельной диссертации. Вдобавок играет немаловажную роль наложение подсознательных мечтаний православного толка о Защитнике. Герой fantasy легко преобразуется в Николая Угодника и наоборот. В нашем крайне нестабильном мире Защитник нужен был всегда и во все времена. Бытовое зло может быть каким угодно, в любой микро и макро формах: это вам и чекист в кожанке, и следователь НКВД, и начальник, забивающий вашу творческую инициативу, и чиновник-мздоимец. Но здесь мы забрались слишком высоко — часто вы видите в своей жизни следователя и оказываетесь в Лефортово по обычному обвинению? Гораздо чаще мы видим своих родных,

соседей, друзей, сослуживцев, продавцов, ментов, вагонных проводниц, непосредственных начальников. Кто виноват, что не платят зарплату? Правильно, директор!

Одного мы не понимаем: даже если наш Вечный Друг, крутой Славянский Герой, пойдет бить морду помянутому директору, деньги от этого не появятся. Если только в *fantasy*. А если Защитник угробит булатным Кладенцом ваших недругов — он сядет. За превышение пределов необходимой обороны и умышленное убийство на почве личной неприязни. Еще примеры приводить?

Давайте отойдем от бытовухи, зарплат и уголовных статей. Вернемся в страну нашей Мечты, столь старательно изображенную в Новом *Fantasy*.

4. Мечта, основанная на страхе

...Самая Черная Гора остается неразрушенной, Самый Черный Злодей — ненаказанным. А Новый Славянский Герой стирает пеленки по добранного в канаве младенца и думает: «Может, вовсе не следует докапываться до этой Самой Черной Горы? Может, этот Злодей вовсе и не плохой, а обстоятельства его таким сделали? Ну, ведь было у него что-то хорошее! Может быть, он маму любил...»

Современная западная литература *fantasy* в

основе своей цинична. И на подобный монолог героя следует ответ буржуя Глена Кука: «Да ничего подобного! Скорее всего, твой Злодей вырвал у своей матери сердце и съел его на завтрак. С кровью».

Американцы не привыкли особо долго размышлять и вести глубоко за полночь разговоры на кухне о смысле жизни. Они рассуждают практически, а потому всеми нами любимый Конан из Киммерии — чисто американское порождение. На первом плане стоит безоговорочный прагматизм. Основа его действий — заработок, имидж и дорогой отдых на заработанное (пусть не всегда честным путем, но здесь уже в действие входит «комплекс Робин Гуда»: если деньги отобрали у злого колдуна, значит, все справедливо). Конан не станет лезть в канаву и вытаскивать свалившееся туда дитя, хотя бы потому, что указанное дитё, при большом желании, может сделать это самостоятельно. Варвар пройдет мимо и потом не будет казниться и страдать. Если ты, неудачник, лежишь в канаве — значит, заслужил.

По причине того, что Новый Славянский Герой, как мы уже выяснили, происходит родом с российско-советской коммунальной кухни, его проекция мечтаний и действий полностью соответствует принципам бородатых мужей-шестидесятников в клетчатых рубашках, привыкших говорить «за жисть», употребляя тридцать третий портвейн. Герой рассуждает. Долго, мучительно, терзательно и изобретательно.

В основном эти самокопания и морализаторства, густо замешанные на интеллигентском мазохизме, сводятся к одному: правильно ли я поступил? Может, надо было сделать не так? А вдруг та паскуда, которой я отмахнул по башке мечом, еще могла исправиться? А что бы сказала по этому поводу Великая Праматерь? А вдруг я поступил так только по своим человеческим представлениям, а никак не по божественным, и боги меня накажут?

Ага!.. Вот и комплекс наказания. Еще один архетип совка. Вечная боязнь расплаты. За любое действие, пусть и праведное. Наши старые лозунги, привитые за восемьдесят лет коммунизма и столетия «царского режима», ничуть не изменились и вовсю сквозят, как бы герой *fantasy* не пытался их скрыть: не высовывайся, не отсвечивай, не влезай, иначе быть беде. Инициатива наказуема. Моя хата с краю. И плевать, кто будет наказывать проявившего самостоятельность человека — милиция или Перун со Сварогом. Автор романа эти постулаты изливаются на бумагу на подсознательном уровне, пусть он того и не хочет. Он просто записывает то, что заложено в самом темном чулане мозга.

Несомненно, у каждого должен стоять самоограничитель, своего рода автопилот, и человек должен думать, что делает, однако Герой-Защитник явно перегибает палку — при любом подходящем и не подходящем случае он начинает копать самого себя до такой степени, что лопата стачивается. Тварь я дрожащая или кто? Право

имею или где? А если имею право, то как его реализовать? И не грядет ли воздаяние за эту реализацию? Слеза ребенка и прочая слюнявая достоевщина. В *fantasy*!

М-да, веселенькая у нас Страна Розовой Мечты. Обхохочешься.

Какие же следуют выводы? Кто такой Новый Славянский Герой? А-а-а!..

Примите жестокую реальность: под оболочкой крутости, борьбы за справедливость, честности и благородства, за мечом-кладенцом и шрамами на мужественной физиономии Героя, прячутся наши старые знакомые: боязни и обиды бедной одинокой учительницы, беззарплатного инженера, голодного студента и рефлексирующей девочки из нищей, но хорошей семьи.

Основа Нового *Fantasy* — страх. Глубоко сидящий, намертво въевшийся и хорошо скрываемый страх. И этот жанр становится безумно популярен потому, что позволяет хотя бы во Вселенной Мечты от этого страха убежать и увидеть, как дрожит перед Кладенцом Героя бытовое, маленькое, локальное, но такое извечное и неприятное повседневное Зло. Понаблюдать, втихомолку злорадствуя, как «плохие парни» боятся вашего Друга-Избавителя. Как они наказываются Героем. Как Друг *делает* то, на что мы неспособны сами — разбивает в кровь морду бандиту. Как торжествует справедливость на коммунальной кухне и разбегаются по щелям перепуганные тараканы.

В реальной жизни такого почти никогда не

происходит, а редкие исключения только подтверждают правило. И я не думаю, что средне-статистический читатель после прочтения книги про Друга-Защитника-Избавителя однажды решится двинуть по морде владельцу джипа, загораживающего вход в парадную. Подобные экзерсисы — это знают все и каждый — сходят с рук только в Стране Мечты и (даже там!) только Защитнику, а отнюдь не представителям тянущегося за ним хвоста Убогих. Тех самых, тех самых подопечных Добродетельного Крутого Героя, рахитиков-паралитиков, униженных и оскорбленных, являющихся — в большинстве своем — прямой аллюзией на нас с вами, гипертрофированным фантастической средой указанием на обывателя, беззащитного перед мафией, государством или примитивным трамвайным хамом.

Зная, что подобные книги расходятся миллионными тиражами, начинаешь с тихим ужасом понимать, каковы потребности этого вот лысого очкарика-обывателя, понимать, насколько серьезна и массова картина страха перед Великой и Ужасной Коммунальной Кухней. Страха, создающего потребность в эдакой литературной Стране Мечты и книжном крутом Защитнике.

В скобках можно было бы заметить, что более молодое поколение, воспитанное и пришедшее в сознательную жизнь за последние годы, в от подобного страха перед окружающей реальностью в значительной мере избавлено. Писателем же, в большинстве случаев, является человек средних лет и очень большая часть читающей публики

тоже происходит родом из 60—70 годов. И каким бы банкиром, писателем, предпринимателем, директором или депутатом ни стал бывший советский инженер-учитель-чиновник, на каких бы мерседесах теперь ни ездил и какими бы состояниями ни владел, выбить из самого себя боязливого совка при помощи костюмов от Версаче или виллы в Монако у него не получится. То, что мы называем «крутостью», только маскирует тот самый, оставшийся со времен СССР, страх. Поэтому взрослые дяди и тети в кашемировых пальто и с мобильными телефонами либо запоем читают истории про Славянского Друга, либо, что реже, их сочиняют.

Насчет обязательной «буржуазности» Нового Героя я могу сказать лишь одно: какой у нас капитализм, такие и герои. Бытие определяет сознание...

Популярность Коммунального Героя среди молодежи тоже объяснима, хотя и более смутно. Весьма многие придерживаются нового принципа, переигрывающего старинное «Моя хата с краю» — «Нам на все плевать». Показной пофигизм надо компенсировать. Вот и пригодился Защитник Слабых и Обиженных. Можно поставить себя на его место и так сладко помечтать. Хотя, если вдуматься, на все плюешь, только когда боишься ввязываться... Этиология та же.

Сами видите — картина прискорбнейшая и угнетающая.

Вот мы и подошли к главной и насущной проблеме. Нужен нам такой Герой или нет? Хо-

тим ли мы оставаться в такой Стране Мечты или сбежим из нее, сверкая пятками?

Не торопитесь отвечать.

Бежать пока некуда, и этот герой никуда от нас не уйдет еще многие десятилетия. Пока не исчезнет последний, несущий в себе совка. Мойсей сорок лет таскал своих евреев по пустыне, которую можно пройти за неделю, ради того, чтобы вымерло поколение рабов. А что остается нам? Что лучше — совок или Господь Доллар? Или надо искать третье? Возвращаться, опять же, к корням? Только вот к каким?..

Авторы, создавшие Нового Славянского Героя, крутого Защитника, интуитивно вышли на требующийся сейчас и в данный момент типаж. Это не кретин в лаптях, не суконно-посконный Славянин с Кладенцом из третьесортных книжек, выделанных ради волны спроса «на славян». Такой Герой полностью отвечает нашей Мечте о Защитнике. К сожалению. Однако достойной замены постсоветской *fantasy* нет, и приходится выбирать между большим злом и малым.

Fantasy коммунальной кухни, когда домохозяйки и пенсионерки рыдают над сценами героического спасения беззащитной девушки от насильников, никуда не пропадет, потому что в реальной жизни Чудесного Избавителя не найдешь и не дождешься, а обязанная выполнять его роль милиция — бездействует; потому, что мы сами никуда не можем уйти с этой огромной коммунальной кухни. Остается лишь мечтать.

Поэтому Новый Герой останется с нами. В фантазиях.

Вообще-то, это ужасно. Жутко. И ничего ведь поделать нельзя, ибо нельзя сбежать от реальности, порождающей Мечту.

Зато прозрачно видны перспективы развития жанра кухонно-героической *fantasy*. Огромные тиражи. Бешеная популярность и столь же бешеные гонорары авторов этого безобразия. И Герой, способный хотя бы на ментальном уровне вытереть наши слезы и сопли. Утешить и защитить.

Кладенец в руке, грозно сдвинутые брови борца за справедливость, извлеченный из канавы ребенок прижимается русской головенкой к твердому плечу... Выстиранные пеленки сохнут на ветвях столетних дубов. Точь-в-точь, памятник в берлинском Трептов-парке. Только вместо гимнастерки — кольчуга.

Мечта?

Мы вполне достойны такой Мечты.

Мне почему-то становится безумно симпатичен старина Конан.

5. Старина Конан — дорога к Свету

Какие выводы?

Мне смертно надоели дубовая высокопарность и мерзкое безвкусице «славянской» *fantasy*. Мне неинтересно читать про «буржуазного» ге-

роя, со всеми его бесчисленными добродетелями. Я не хочу видеть на своей книжной полке тома, со страниц которых густым потоком изливаются зеленые сопли и веет тоскливым страхом перед всем сущим...

Я не хочу, чтобы «мой» герой мыл полы и стирал белье в перерывах между подвигами, не желаю читать длиннейшие и нуднейшие описания его обедов и ужинов. Герой-буржуа, с его психологией хоббита мне чужд и несимпатичен.

«Буржуазность» — это черта не *fantasy*, а научной фантастики, литературы, в которой она выглядит приемлемо и естественно. Сказка — а ведь никто не станет отрицать, что *fantasy* является именно сказкой! — обязана быть «феодальной»! Сказка должна добиваться Света, а не покая!

Над сказкой не могут довлеть подсознательные страхи — она *обязана* быть смелой! И пускай корни сказки растут из «Артуровского цикла», а не из бояливой психологии совка.

У абсолютного большинства авторов Саги о Конане есть чувство вкуса и разум, способные оградить читателя от кошмаров, которые я описал выше. Конечно, «*Сагой*» в основном занимаются иностранцы, не-русские, свободные от наших комплексов и предубеждений, но хочется верить, что в один прекрасный день отечественный автор украсит своим *настоящим* именем том «Конана» и читатель с радостью примет такое новшество. И я питаю надежду, что Конан, как персонаж, останется таким, каким мы его знаем

на протяжении многих лет — веселым, честным с друзьями, не страшащимся ничего и никого.

И пусть Конан остается феодалом в самом лучшем смысле данного слова — он будет настойчиво добиваться справедливости и правды, как рыцарь из сказки; сказки вечной и бессмертной хотя бы потому, что она приведет нас к Свету, а не на коммунальную кухню...

Хайбория — вот Страна моей Мечты.

Андрей Мартыянов
С-Петербург

СОДЕРЖАНИЕ

КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ

Олаф Бьорн Локнит

Глава первая.....	7
Глава вторая.....	20
Глава третья.....	47
Глава четвертая.....	74
Глава пятая.....	87
Глава шестая.....	109
<i>Керк Монро. Крысиный король</i>	133
<i>Питер Нейл. Суд Эрлика</i>	220
Приложение.....	291

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким
издательским ценам в наших фирменных магазинах:**

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Казань, Сибирский тракт, д. 11, тел. (8432) 78-23-20
- г. Казань, ул. Баумана, 13
- г. Новосибирск, ул. Б. Богатного, д. 260, тел. (3532) 10-17-86
- г. С.-Петербург, Невский пр., д. 116, тел. (812) 279-80-68
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Самара, пр. Ленина, д. 2
- г. Азов, б-р Петровский, д. 3
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Курган, ул. Гоголя, д. 61
- г. Курган, ул. Куйбышева, д. 87, тел. (3522) 22-36-23
- г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 50, тел. (3519) 37-55-65
- г. Магнитогорск, ул. Звездыгина, д. 9
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Н. Новгород, ул. Литвинова, д. 25/32, тел. (8312) 77-99-44
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Новочеркасск, ул. Московская, д. 10, тел. (86352) 2-30-53
- г. Орел, Московское шоссе, д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18
- г. Ульяновск, ул. Врача Михайлова, д. 10
- г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 12
- г. Ульяновск, ул. Железной дивизии, д. 6
- г. Челябинск, ул. Кирова, д. 7
- г. Челябинск, пр. Ленина, д. 52
- г. Челябинск, пр. Ленина, д. 68
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Иркутск, ул. Ленина, д. 15, тел. (3953) 24-28-05
- г. Пермь, ул. Крупской, д. 42, тел. (3422) 22-91-17
- г. Тюмень, ул. Республики, д. 155, тел. (3452) 22-45-50
- г. Киров, ул. Комсомольская, д. 37
- г. Киров, ул. Пролетарская, д. 22а
- г. Н. Тагил, ул. Первомайская, д. 32, тел. (3435) 25-43-92
- г. Н. Тагил, ул. Дзержинская, д. 47

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»

«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитал Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын
Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом
Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне».
Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4388, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и
нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произ-
ведениям. Каждая из книг этого гениального автора —
новый мир ледящего кошмара, новый лабиринт
ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настояще-
му страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по
адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ —
«Книги по почте».

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко — и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор — все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Литературно-художественное издание

Локнит Олаф Бьорн
Монро Керк
Нейл Питер

КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественный редактор *Игорь Богданов*
Серийное оформление *Дмитрия Вяземского*
Обложка: *Владимир Савватеев*
Художник *Петр Кудряшов*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Елена Малько*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г

ООО «Издательство АСТ». 368560, Республика Дагестан,
Каякентский район, с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЪМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОБЕДИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕЩНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕЙ 8
КОНАН ПРИВИТАЕТ ВОЙ 9	КОНАН И КАРУЗЫ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГЛУДУЩЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛКИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16
КОНАН И ТАЛИСМАН ЗЛА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕПЛАА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛАМЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПЕРЬЯКИ ПРОЩАЮЩЕГО 23	КОНАН И ВОИШЕСТВО МРАКА 24
КОНАН ВАРЛАМ ИЗ КУМЕРЧИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗДНЫ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И БРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛОТЫЙ ИДОЛ 32
КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАХ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕДАНИ 35	КОНАН И АДАТЪ ПОБЕДИ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОКИДАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКАЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40
КОНАН И ВЛАДЫЧКА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЪМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48

KOHAN

ISBN 5-17-019068-9

9 785170 190683